

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

ИОНЦ «Толерантность, права человека и предотвращение конфликтов,
социальная интеграция людей с ограниченными возможностями»

Факультет международных отношений

Кафедра теории и истории международных отношений

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ДИСЦИПЛИНЫ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

В. И. Михайленко

Екатеринбург

2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	2
Оглавление	2
Оглавление	2
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: теоретический дискурс	10
Часть 1. Глобализация как научная проблема	10
Часть 2. Современные концепции международных отношений	40
Часть 3. Методология и методы научных исследований международных отношений	88
ГЛАВА 2. К НОВОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	103
Часть 1. Глобальное управление и институты	103
Часть 2. «Международный порядок» и «мировой порядок»: политическое, социальное, экономическое измерение международных отношений	129
Часть 3. Трансформация Вестфальской системы	161
Федюкин И. Монтеррейский консенсус// http://www.polit.ru/documents/476633.html .25.03.2002;27.03.2002.	173
ГЛАВА 3. МИРОВЫЕ АКТОРЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	195
Часть 1. Государство и транснациональные акторы в глобальной политической системе	195
Часть 2. Дилеммы гегемона: США между либеральным порядком и имперским соблазном	235
Часть 3. Россия в глобализирующемся мире: проблемы выбора	258
Заключение	287

ВВЕДЕНИЕ

Кажется Гете, говорил, что в пределах исторической эпохи нет такой точки, с которой можно рассматривать данную эпоху. Если мы начинаем понимать прошедшее время как историческую эпоху, значит, появились некоторые признаки того, что мы либо вышли, либо выходим за пределы некоей исторической эпохи. Вместе с тем нельзя исключать иллюзорность представления о том, что мы уже достигли этой точки.

Относительно глобализационных процессов можно категорично сказать, что они еще не выпали в сухой остаток истории. Глобализация проявляет себя как комплекс современных общечеловеческих проблем в их глубокой взаимосвязи и зачастую в непредсказуемой динамике. В связи с этим обращение к данной теме не может не иметь теоретического и мировоззренческого подтекста.

Различие подходов к проблеме глобализации связано не только с множественностью цивилизационных, религиозных, философских, методологических позиций, но и с тем, что люди, проживающие даже в одном территориальном пространстве, могут находиться в разной «духовной ситуации времени». Речь идет об *основаниях нашего мышления*, состояния которых находятся в зависимости от *духовной ситуации времени*. «Наша свобода выбора мировоззрений ограничена коллективным опытом человечества», - утверждает Юзеф Бохеньский. Пожалуй, ключевым для всего нашего разговора о глобализации является следующий вывод Ю. Бохеньского: «В настоящее время мы переживаем кризис, вызванный изменением в духовной ситуации и соответствующим ему разрывом с основными воззрениями прошлого». Этот вывод он относит исключительно к интеллектуальной элите. «Я говорю об «элите», так как в массах, даже в массах образованных людей, духовные

изменения происходят со значительным запаздыванием, иногда только через два поколения...»¹

История — не развертывание готовых проектов и не игра случая. В истории действует личность, человек, неотделимый от самоактивности. Поэтому история и реализуется как синхронизация более или менее автономных спонтанных возможностей.

Михаил Эпштейн в своей книге «Философия возможного» утверждает, что период «пост» завершен. Постмодернизм, посткоммунизм и другие уступают место «прото», т.е. зарождению новых культурных формаций. «Прото» - это явление в самой начальной фазе развития. По большим эпохальным меркам наша цивилизация находится именно в этой зародышевой фазе. Черты новой эпохи формируются у нас на глазах; цивилизация рубежа XX - XXI веков - «протоглобальная». В том смысле, например, что только 2 - 3 процента населения Земли - политическая, деловая и интеллектуальная элита - живут поверх национальных барьеров. После 11 сентября резко обозначилась возможность и таких определений, как «протопанисламская» и «протохорридная» (*horrid* - ужасный). «Хоррор» (*horror*), в отличие от «террора» - не средство достижения политических целей, а нагнетание ужаса как такового. *Хоррор* - состояние цивилизации, которая боится сама себя, потому что любые ее достижения: почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания и средства транспорта - могут быть использованы для ее разрушения; смерть таится повсюду: в воздухе, в воде, в невинном белом порошке, в рукопожатии друга. Подобно тому, как компьютерная сеть принесла с собой вирусные эпидемии, грозящие ей полным параличом, так и вся наша цивилизация растет, отбрасывая гигантскую тень, которая растет еще быстрее.

Теоретическое осмысление мира строится на понимании различия двух вещей: первой — что есть некоторые идеальные предметы, и второй — что

---

¹

Бохеньский Ю. Духовная ситуация времени // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С.94

эмпирия есть нечто такое, в чем никогда это идеальное не выполняется. Чтобы судить о том, что есть в мире нужно на эмпирический мир смотреть глазами идеальных объектов. И тогда в эмпирическом мире можно устанавливать какие-то зависимости и связи. Поэтому один из первых элементов эмпирического языка есть язык терминологии.

Глобализация, представляя собой своеобразную нормативно-теоретическую парадигму, предлагает и образцы новой рациональности. Рациональность в глобальном смысле понимается, прежде всего, как свобода самовыражения многообразия.

Центральными вопросами модернизации или инновационного обновления структур любого государства являются соотнесение его места в цивилизационном процессе, выборы стратегии и тактики, методов и средств достижения целей, определение взаимоотношений с другими акторами международных отношений. Зачастую формулирование целей, стратегии и тактики их достижения зависят не от рационально обоснованной задачи и «здорового смысла» (в виде *realpolitik*), а от *стиля мышления* политической власти и/или правящей элиты, на формирование, которого влияют традиции, верования, мифы, амбиции, интересы.

Вышесказанное усложняет использование исследователем методологического инструментария при оценке государственной политики в области международных отношений. По-существу, речь идет об изучении разнородных факторов, действие которых, если использовать синергетический подход, создает эффект в точках пересечения и наложения векторов (бифуркации).

Международно-правовой инструментарий перестал быть достаточным для исследования современной системы международных отношений. Прежде всего, этого связано с особенностями эволюции самой системы международных отношений.

В научный оборот введено понятие «поствестфальский мир», суть которого сводится к тому, что, во-первых, суверенные государства перестали быть основными акторами системы международных отношений, а, во-вторых, сама система регулируется не только международно-правовыми механизмами. Что касается первого утверждения, то даже самый критический оппонент не может не отметить появление новых акторов международных отношений, чье влияние на мировые процессы может быть как дискретным, так и системообразующим (например, «феномен Бен Ладена»). Точно также можно говорить об усиливающемся влиянии такого фактора международных отношений как информационные технологии и производные от них информационные сети. Относительно второго можно сослаться на попытки современного мирового гегемона (США) подменить международно-правовую практику и обязательства размытыми этическими критериями и новыми нормами международной этики и поведения. Независимо от того, принимается или отрицается понятие «поствестфальского мира», можно обоснованно констатировать переход современной системы МО и методов ее исследования от «классики» к «постклассике» и «неоклассике».

Уже сегодня мироустройство претерпело кардинальную перестройку, коснувшуюся жизнедеятельности огромного большинства людей. Однако миропонимание наших современников в большинстве случаев не идет дальше ветхой идеологии XVIII столетия. Не так уж неправ был Хосе Ортега-и-Гассет, написавший: «Разрыв между уровнем современных проблем и уровнем мышления будет расти, если не отыщется выход, и в этом главная трагедия цивилизации»².

Как справедливо пишет политолог Т.А. Алексеева, чтение и осмысление теоретических трудов дает возможность понять процесс развития и становления политических идей, в ходе которого апробируются, оцениваются и отбираются политико-теоретические проблемы, принципы познания

---

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М, 1997. С. 81,93.

политического, идеи и понятия, что обеспечивает не только приращение знания и поступательное развитие политической мысли, но и формирует наши политические взгляды и убеждения³. Таким образом, мы получаем **основания, на которых строится политическая деятельность**. В этом смысле политическая теория — это одно из наиболее глубоких выражений стремления человека быть действительно рациональным, то есть руководствоваться в своей деятельности разумом, а не эмоциями или инстинктами. Политические теоретики отличаются от других граждан отнюдь не только тем, что у них есть определенные политические взгляды. Их отличает *качество* этих взглядов. Они стремятся сделать свое видение политики целостным, хорошо обоснованным, опирающимся на современное знание о человеке и окружающем его мире, и, наконец, доступным⁴.

В заключение мне хотелось бы отметить, что как по структуре учебного пособия, обращенного к теме глобализации, может сложиться тысяча мнений и предложений, так и по самому раскрытию темы. Автора данного пособия это ничуть не смущает. Когда-то Ю. Лотман справедливо заметил, что полное взаимопонимание непродуктивно, что всегда должны существовать какие-то зазоры между стремящимися к пониманию. И только благодаря этому понимание имеет некоторый шанс превратиться в текст.

Что касается структуры текста, то в нашем случае он отличается от не слишком большого количества работ, обращенных к теме глобального управления.

Например, монография О.Н. Барабанова, В.А. Голицына, В.В. Терещенко построена на двухуровневых принципах изложения материала⁵. В первой части рассматриваются теоретические проблемы глобального управления, а во второй

---

³ Алексеева Т.А. Современные политические теории. С.8.

⁴ Там же. С.9.

⁵ Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. М.: МГИМО-Университет, 2006.

части практика глобального управления. Из множества сюжетов глобального управления выбраны два: проблемы реформирования ООН и глобальное экологическое управление. Авторы и не ставят задачей рассмотреть большую часть глобализационных процессов.

Учебное пособие коллектива коллектива авторов факультета государственного управления МГУ под редакцией А.И. Соловьева, напротив, замахнулся на множество глобализационных феноменов, включая институты и акторы, современные политические партии, политику безопасности, антиглобализм, глобальные коммуникации, этнонациональные движения, психологические аспекты глобального управления⁶. Это придало учебнику чрезмерную эклектичность, а убедительнее всего получились три первых раздела, где рассматриваются собственно проблемы глобального управления, институты и акторы.

Учебное пособие М.А. Мунтяна и А.Д. Урсула «Глобализация и устойчивое развитие» обращено к рассмотрению влияния глобализации на историю, геоэкономику, государственность и еще почти десять других тем. Однако вопросы глобального управления не рассматриваются⁷.

Наиболее обстоятельная отечественная монография, посвященная глобализации, опубликована Горбачев-Фондом⁸. В ней выделены три раздела. В первом рассматривается глобальность как феномен, во втором – ряд глобальных проблем, в частности, социо и этнодемографические, экологические, а в заключительной части рассматриваются глобализационные вызовы для России.

---

⁶ Глобальное управление. Учебное пособие/Под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: ИНФРА-М, 2007.

⁷ Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация и устойчивое развитие. Учеб. пособие. М.: СТУПЕНИ, 2003.

⁸ Горбачев М.С. и др. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003.

Представленное на суд читателю учебное пособие выполнено с очевидным креном в сторону освещения влияния глобализации на эволюцию международного и мирового порядка, изменение институтов глобального управления, систем и акторов международных отношений, рассмотрении современных базовых теорий глобализации и международных отношений.

В последней главе также рассматриваются отдельные аспекты поведения мирового гегемона США и глобальные вызовы для России.

ГЛАВА 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Часть 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

До 1987 г. в библиотеке Конгресса США не было книг, в названии которых использовался бы термин «глобализация», а затем число работ стало увеличиваться лавинообразно. Принято считать, что впервые о глобализации заговорили американские ученые. Сам термин приписывается Т. Левиту, опубликовавшему в 1983 г. статью, в которой глобализация обозначалась как феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями. Более широкое содержание придал этому термину консультант Гарвардской школы бизнеса японец Кеничи Омае, опубликовавший в 1990 г. книгу «Мир без границ», в которой он утверждал, что в новой эре глобализации все основные процессы подчиняются рыночным, а государства-нации перестают быть основными действующими субъектами на мировой экономической сцене⁹.

Наука о глобализации – *глобалистика* – стремительно развивается и на ее первый план выходят фундаментальные проблемы мироустройства. Однако пока сама наука и предметные поля ее научных исследований не определены достаточно четко. Впрочем, и по поводу роли *глобалистики* как науки высказываются скептические мнения. Например, отечественный исследователь М. А. Чешков полагает, что «глобалистика так и не определила за два десятилетия существования контуры своего предмета»¹⁰. А, по словам М.

---

⁹ Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация и устойчивое развитие. Учеб. пособие. М.: СТУПЕНИ, 2003. 8-11.

¹⁰ Там же. С. 28.

Веллинга, профессора Утрехтского университета, «глобализацию, оказалось, трудно определить концептуально и показать эмпирически»¹¹. Не случайно некоторые исследователи предпочитают говорить о «глобализациях» во множественном числе.

В США, являющимися лидерами в области исследования глобализации, в обобщенном виде существуют два подхода к данной тематике. Первый исходит из того, что глобализация - процесс более широкий, чем вестернизация. А. Гидденс, Р. Робертсон, У. Конноли и другие американские авторы полагают, что восточноазиатские страны достаточно убедительно доказали реальность модернизации даже тех обществ, где вестернизация не коснулась их культурно-цивилизационной самобытности. Второй подход заключается в трактовке глобализации как расширенной вестернизации, глобальной диффузии культуры евроатлантической цивилизации, распространение западного капитализма и западных институтов.

Спор между сторонниками таких двух подходов концентрируется на вопросе: можно ли и следует ли ожидать, что незападный мир вступит в фазу глобализации, не подвергнувшись предварительному «облучению» вестернизацией, к тому же не отказавшись от своих культурных корней ради эффективных цивилизационных основ жизнедеятельности Запада?¹²

«Идеальный тип» современной глобализации, разрабатываемый такими современными теоретиками, как М. Арчер, М. Элброу, Э. Гидденс, Е. Тирикьян, Р. Робертсон, и многими другими, обобщенно можно представить следующими принципиальными компонентами:

---

¹¹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М.: Альпина паблишер, 2003. С. С. 31.

¹² Там же. С. 29.

- всеохватность и комплексность изменений при переходе к глобальной стадии — меняются все параметры социальных структур и сама изменчивость, «пластичность» становится главной позитивной ценностью;
- все глобальные ценности и ориентиры получают априорное доминирование по отношению к местным (локальным) ценностям, включая и этнический фактор, который элиминируется;
- гибридизация культуры, т. е. процесс быстрого переплетения (часто искусственного) культурных феноменов из прежде несовместимых частей, особенно в поп-культуре;
- признание гражданского общества единственной формой социальной упорядоченности глобального социума¹³.

Среди основных теоретических подходов к глобализации Н. Покровский выделяет линейные процессы; миросистемную модель; концепцию глобальной культуры; теорию глобального общества и глобально-локальных взаимодействий («глокализм»)¹⁴. Так, «линейные» представления о глобализации подразумевают расширение, углубление и увеличение интенсивности мировых интеграционных процессов без радикального изменения их внутреннего содержания и качества. Согласно этому подходу мир экстенсивно («линейно») наращивает свои современные особенности и тем самым преодолевает противоречия, связанные с разобщенностью человечества. В этом смысле практически все глобальное априорно несет положительные черты — в экономике, политике, культуре, информатике/коммуникациях, защите окружающей среды. Современная социально-политическая теория предлагает ряд концепций, которые отвергают линейную схему рассмотрения мировой реальности, но акцентируют внимание на достаточно новых

---

¹³ Глобальное управление. С. 49-50.

¹⁴ Там же. С.38.

качественных характеристиках этой реальности, а также на ее социологической и политологической интерпретации.

Одним из главных творцов *«миросистемной» модели* по праву считается И. Валлерстайн. На протяжении последних как минимум 20 лет он отстаивает теорию, которая по определению должна носить глобальный характер (хотя сам ученый уклоняется от использования этого термина). Рассматривая глобализацию во многом как функционирование мировой экономической системы («капиталистической мирэкономике»), он указывает на наличие в мировом разделении труда стран, принадлежащих к трем различным «кругам»: а) экономическому «ядру» мировой системы, б) «полупериферии»; в) полной «периферии». Причем сочетание этих трех зон мировой экономики находится, по его мнению, в движении и перемещается в геополитическом пространстве. В качестве же главного фактора мировой политики он рассматривает борьбу сверхдержав за мировое господство, а в области культуры делает упор на взаимодействие «культурных цивилизаций» и их стремление занять господствующее положение.

Примечательно при этом, что, несмотря на свой «миросистемный» радикализм, подход Валлерстайна не порывает с концепцией национальных государств, предлагая лишь соответствующим образом объединять их в три указанные выше зоны. Так или иначе, границы между государствами, или «зонами», остаются и в условиях глобализации.

Другая альтернативная линейному пониманию глобализации концепция «глобальной культуры» на протяжении последних более чем 10 лет разрабатывается на страницах журнала-альманаха «Теория, культура и общество» (*Theory, Culture and Society*), редактируемого М. Феверстоуном. Главные направления разработки предлагаемого этой моделью понимания глобализации предполагают описание потребительства как явления *глобальной культуры, мирового туризма, мировой культуры и религии, а также культуры постмодернизма*. Центральный вопрос, рассматриваемый представителями

этой школы глобалистики, касается проблемы самоидентификации личности в условиях нарастания транснациональных тенденций в мировой культуре. Ученые пытаются, по сути, ответить на вопрос: что испытывает индивид в ситуации превращения его национальной культуры в часть глобального мирового целого?

Корни глобализационных процессов уходят глубоко в историю. В европейской научной традиции, начиная с древнегреческих стоиков, идея о мире как космополисе разумных существ, основанном на принципе справедливости, становится устойчивой. Постепенно она превращается в одну из центральных тем, благодаря победившему в Европе христианству с его универсалистскими установками. Со времен крестовых походов и великих европейских открытий мировоззренческий универсализм становится «визитной карточкой» европейцев. Гуманизм и рационализм эпохи Просвещения начинают рассматривать мировое развитие как единую судьбу человечества, основы которой закладываются европейским прогрессом и доминированием европейского миропонимания. На многие исторические эпохи мир становится «европоцентричным». Лишь во второй половине XX века мир преобразуется в охватывающую всю планету мировую систему.

В многочисленных работах по глобалистике в большей или меньшей степени просматривается важнейшая сущностная характеристика глобализации: *новое качество всеобщности* человеческого бытия более не укладывается в привычные рамки национально-государственных образований. В любом случае, как пишет В. Кувалдин, «глобализация подрывает основы «островного сознания»¹⁵.

А. Загорский пишет о «нарастающей быстрыми темпами *интернализации* процессов экономического воспроизводства в международном масштабе, результатом которой... стало *формирование единого и тесно взаимосвязанного*

---

¹⁵ Грани глобализации. С. 34.

*мирохозяйственного комплекса, составляющего ядро современной экономики»*¹⁶. Таким образом, речь идет о формировании целостной интегрированной мировой экономики.

В. Кувалдин рассматривает глобализацию как «процесс формирования глобального человеческого сообщества», в центре которого находится «воссоздание родового единства человечества под воздействием мощных интеграционных процессов в различных сферах общественного бытия»¹⁷.

Для М. Чешкова «глобализация – процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества»¹⁸.

А. Володин и Г. Широков понимают глобализацию как «комплексное геоэкономическое, геополитическое и геогуманитарное явление, оказывающее мощный демонстрационный эффект на все стороны жизнедеятельности вовлекаемых в этот процесс стран». Если, по их мнению, предшествующий этап - «интернационализация» - можно рассматривать как начало движения капиталов и товаров, людей и идей, в ходе которого были заложены основы целостности мирового пространства, то в настоящее время идет «доформировывание» этого процесса глобализацией¹⁹.

А. Кокошин обращает внимание на формирование «мировых финансовых рынков»²⁰.

---

¹⁶ КОСМОПОЛИС. Альманах 1997. М.: «Полис». С. 162.

¹⁷ Грани глобализации. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 36.

²⁰ Арин О. Двадцать первый век: мир без России. М.:Альянс, 2001. С. 158.

Для одних глобализация – это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других – означает экономическую и политическую гегемонию Америки²¹.

В Декларации тысячелетия ООН, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2000 г., говорится: «...Глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии».

По большому счету разнообразные и противоречивые мнения пересекаются в одной очевидной точке согласия – идет процесс создания *глобального сообщества*.

Некоторые опорные точки глобализационных процессов, по которым более-менее достигнут консенсус между исследователями глобализации:

- начались в период великих географических открытий;
- ведут свою концептуальную родословную от идеи Канта, согласно которой возможности обретения вечного мира обуславливалась формированием мирового правительства;
- глобализация «выросла» из реальной интернационализации экономического и политического развития стран мира;
- она является современной формой модернизации современного мира;

Ключ к пониманию природы глобализации надо искать в трансформации общественного устройства, в котором мы существуем и развиваемся в течение столетий. Национально-государственные формы человеческого бытия

---

²¹ Бергер П. Культурная динамика глобализации// Многоликая глобализация/ Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

постепенно утрачивают свою самодостаточность. Постепенно мы втягиваемся в новый общественный уклад. *Глобализация* — процесс формирования глобального человеческого сообщества. Новое качество общественного бытия в глобализирующемся мире обуславливает понимание глобализации как комплексного геоэкономического, геополитического и геогуманитарного явления, оказывающего мощный демонстрационный эффект на все стороны жизнедеятельности вовлекаемых в этот процесс стран.

Фактически речь идет о создании *глобального сообщества*, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц. Его формирование начинается с динамичных изменений в различных видах экономической деятельности. Активность в этой области настолько превосходит все остальное, что нередко глобализация отождествляется со становлением глобальной экономики. Хозяйственная деятельность задает импульс развитию, но не исчерпывает его.

В действительности перемены заметны и в социальной сфере, и в политической жизни, и в области культуры. Другое дело, что по своей природе эти сферы бытия гораздо более инерционны, чем экономика. Сверх того, здесь глобализация наталкивается на труднопреодолимые барьеры, порожденные принципиальной несводимостью политических систем либо культурных норм к каким-то унифицированным образцам.

По своей природе процесс глобализации не может быть простым, гладким и бесконфликтным. Он затрагивает всех и каждого: индивидов, малые и большие сообщества, регионы и государства, народы и цивилизации. За теми или иными путями и методами решения глобальных проблем, моделями формирующегося общечеловеческого сообщества стоят колоссальные интересы. В известном смысле глобализация сфокусировала в себе все противоречия и конфликты современности. Если мир взаимозависим, значит, он и взаимоуязвим.

Одна из важнейших причин большой конфликтности глобализационных процессов заключается в коренных различиях в уровнях социально-экономического и политического развития человеческих сообществ, в их образе жизни, в отношении к основным проблемам бытия, в системах ценностей. Сегодня эти различия настолько велики, что можно сказать: человечество живет в разных измерениях и мирах; частично они совпадают, частично существуют параллельно, частично даже не соприкасаются.

Другой источник конфликтогенности — большие перепады потенциалов отдельных участников. Неравенство стартовых возможностей, предопределяющее распределение ролей, закладывает семена будущих конфликтов между выигравшими и проигравшими от глобализации, фаворитами и аутсайдерами глобального сообщества. Слабость наднациональных регуляторов глобализационных процессов обостряет ситуацию.

Сегодняшняя глобализация во многом детище Запада, прежде всего Соединенных Штатов Америки. Вольно или невольно она направлена на закрепление исторически сложившегося неравенства между Западом и Востоком, особой роли США в мире после холодной войны. Поскольку западная цивилизация представляет собой небольшую часть населения Земли, многое в развитии глобализационных процессов вызывает справедливые протесты и нарекания остального мира.

Еще один дестабилизатор глобализации заключается в том, что она вызывает противоречивые последствия. Они одновременно работают на соединение и разрыв внутри стран и между ними. Вместо создания большой, единой экономической или политической системы они зачастую раскалывают, отделяют и поляризуют целые континенты.

Наиболее сложный комплекс проблем, с которыми сталкивается глобальное сообщество в процессе своего становления, порожден культурным

многообразием человечества. Нет оснований полагать, что конфликт цивилизаций — наиболее вероятный сценарий будущего. Однако несомненно, что поиски взаимопонимания и налаживание взаимодействия между различными культурно-цивилизационными комплексами требуют огромных усилий и мобилизации всего духовного потенциала человечества.

Несмотря на вышеперечисленные (и многие другие) трудности и препятствия, процесс глобализации идет полным ходом и будет продолжаться. Сегодня выделяются несколько наиболее интенсивных его направлений: мировые коммуникационные сети, информационное обеспечение, финансовые институты, СМИ, международное сотрудничество в ряде областей (например, защита прав человека, природоохранная деятельность). Даже в вышеназванных областях правильнее говорить не о глобализации как таковой, а о создании предпосылок глобальных режимов, инфраструктур, систем, институтов.

Ахиллесова пята глобализации — политические структуры, государственные институты, системы управления. Не впадая в утопии вроде мирового правительства, можно сказать: даже первые шаги по пути глобализации требуют качественно более высокого уровня управляемости общественными процессами. Нельзя строить будущее с политическим инструментарием прошлого. Те средства контроля, координации, управления, которые веками создавались на национальном уровне, явно утрачивают эффективность в глобализирующемся мире. Для того чтобы совладать со стихией общественных процессов, их надо дополнить наднациональными системами регулирования. В то же время в соответствии с новыми условиями существующие *политии* должны претерпеть глубокую трансформацию.

Беспрецедентную по сложности задачу адаптации политических систем к состоянию глобального взаимодействия приходится решать в условиях острого дефицита времени. Экономика не признает границ, жизнь выплескивается за национальные рамки. Положение осложняется появлением многочисленных региональных и глобальных проблем, решение которых невозможно без

координации усилий многих государств — рост народонаселения, нехватка продовольствия и питьевой воды, деградация окружающей среды, эпидемии, отсталость и нищета, наркомания и терроризм, теневая экономика и международная преступность и т. д.

Таким образом, сама глобализация является глобальной проблемой первостепенного значения, таящей в себе уникальные возможности и смертельные угрозы. Она открывает захватывающие перспективы и в то же время обостряет старые болезни, создает новые опасности. Для обращения во благо, а не во вред она требует концентрации политической воли, творческого воображения, неординарных подходов. Фактически речь идет о создании *многоуровневых систем управления* для нарождающегося глобального сообщества. В какой-то мере эти пробелы восполняются за счет взаимодействия государств в рамках ООН, бреттон-вудских институтов и таких более поздних образований, как «большая восьмерка». Но они слабо скоординированы, часто не имеют необходимой легитимности, представительности, дееспособности. Судя по всему, нужна *целая система институтов*, способная обеспечить управляемость развитием в условиях глобализации²².

Автор пособия, в основном, разделяет вышеприведенную точку зрения. Однако справедливости ради он не может не привести критические суждения противников, которые называют позицию В. Кувалдина и его коллег из «Горбачев-Фонда» *идеалреалистами*. По мнению, например, О. Арина, идеалреалисты не понимают, что глобализация по своей сущности может уничтожить не только Россию, но и другие государственные образования. «В результате нигде будет занимать «достойное место». Поскольку новый глобализированный международный порядок, как его понимают теоретики

---

²² Кувалдин В. Б. . Глобализация и новый мировой порядок//Современные международные отношения и мировая политика. Учебник. Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С.89-106.

глобализации, явит собой внесударственное экономическое и политическое пространство...»²³

В современной науке признано, что развитие процессов глобализации меняет облик мира, заставляя вносить существенные коррективы в прогнозы тенденций его развития, особенно сложившиеся в 70-80-е годы XX столетия.

Сопутствующими процессами глобализации, без поспешной претензии на установление иерархии взаимосвязей, являются *межцивилизационные* и *межрелигиозные* вызовы. Их производными стали проявления цивилизационной, религиозной, национальной, этнической, расовой нетерпимости, которые подрывают основы человеческого общежития. Политическим событием современности стало столкновение глобалистских и антиглобалистских явлений, производным от последних стал феномен, названный *глокализацией*²⁴.

В исследовании влияния глобализации на внутривполитические процессы Р. Дарендорф установил «прямую связь между кризисом демократии и кризисом государства-нации»²⁵. Как отмечает Р. Дарендорф, наличия формальных демократических институтов, обобщенных понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать, казалось бы, второстепенные признаки, например, готовность власти на демократическую смену власти²⁶.

Внутривполитическая динамика в США после 11 сентября 2001 г. представляет прямую угрозу демократическим институтам, прежде всего, самого мирового гегемона. Увлеченные преследованием внешнего врага,

---

²³ Арин О. Двадцать первый век: мир без России. С. 163.

²⁴ Dahrendorf R. Dopo la Democrazia. Laterza, 2001. P.4.

²⁵ Ibid. P.7.

²⁶ Ibid. P.8.

немногие интеллектуалы, властители умов, выразили тревогу в связи с резким сужением роли демократических институтов в государстве, претендующем на роль мирового гаранта демократических процессов. Аналогичные тенденции фиксируется в современной России. В ряде исследований политических процессов после 1989 г. Ральф Дарендорф высказал суждение относительно вступления человечества в новый переходный *«последемократический период»*, который, как надеется британский ученый, завершится конструкцией *«новой демократии»*²⁷.

В оценке роли и последствий глобализации пересекаются различные точки зрения от фаталистской, свойственной современному неолиберализму, до нигилистской, характерной для многих маргинальных обществ и выразителей их интересов²⁸. Например, в критике неолиберальных концепций глобализации профессор Шеффилдского университета Эндрю Гембл обращает внимание на спрямление апологетами неолиберальной глобализации представлений о многих субъектах глобальной политической системы. Действительно, пишет Э. Гембл, в мировой экономике происходит множество реальных изменений, которые ведут к ослаблению роли государства и к эрозии его суверенитета. Но многие из крайних тезисов неолиберальных глобалистов не убеждают. В частности, о том, что глобальный свободный рынок обладает достаточным потенциалом, основанным на принципах саморегулирования, для решения острых социальных проблем отдельных социумов, страт и индивидуумов²⁹. Далее, Э. Гембл пишет, что не следует рассматривать новые явления как полный разрыв с прошлым. Глобальный рынок начал складываться не в 70-х или 90-х гг. XX века, а значительно раньше и предшествовал консолидации европейской системы международных отношений в XVII веке. Что касается

---

²⁷ Ibid. P.4.

²⁸ Обстоятельный анализ западных концепций глобализации предложен в статье В. Коллонтай. См. Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации//Мировая экономика и международные отношения. 2002. №1-2.

²⁹ Gamble A. Fine della politica? Il Mulino, 2002. P. 5.

космополитического глобального порядка, то он уже существует и осуществляет посреднические функции между интересами суверенных государств и глобальными рынками. Э. Гембл рассматривает усиление региональных институтов, к которым относит Европейский Союз, как своеобразный ответ на глобализационные процессы с целью обеспечить региональную и индивидуальную экономическую безопасность. Относительно дальнейшей роли государства-нации, английский исследователь считает, что оно не исчерпало своего потенциала в регулировании ряда жизненно важных секторов, таких, как социальные отношения, национальная безопасность и другие³⁰.

Можно согласиться с американским исследователем П. Ратлендом в том, что «каждой нации приходится искать свои формы сочетания национализма, регионализма и экономического глобализма»³¹.

Так же можно привести и иные примеры тривиальных и нетривиальных политических процессов современности, научное измерение которых с помощью научного инструментария прежнего поколения не дает положительных результатов.

Например, с точки зрения классической методологии многополюсный мир представляется более устойчивым. Итальянский исследователь Фульвио Аттина произвел математическую обработку данных относительно связи количества политических союзов с устойчивостью систем международных отношений и пришел к выводу относительно того, что устойчивость систем находилась в прямой зависимости от количества двусторонних и многосторонних политических и военных союзов³². Однако мы не знаем с

---

³⁰ Ibid. P.7-8.

³¹ Ратленд П. Глобализация и посткоммунизм//Мировая экономика и международные отношения. 2002. №4. С.17.

³² Attina` F. La sicurezza degli stati nell'era dell'egemonia Americana. Giuffre ed., 2003.

точностью, как поведет себя многополюсная система, субъектами которой впервые могут стать государства с радикальными религиозными режимами.

На рубеже тысячелетий значительно возрос интерес к сфере международных отношений со стороны теоретиков либерализма и мультикультурализма. В 2002 г. под редакцией П. Бергера и С. Хантингтона вышла книга «Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире» (русское издание вышло в 2004 г.)³³. Книга стала итогом трехлетнего изучения процесса глобализации культуры в десяти странах, проходившего под патронатом Института по изучению экономической культуры при Бостонском университете. Исследователи предприняли попытку проследить культурную динамику глобализации. П. Бергер утверждает, что «все сферы зарождающейся глобальной культуры способствуют независимости индивида от традиции и сообщества»³⁴. Вместе с тем он выделяет такое явление, как «альтернативные глобализации», т.е. глобальные культурные движения, возникающие за пределами Запада и оказывающие на него все более сильное влияние». Наиболее существенное культурное воздействие на Запад Азия оказывает в форме, так называемой культуры *New Age* (альтернативная медицина, медитации, боевые искусства и т.д.)³⁵.

В августе 2007 г. в издательстве Оксфордского университета вышла в свет новая книга У. Кимлики («Мультикультурная Одиссея»), посвященная анализу роли международных организаций в развитии либерального мультикультурализма.

В соответствии с такой постановкой вопроса возникают и такие специфические темы, как американизация мировой популярной культуры,

---

³³ Многоликая глобализация/ Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

³⁴ Там же. С. 11.

³⁵ Там же. С. 20-21.

«макдоналдизация» (как метафора крайнего рационализма в деловых отношениях и производстве) и др.

К примеру, концепция Дж. Ритцера, получившая известность под названием «макдоналдизации» (или в английской аббревиатуре — *ECPC: Efficiency* — эффективность, прежде всего экономическая; *Calculability* — просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей; *Predictability* — предсказуемость, «ожидаемость»; *Control through Nonhuman Technologies* — контроль за поведением со стороны дегуманизированных технологий и технологических процессов)³⁶. Данная модель разработана Ритцером с опорой на методические конструкции М. Вебера и К. Маннгейма. При этом здесь происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системе рациональности, связанной с традиционной культурой. И хотя нет смысла уподоблять принципы «макдоналдизации» классической веберовской модели протестантской этики, тем не менее, аналогии неизбежно возникают, заключает Н. Покровский.

Представители этого направления, признавая развитие транснациональных культурных процессов, отказываются безоговорочно стать на позиции «глобального оптимизма». Напротив, они считают, что тотальное распространение телевидения и других массовых средств коммуникаций не приводит к тому, что М. Маклюэн называл «глобальной деревней», т.е. аналогом современного глобального сообщества, основанного на идентичных культурных образах (*icons*), и потерявшего свое местное, национальное начало. По мнению сторонников концепции «глобальной культуры», происходит перемешивание национальных культур при сохранении их собственных «слоев», словно в коллоидном химическом растворе.

Причем в этом смешении культур устанавливаются определенные пропорции равновесия, препятствующие дальнейшему нивелированию или

---

³⁶ Глобальное управление. С. 41.

гомогенизации. В этом смысле миру не грозит тотальная американизация культуры, ибо проникновение массовой культуры США будет на том, или ином уровне остановлено потенциалом национальной культуры, а на границе двух культурных слоев начнется активный процесс диффузии. Кроме того, данная теория активно использует понятие «гиперреальность», постмодернистский термин обозначающий новое качественное состояние культуры, испытавшей процесс социокультурной диффузии. Это будет культура, лишенная внутренней системности и центров опоры. При таком понимании глобализации, считает Н. Покровский, возобладают фрагментированные сегменты культуры, хаотично сочетающиеся (или не сочетающиеся) друг с другом³⁷.

Рассмотрим теперь особенности модели «глоболокализма». Это лексическое новообразование сформировалось и обрело сторонников на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде (1990). Ученые, использующие данный термин (прежде всего Р. Робертсон, М. Арчер, Н. Смелзер и др.), при рассмотрении глобальных процессов подчеркивают значение тех изменений, которые имеют место в локальных, т. е. местных сообществах, малых культурах и субкультурах, территориально локализованных и обладающих пусть относительной, но все же определенной очерченностью. Это в свою очередь приводит к установлению важнейших «локально-глобальных связей» (*local-global nexus*). Главная идея состоит в том, что в контексте глобальных тенденций территориальные общности обретают совершенно новые качества. И потому известная формула *to think globally but act locally* («мыслить глобально, но действовать непосредственно на местном уровне») в теоретико-социологическом смысле становится вполне адекватной тем процессам, которые происходят сегодня в мире.

Сторонники концепции «глобального общества» в большей степени делают акцент на международных отношениях. Исходной точкой построения

---

³⁷ Там же. С. 42.

подобных моделей служит утверждение, что как бы мир ни глобализировался, он все же состоит из отдельных государств и соответственно самостоятельных культур. Однако эти национально-государственные образования в процессе взаимодействия вырабатывают некую транснациональную систему взаимосвязей и взаимоотношений. Так, Р. Бертон утверждает, что рассмотрение глобального мира с позиций перспектив развития отдельных государств не дает адекватной картины. Это всего лишь игра, напоминающая столкновение бильярдных шаров. Посему необходимо разработать модель мирового сообщества как целого. Для этого в свою очередь требуется заменить, «снять» абсолютизацию национальных государств как «единиц» взаимодействия и встать на позицию системного анализа мирового сообщества. Данная теория редко оперирует экономическими и культурными факторами, она целиком погружена в государственно-политические вопросы. В этом состоит ее специфика.

В ряду альтернативных линейному пониманию глобализации представлений находится точка зрения, сторонники которой стремятся заменить «государственническую» позицию на миросистемную, акцентируя процессы глобализации и перехода «к новой системе отношений», сфокусированных на международных организациях, как прообразе будущего сообщества. В целом эта идея соответствует уже ставшей классической концепции «переходного общества», выдвинутой Р. Ароном в его теории «переходных отношений». Однако соответствующая ей модель глобализации не обладает чертами завершенности и внутренней логической полнотой. Она лишь указывает на необходимость уделять приоритетное внимание неправительственным организациям, международным общественным и иным движениям. Причем особенно в тех случаях, когда они берут на себя полномочия по созданию новых надгосударственных объединений. Все это имеет прямое отношение к концепции гражданского общества как новой глобальной реальности.

Принципиально новую концепцию глобального общества предложили авторы сборника «Современность и ее будущее», изданного в 1992 г. в Англии. Главная цель его авторов — ввести *понятие глобализации в контекст теории постмодернизма*. Поскольку категория *modernity* как образ современного индустриального общества утвердилась, приверженцы этого направления задаются такими вопросами, как что происходит с современным обществом в процессе его глобализации, разрушаются ли при этом такие феномены, как капитализм, национальные государства, или они усиливаются?

Отвечая на эти вопросы, Э. Гидденс проводит теоретический анализ понятий «социальное время» и «социальное пространство», прошедших «обработку» глобализацией. Согласно его выводам, в ходе глобализации имеет место как компрессия (сжатие) пространственно-временных параметров социума, так и их «разнесение» (*distanciation*). В своем анализе *модернити* Э. Гидденс определяет глобализацию, используя 4 параметра: а) систему национальных государств; б) мировой военный порядок; в) международное разделение труда; г) возникновение мировой капиталистической экономики. По мнению Гидденса, эти параметры стали следствиями трансформирующейся современности, переходящей в постсовременность. Причем постсовременность (прежде всего глобальная) возникает в результате взаимодействия объективных (линейных) глобальных тенденций и локализованных феноменов повседневности. Именно на рубеже этого взаимодействия и возникает постмодерн с его характерными культурными гибридами. Таким образом, в теории Гидденса упор делается на объективно-субъективные феномены, и проблемы социального сознания, по сути, ставятся во главу угла.

Другая, модель «глобальной системы» предложена Л. Склэром. В центр анализа глобальных процессов выносятся понятие «транснациональные практики» (*transnational practicies*), которые охватывают области, существенно более широкие, чем сфера международных отношений (на уровне связей национальных государств). С одной стороны, глобальная система Склэра

реалистически оценивает значимость национальных государств, но с другой — предлагает перенести внимание на «транснациональные практики», отличительной чертой которых признается наличие международных (а не национальных) акторов и прозрачность границ.

По мнению сторонников этого подхода, «транснациональные практики» последовательно пронизывают экономические, политические и культурные институты различных обществ, причем доминирующим фактором оказываются глобальные свободные рынки и либеральные экономические отношения (т.е. то, что принято называть «капитализмом»). В каждой из указанных сфер, пронизанных «транснациональными практиками», доминируют конкретные социальные институты: ТНК формируют «транснациональные практики» в области экономики; в политической сфере преобладает транснациональный капиталистический класс; культурно-идеологические «транснациональные практики» определяются глобальным конsumerизмом (идеологией потребления) и т.д.

Склэр утверждает, что модель глобальной системы не противоречит другим глобалистским моделям, ибо показывает, как институты национальных государств, не теряя своей (внутренней) идентичности, превращаются в подлинно глобальные. Происходит нечто сравнимое с подрывом национальных институтов изнутри: внешне они продолжают оставаться традиционно национальными, но на самом деле являясь, по сути, уже глобальными. Такие трансформации можно проследить на таких примерах, как взаимоотношения руководства ТНК и их местных представителей в разных странах, «глобализация» национальных бюрократов и чиновничьих институтов, приверженных глобальному рынку, местных политиков и интеллектуалов и, наконец, возникновение глобализировавшихся конsumerистских элит.

Согласно данной теории, существует один класс — транснациональный капиталистический класс, который и принимает все решения, касающиеся общемировых проблем. В отдельно взятой стране он представлен в «местных»

ТНК. Что касается теории культуры и идеологии консумеризма, то они приходят на место прежней концепции «культурного и информационного империализма». Особенностью же современного глобального консумеризма следует считать экспансию «транснациональных практик», прогрессирующих образцов потребления, не подразумевающих наличия средств их достижения. Это своеобразная религия потребительства. Американизация как форма потребительства интерпретируется здесь в качестве формы конкретизации глобализации с включенными в нее элементами американской национальной культуры.

Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц культуры (доведении до абсурда ее рациональных элементов), росте приоритета количественных характеристик потребления (коммерциализации); готовности товара к употреблению («оперантности»); полной гарантии качества товара на определенном уровне; упакованности товара в яркие символические формы; виртуализации культурных образов (создании виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен).

Наряду с основными рассмотренными выше подходами в толковании понятия «глобализация» существует и ряд иных трактовок данного явления. Так, немецко-канадский социолог Н. Стер предложил в данной связи теорию «обществ, основанных на знании» (*knowledge societies*), которая связана с именами Р. Лейна, П. Дракера, Д. Белла, Р. Арона и др. Согласно этой теории бизнес-корпорации, авторитетные политики, сообщества ученых способны оказывать существенное воздействие на трансформационные процессы в глобальном масштабе³⁸.

Глобализация не просто расширяет территориально, с охватом всего земного шара, сферы (и пространства) экономики, коммуникаций,

---

³⁸ Глобальное управление. С. 47.

безопасности, прочие. Процессы такого расширения в ряде случаев насчитывают уже не одну сотню лет и идут с эпохи великих географических открытий. Глобализация конца XX - начала XXI вв. стремится множеством связей соединить эти пространства в единый целостный комплекс. Поэтому она, помимо прочего, есть *реструктуризация международного пространства*; причем этот ее аспект, видимо, является главным признаком и функцией глобализации. Сущность глобализационной реструктуризации международных отношений заключается в фактическом создании *новой архитектуры пространств*, которые будут определять жизнь и развитие мира в первой трети века: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры ранее возникших и оформившихся основных пространств. Глобализационная реструктуризация международного пространства пока проявляется, прежде всего, в том, что сетевая структура, какой по определению являются международные, особенно межгосударственные отношения, начинает все более обретать «третье измерение» и трансформироваться в иерархическую структуру, пронизанную «вертикалью» глобальных регулирования, правовых норм, систем безопасности³⁹.

Суверенитет в таком мире, продолжает Н. Косолапов, сохраняется номинально и идеологически как признание права народов самим вершить свою судьбу. На практике же он обнаруживает тенденцию трансформироваться в способность и умение, используя пространства глобального мира, создавать и выдерживать свою траекторию движения по этим пространствам, направлять ее на достижение желаемых целей, эффективно и в своих интересах и целях контролировать свою территорию, процессы ее использования и развития. При этом сохранение территории (включая территорию хозяйствования и даже ее расширение) будет, вероятнее всего, достигаться путем развития страны и

---

³⁹ Косолапов Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира//Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6.

экономики, многообразия форм использования территории, насыщением ее пространствами, способными интегрировать формальные и неформальные отношения и институты. Изложенное не «отменяет» функций и роли традиционных факторов и средств сохранения территориальной целостности государства. Но концентрация на проблеме сохранения этой целостности, предотвращения распада страны и т.п., при всем значении этих проблем, объективно уводит от анализа процессов глобальной пространственной организации, участие в формировании которых и их использование представляются неперенным и важным условием развития общества.

На экономическую составляющую реструктуризации глобального пространства обращает внимание А. Неклесса. Экономика претерпевает серьезные трансформации. Из процесса обустройства материального мира она преобразуется в полифоничное искусство стратегического действия и системных операций, происходит слияние политики с экономикой, проявляющееся особенно ярко в сфере международных отношений, и формирование на данной основе системы новых глобальных взаимодействий. А. Неклесса, к примеру, обращает внимание на появление контуров нескольких геоэкономических пространств, характеризующихся специфическими структурообразующими формами деятельности, служащими как бы «закваской» всей прочей хозяйственной активности того или иного региона. Особенность *североатлантического ареала* - развитие «штабной экономики» и «технологической высокой моды», т.е. производство технологических образцов, активно тиражируемых (за вычетом новейших военных технологий), в основном уже в другой геоэкономической зоне - *Большом тихоокеанском кольце*, включая такую его нетрадиционную ось, как Индостан — Латинская Америка. Здесь, преимущественно в «Большом Китае» и сопредельных с ним территориях, постепенно сосредоточивается значительная часть серийного, массового промышленного производства планеты, формируется новая «мастерская мира». *Индоевропейская дуга* и субтропические широты с большей или меньшей точностью обозначили контур основной сырьевой площадки

планеты. Постепенно в картографии экономических процессов все заметнее проступает также особое, *трансграничное пространство* мировой криминальной экономики и связанных с нею специфических видов паразитической практики.

Наиболее сложным для геоэкономической прописи оказалось, однако, *пространство «сухопутного океана» Северной Евразии*. Если бы речь шла о построении формальной, сбалансированной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства», пожалуй, должно было бы стать производство сырья, но «сырья» особого - интеллектуального. В этом случае геоэкономический атлас мира превратился бы в гармоничную матрицу, своеобразную «мегамашину», диверсифицирующую и объединяющую мировое производство в единый комплекс: производство природного сырья, промышленное производство, производство интеллектуального сырья, высокотехнологическое производство, финансово-правовое регулирование экономических процессов и т.д. На практике, однако, этого не произошло. России приходится «всерьез и надолго» рассматривать перспективы встраивания в чужие, вполне состоятельные экономические стратегии. Тем не менее, определенные предпосылки для реализации *интеллектуальной* геоэкономической роли России все же имеются, полагает А. Неклесса. И связано это, прежде всего, с «нетривиальным прочтением геоэкономического контекста, которое открывает дополнительные измерения у ряда наболевших проблем, предоставляя, в частности, стратегическую альтернативу нынешней архитектуре внешних связей страны как с неоиндустриальным пространством Большого тихоокеанского кольца, так и с высокоиндустриальной экономикой североатлантического Запада». Мотором этого процесса, по мнению А. Неклесса, может стать проект «Инновационной России», который помимо сугубо *инновационной* составляющей — целенаправленное взаимодействие России со стремительно развивающейся глобальной *информационной* индустрией, форсированное освоение уже существующих и создание новых, оригинальных телекоммуникационных и информационных технологий,

активное вовлечение в перспективную сферу деятельности высокообразованного кадрового потенциала страны, людей, способных думать и действовать в сложноорганизованной и быстро меняющейся среде. Важным элементом проекта могло бы стать формирование на этой основе транснациональных модулей, включенных в актуальный мировой процесс информационного (товара) обмена и обеспечивающих, таким образом, «российским молекулам» эффективную обратную связь, понимание актуальных потребностей в этой сфере⁴⁰.

Глобализация не смогла бы реализоваться без развития информационных технологий, являющихся ее материальной основой. Возможность передавать информацию, в том числе заключать сделки в любой точке земного шара буквально за секунды, позволила транснациональным банкам занять ключевые позиции в регулировании международных потоков капитала. С использованием глобальной сети телекоммуникаций, Интернета значительно возросли масштабы международных финансовых операций. Так, только с 1990 по 2000 г. ежедневный объем операций на мировом валютном рынке возрос на 60%, с государственными и корпоративными облигациями - в пять раз, с акциями - в 20 раз⁴¹.

Внедрение информационных технологий в сферу производства (автоматизация, роботизация, создание систем дистанционного управления промышленными комплексами), а также развитие систем глобального маркетинга и менеджмента стали основой превращения транснациональных корпораций (ТНК) в доминирующую силу мировой экономики. Наиболее корректной в научном отношении, считает Н. Загладин, представляется постановка вопроса не столько о глобализации, сколько о начальной стадии

---

⁴⁰ Неклесса А. Инновационная Россия как политический проект и как стратегия развития//Россия XXI. 2004. № 6. С.20-47.

⁴¹ Загладин Н.В. Глобальное информационное общество и Россия//Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7.

процесса возникновения *глобального информационного общества*, как новой фазы мирового цивилизационного развития. Речь идет о переменах не меньшего масштаба, чем те, которые начались с промышленного переворота в Англии на рубеже XVIII-XIX вв.

Попытки анализа сложного современного феномена, названного «информационным обществом» предприняты в работе А.Н. Абдулова и А.М. Кулькина⁴². В книге описываются проявления этого феномена: средства передачи информации, расширение возможностей коммуникации. Вместе с тем, вопросы, связанные с природой информационного общества, его особенностями, механизмами функционирования и, самое главное, его местом в человеческой эволюции в работе не рассматриваются. Основное внимание в работе отведено исследованию науки и инновациям, которые рассматриваются как «основная движущая сила развития экономики»⁴³. Сущностью информационного общества является новое знание, процесс его порождение и использование. Авторы отмечают, что наибольшие усилия по развитию информационного общества прилагаются в либерально-демократических странах, государственная стратегия в которых направлена на развитие человеческого потенциала. Авторы анализируют организацию и управление научными и инновационными процессами в США. В работе дается классификация наукоемких технологий: базовые (элементный уровень), первичные (приборный уровень), вторичные (технологически встроенные инновации). В работе рассматриваются различные мировые модели инновационного развития, вопросы эффективного управления инновационным развитием.

Рецензент А.И. Селиванов обращает внимание на то, что проблемы информационного общества рассматриваются в книге сквозь призму просвещенческой, гуманистической парадигмы. Он обращает внимание на то,

---

⁴² Абдулов А.Н., Кулькин А.М. Контуры информационного общества. М.: ИНИОН РАН, 2005.

⁴³ Там же. С.27.

что другой стороной динамики информационного общества является появление таких «идеалов», как развлечение вместо труда, виртуальность вместо реальности, бездуховность вместо высокого духа, рост неравенства внутри общности и между ними. Он считает, что противопоставить «негативным» тенденциям необходимо через отказ от универсализма и путем развития традиционных культур. По мнению А.И. Селиванова Россия не может дать ответ на вызовы информационного общества «по аналогии», например, использовать американскую модель инновационного обновления, поскольку ее реализация осуществляется путем использования «внеморальных инструментов». Конкурентоспособный ответ, по его мнению, может быть только выстрадан изнутри⁴⁴.

Нам представляется, что в некоторых трудах, особенно в тех, где речь идет об отказе от универсализма в пользу обособления и опоры на традиционалистскую изолированность, недооценивается процесс самоорганизации Вселенной, который идет независимо от отдельных социумов. «Безмерное и бесконечное так же необходимы человеку, как и та малая планета, на которой он обитает», замечал Ф.М. Достоевский⁴⁵. Понятна неудовлетворенность А.И. Селиванова западной моделью информационного общества. Однако его предложение находится в области противопоставления, предположительно, большего зла меньшему злу, а, возможно, и наоборот, поскольку эволюция российского традиционализма сопровождается многочисленными «антропологическими катастрофами», особенно, в период форсированных модернизаций. Между тем, отмечает Г.С. Киселев, существуют универсальные ориентиры, желанные «основания жизни, без которых человек так страдает в нашем мире» - «это — добро и совесть»⁴⁶. Таким образом,

---

⁴⁴ Селиванов А.И. Рецензия//Вопр. философии. 2006. № 4. С.188-190

⁴⁵ Цит. по: Киселев Г.С. Смыслы и ценности нового века//Вопр. философии. 2006. № 4. С.3.

⁴⁶ Киселев Г.С. Смыслы и ценности нового века. С.4.

нравственное совершенствование должно находиться, по его мнению, в основе кардинального изменения человеческой природы.

На важность ценностных ориентиров в информационном поле средств массовой коммуникации обращает также внимание В.Б. Лаптев⁴⁷.

Проблемы научно-технического развития и инновационной политики все в большей мере оказываются в центре междисциплинарных исследований. Исследователи обращают внимание на необходимость развития методологической базы оценки научно-технических проектов, методологического анализа развития научного знания, теории технических изменений. Например, В.Г. Горохов пишет, что «развитие науки и техники необходимо рассматривать как целостный процесс, обусловленный не только собственно научными или техническими факторами, но также отражающий социальные взаимодействия»⁴⁸. «В существующих исследованиях по методологии науки все еще не в полной мере учитываются факторы социокультурной динамики и глобальных изменений в современной науке, в частности ее трансдисциплинарный характер, выражающийся в усилении участия общественности в принятии решений в области научно-технической политики и в необходимости разъяснения содержания научно-технических проектов неспециалистам»⁴⁹.

В связи с этим идея «устойчивого развития», выдвинутая в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, не наполняется реальным содержанием. Наука становится сегодня средством и одновременно важным компонентом современной политики. Именно в этом смысле говорят о так называемой трансдисциплинарной науке, выходящей не только за рамки отдельных дисциплин, но и дисциплинарной науки вообще в широкую общественную сферу. Роль науки в современном

---

⁴⁷ Лаптев В.Б. Проблемы обеспечения безопасности России в современном мире. Методическая разработка. М.: Дипакадемия МИД РФ, 2004. С. 9.

⁴⁸ Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика//Вопр. философии. 2006. № 4.

⁴⁹ Там же. С.80.

обществе, с одной стороны, уменьшается, поскольку больше никто не верит в ее всесильность, а с другой - увеличивается, поскольку она с неизбежностью становится основой политического консультирования и опорой для принятия политических, социальных и хозяйственных решений⁵⁰.

Возникновение исследований на границе между наукой и политикой в связи с проблемами социально-экономической, социально-экологической и т.п. оценок последствий технического развития является индикатором нового понимания роли науки в обществе. Этот тип исследования и обозначается часто как *проблемно-ориентированное исследование*, что означает не просто постановку проблемы с методологической точки зрения или с позиций научной политики, но, прежде всего, социокультурное понимание науки, исследования, направленные на решение определенного типа комплексных научно-технических задач. Проблемно-ориентированные научно-технические дисциплины выделяются не относительно объекта исследования, а с точки зрения различных классов сложных научно-технических задач (например, системотехника, эргономика, информатика и т.д.), что позволяет по-новому осознать место и роль оценки техники в современном научном ландшафте. Комплексные неклассические научно-технические дисциплины не могут быть отнесены ни к естественным, ни к техническим, ни к общественным наукам и, несмотря на свою комплексность и междисциплинарность, не являются чисто междисциплинарными исследованиями хотя бы потому, что они сами организованы дисциплинарно, имеют устойчивый публикационный массив и ограниченное профессиональное сообщество. По мнению В.Г. Горохова современные задачи *проблемно-ориентированного исследования* изначально не формулируются как лежащие внутри науки, но соотносятся с общественными ожиданиями - будь то конкретно фокусированные потребности в

---

⁵⁰ Там же. С.82.

консультировании со стороны министерств и ведомств или же общая социальная ориентация⁵¹.

В.Г. Горохов обращает особое внимание на отличие технической этики современного периода, которая теперь не ограничивается этикой инженера, проектировщика или даже технического специалиста в широком смысле этого слова. Она предполагает также этическое отношение к использованию техники, что затрагивает общество в целом и всех его членов в отдельности. В нашем технизированном мире неосторожное обращение со сложной техникой может привести к катастрофическим последствиям. Кроме того, техника может использоваться в иных целях, чем те, ради которых она создавалась, например, в террористических целях. Это создает дополнительный риск функционирования техники в современном обществе. Но это, же и увеличивает ответственность человека. *Власть и знания порождают ответственность* — особенную ответственность знающего и властвующего. Эта ответственность людей простирается не только на себе подобных и их будущее, но и на весь жизненный мир⁵².

Определив проблемное поле исследований, В.Г. Горохов ставит вопрос, о какой теории здесь может идти речь? Совершенно ясно, отмечает он, что классический идеал аксиоматически построенной теории, известный еще со времен Евклида, не годится. Даже дополненная эмпирическим (экспериментальным) уровнем в интерпретации неопозитивистов эта модель в лучшем случае годится для описания классической физической теории и то с известными допущениями, но в ее прокрустово ложе не укладываются многие современные теоретические построения даже физики и математики. Несколько лучше для интерпретации теоретических исследований, проводимых, например, в технических науках, подходит представление об оперативных теориях, опирающееся на различение *субстантивных и оперативных теорий*,

---

⁵¹ Там же. 91-92.

⁵² Там же. С.93

проведенное М. Бунге. *Субстантивные* теории имеют эмпирическое содержание, информативны и проверяемы, *оперативные* же теории инструментальны, представляют собой оперативные концепции методов и являются по сути дела методологиями. Они подобны инструментальному ящику, из которого могут черпаться модели, методы, средства, схемы, правила и предписания деятельности. Для оперативных теорий теряет смысл проблема выявления закономерностей и истинности теоретических высказываний, а является важной методическая достоверность, соответствие применяемых методов цели и процедурам принятия решений. Для них оппозиции «теоретическое - практическое», «теория - приложения» также теряют смысл. В структуралистской концепции науки все возможные и существующие приложения включаются в сам каркас теории и конституируют теоретическое исследование, взаимно определяют друг друга.

Наиболее важными для понимания строения, функционирования и развития научно-технического знания является технологическая теория науки Я.Хакинга, подчеркивающая оперативные и теоретико-деятельностные аспекты научной теории, «интерпретиционистский конструктивизм (схемный интерпретационизм)» Х.Ленка и прежде всего *пост-неклассической* социодинамической концепции науки В.С. Степина. Речь идет о возникновении *новой рациональности*, о выработке новой парадигмы научно-технического развития. Вместо экспертократии она опирается на открытое общественное обсуждение, возникающих в связи с внедрением и функционированием новой наукоемкой техники и технологии проблем⁵³.

Задача такого рода рациональной оценки техники - найти критерии и обоснования для принятия справедливого решения, основываясь не только на представлениях различных научных дисциплин, но и на так называемом «здоровом человеческом обыденном мышлении» под контролем постоянной критической рефлексии, т.е. активный процесс с сильным акцентом на

---

⁵³ Там же. С. 94-95.

самоответственность и перманентную саморефлексию. Иными словами, рациональное объяснение и рациональное действие должны дополняться рациональной рефлексией. В развитых западных странах утверждаются принципы плановой рациональности, как «создания рамочных условий дальнейшего научно-технического развития», но не в смысле построения четко фиксированных алгоритмических процедур, а при осуществлении постоянной обязательной критической рефлексии ориентированных на формирование будущего действий. Речь идет о принятии обществом проводимой научно-технической политики с целью создания условий для «социально переносимого обществом» научно-технического и хозяйственного развития. Это означает, что рациональные решения и соответствующие им действия должны ориентироваться на потенциальную приемлемость обществом этих решений и действий⁵⁴.

ЧАСТЬ 2. СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблематика международных отношений в трудах отечественных исследователей

Обстоятельный обзор современного состояния российской науки международных отношений дан в книге коллектива авторов под редакцией А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова⁵⁵. В работе показано современное состояние российских исследований международных отношений. Историографический анализ авторитетного научного коллектива подтверждает эмпирическое ощущение того, что отечественная наука международных отношений находится на стадии освоения зарубежного политологического, и, в меньшей мере, социологического опыта. Даже популярные на уровне государственной

---

⁵⁴ Там же. С. 96.

⁵⁵ Российская наука международных отношений: новые направления/ Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005.

элиты разные геополитические формы анализа международных отношений являются по-существу перепевом популярных, а ныне маргинальных европейских научных идей первой половины XX в.

Авторы книги ставят следующие вопросы: «Почему одной из наиболее популярных ветвей российской ТМО (теории международных отношений - В.М.) стала геополитика? Каковы перспективы евразийских исследований? По какому пути стоит идти становящейся дисциплине ТМО — западному, восточному, «почвенническому», — или же удастся найти собственную дорогу, создать свою национальную школу, которая впитывала бы все лучшее из мировой науки в целом и из других национальных школ и одновременно вносила бы свой незаменимый вклад в развитие мировой теории международных отношений? Как преодолеть излишнюю политизированность российской науки МО и дискуссий, происходящих в ее рамках? Возможно, ли появление более-менее четко артикулированных отечественных научных школ?» задаются вопросом «почему одной из наиболее популярных ветвей российской ТМО стала геополитика?»⁵⁶

Авторы книги правы, когда пишут о *западно-центричной ориентации науки о международных отношениях*. «Как отмечают многие ученые, ТМО все еще слишком часто отражает политические, идеологические и эпистемологические предубеждения западной, в частности американской, цивилизации. В итоге такого восприятия внешнего мира западная ТМО — как и западная социальная наука в целом — нередко воспринимается не иначе, как изошренная идеология и набор концептуальных инструментов, используемых в качестве средств для оправдания глобальной гегемонии Запада. Не секрет, что в различных регионах планеты западно-центричные проекты мирового порядка часто воспринимаются как неспособные установить справедливую и

---

⁵⁶ Там же. С.14.

стабильную международную систему из-за их исключительно прозападных ориентаций и недостатка чуткого понимания других культур»⁵⁷.

Вместе с тем, странным образом авторы книги ассоциируют теорию МО и политические проекты мирового порядка, практически рассматривая теорию МО в качестве идеологии. «Российское академическое и экспертное сообщество отказалось от «советского марксизма», но еще не пришло к постсоветской «Большой идее». Ответом на упадок «советского марксизма» стала *плюрализация* российских международно-политических исследований, что выразилось в росте многообразия взглядов при отсутствии каких-то общих подходов к накоплению и дальнейшему развитию научного знания. В отсутствие таких подходов российская наука МО может быть описана в терминах соперничества между двумя другими ключевыми тенденциями — *вестернизацией* и *изоляционизмом*, — каждая из которых представляет собой своеобразную реакцию на вышеуказанный общеидеологический и общетеоретический вакуум⁵⁸. Если первое, т.е. *общеидеологические* основания государственной политики, является объективным отражением стремления политической элиты выработать некие общие основания государственной идеологии. То ссылки на *общетеоретический вакуум* ставят в тупик. Создается впечатление, что авторы предлагают вернуться к политическому и идеологическому регулированию интеллектуального процесса. «Идеологическая и теоретическая неопределенность отечественной науки МО в значительной мере связана с нерешенными вопросами российской национальной идентичности. Пока Россия не определится, чем она является, пока она не достигнет ясности относительно своих постсоветских ценностей и

---

⁵⁷ Российская наука международных отношений: новые направления. С. 22.

⁵⁸ Там же. С. 24.

международных ориентации, отечественная наука МО не может не оставаться сферой идеологического соперничества»⁵⁹.

Действительно, современная российская наука о МО, как и другие сферы научного знания, как и значительная часть общества озабочены поисками политического и идеологического «*майнстрим*» для России. А что должно далее случиться с наукой о МО, когда поиски «*большой идеи*» успешно завершатся? «Конец истории» для теории МО в виде завершения ее «теоретической неопределенности»?

На самом деле авторы книги не страдают болезнью изоляционизма и призывают к диалогу с западными и другими научными школами, но понимают диалог наук и ученых довольно специфическим образом. Пока новая российская парадигма находится в процессе своего формирования, отмечается в книге, «российская наука МО может использовать помощь внешнего мира, при условии, что «помощники» будут свободны от претензий на универсализм своих знаний»⁶⁰. А что далее? И кто ранжирует этих добровольных «помощников»? Если следовать за А.П. Цыганковым и П.А. Цыганковым, то набор «национальных интеллектуальных традиций» включает «классовый политико-экономический анализ, геополитику, культурно-исторические теории и религиозно-философское мышление». «Переосмысленные в соответствующем эпохе глобализации духе открытости эти интеллектуальные традиции должны стать опорой российских международных исследований»⁶¹.

Более приемлемыми представляются выводы А.А. Сергунина о том, что «российский внешнеполитический дискурс будет напоминать скорее полифонию», а консенсус между различными научными школами будет достигнут на принципах политического реализма, выстраиваемых как

---

⁵⁹ Там же. С.24.

⁶⁰ Там же. С.38.

⁶¹ Там же. С.45.

«приоритет национальных интересов, активной внешней политики, а также внутренних реформ и обеспечения безопасности»⁶².

На наш взгляд эту точку зрения подтверждает начатая Э. Баталовым в 2004 г. на страницах журнала «Международные процессы» дискуссия относительно новой научной дисциплины - *философии международных отношений*⁶³. Становление такой дисциплины Э. Баталов рассматривает как естественную кумуляцию и системное оформление знаний, накапливавшихся веками. В отличие от социологии, которая занимается *исключительно человеческим обществом и ничем другим*, философия, сохраняя предметную ограниченность, вправе заниматься исследованием *любого объекта* - человека, природы, общества в целом или какой-то его части, языка, искусства, в том числе, естественно, и политики. Э. Баталов отмечает, что вопросы международных отношений занимают в философии политики периферийное положение, поскольку последняя больше занимается проблемами политического бытия как такового, политической антропологии, политической праксиологии (теории политического действия), политической эпистемологии⁶⁴. Автор статьи считает, что предметом философии МО должны стать дискуссии о новом мировом порядке, о международном партнерстве и что следует понимать под «мировым порядком» и под «партнерством» как таковыми. «Исследование этих категорий (как и многих других) - прямая задача философии международных отношений. И вызвана она, прежде всего необходимостью осмысления и переосмысления, происходящих в мире фундаментальных изменений и нахождения новых ответов на вопросы, которые еще каких-нибудь десять или пятнадцать лет назад казались решенными»⁶⁵.

---

⁶² Там же. С.119.

⁶³ Баталов Э. Предмет философии международных отношений//Международные процессы. 2004. № 1.

⁶⁴ Там же. С.6.

⁶⁵ Там же. С. 7.

Таким образом, в новой ситуации встает ряд фундаментальных вопросов, поиск ответов на которые требует нетрадиционного, а именно *философского подхода* - вопросов абстрактно-теоретических (фиксирующих онтологическое, этическое и другие измерения международных отношений), но - как это нередко случается в области теории - открывающих, в конечном счете, путь к решению практических задач.

По мнению Э. Баталова, философского осмысления требуют вопросы о *сущности международных отношений*. *Международные отношения* могут рассматриваться как внешняя проекция *внутри-народных отношений*, как дополнение и компенсация их недостаточности или даже ущербности. Развитие международных отношений, их постепенное превращение в мировые (миросистемные) отношения есть результат ослабления самодостаточности наций-государств, их постепенного превращения из относительно автономного целого в часть более широкого целого, во взаимозависимые (коррелятивная связь) элементы расширяющейся системы⁶⁶. В управленческом плане международные отношения могут рассматриваться как *механизм регуляции миросистемной жизни* - регуляции политической (*governing*) и административной (*managing*). Международные отношения могут рассматриваться и как способ *самоутверждения их субъекта* в собственных глазах и в глазах членов мирового (международного) сообщества как полноценных и полноправных акторов мировой политической сцены.

Другая группа вопросов, которые могла бы рассматривать философия МО, касается *природы* международных отношений. Эти отношения имеют как *материальное, так и идеальное измерения*, причем каждое из них играет существенную роль. Но как соотносятся друг с другом материальный и идеальный факторы международных отношений? Еще один вопрос философского плана - *природа законов, регулирующих международные*

---

⁶⁶ Там же. С.9.

отношения. Чем определяются устойчивые, повторяющиеся связи, регулирующие отношения субъектов международных отношений? Как они изменяются? Каковы пределы их регулирующей силы? Какова мера свободы субъекта, принимающего решения? Что такое «политическая воля» в философском понимании? Как она «уживается» с детерминированностью международных отношений объективными законами?

Или взять *когнитивный аспект* философского подхода к международным отношениям. Каковы принципы и методы познания явлений международной жизни?

Философия МО может заниматься изучением *этической и эстетической* сторон МО. К философским вопросам Э. Баталов относит тематику *целей и средств* в международных отношениях⁶⁷. К первостепенным задачам, решаемым для утверждения новой дисциплины, Э. Баталов относит, во-первых, разработку *истории философии международных отношений*. Во-вторых, определение *теоретико-методологических оснований* новой дисциплины. В-третьих, формирование собственного *категориального аппарата*. Последние должны раскрывать «*сущность, основные закономерности международных отношений в их философском срезе*»⁶⁸.

Статья Э. Баталова о важности философской культуры международника и необходимости создания философского основания для исследования международных отношений была с пониманием воспринята научной общественностью. Ее следствием стало написание Э. Баталовым первого учебного пособия по философии международных отношений, в русле поднятых вопросов была продолжена дискуссия на страницах журнала «Международные процессы».

---

⁶⁷ Там же. С. 10-11.

⁶⁸ Там же. С.13.

При кажущейся понятности постановки вопроса о предметной философии статья Э. Баталова оставляет впечатление некоей недосказанности, прежде всего, в отсутствии разговора относительно современного состояния мировой и как ее неотъемлемой части отечественной философской науки. Создается впечатление, что автор предполагает некие *общие* философские основания, на которых будут формироваться частные методология и методика исследования международных отношений.

На наш взгляд, основное значение обращения международника к философии заключается в постоянном обосновании собственного мировоззренческого основания, в формировании научной позиции по отношению к объекту исследования, в выборе научного инструментария исследования. Наличие философской культуры позволяет исследователю быть «современным» не в смысле выбора «модных» методик или технологий, а в способности теоретически обосновать свою научную позицию в диалоге или сопоставлении научных позиций.

После расставания с марксизмом как единственной научной философией в российском научном сообществе с новой силой развернулась дискуссия о том, является ли философия наукой⁶⁹. А если и является наукой, то не исчерпала ли она себя? Вопрос о «конце философии» сегодня является естественной научной проблемой.

В любом случае нам важно понять ту дистанцию, которая отличает философию нового времени от современной. В классическую эпоху история всегда была анализом предельных оснований познания, деятельности и оценки.

Классическая философия всегда стремилась построить окончательные и абсолютно истинные системы философского знания. В рамках социальных наук доминировала методология редукционизма, В отличие от прошлого

---

⁶⁹ Вряд ли кто-нибудь будет сегодня оспаривать вывод о том, что есть целые области философствования, которые вряд ли могут быть соотнесены с научным знанием.

современный философ осознает, что его построения не могут претендовать на абсолютность, даже, в случае реализации они имеют гипотетический характер. Трудно ждать от современной философии жесткие диаматовские и истматовские связки.

Однако современная философия не утратила способности критически осмысливать ценности современной культуры и вырабатывать *новые мировоззренческие* идеи. Она способна заниматься «собираанием» наук на новом гносеологическом поле: через стирание междисциплинарных границ и интеграцию социально-гуманитарного знания⁷⁰. Подобный подход необходим по отношению к политическому, правовому сознанию и другим сферам общественной деятельности⁷¹.

Еще одной задачей, выполняемой философией является *обмен смыслами* в рамках диалога. Особенность нашего времени заключается в том, что современное коммуникативное пространство погружает культуру внутрь себя. Раньше это пространство было между культурами, сегодня это пространство накрыло всю культуру. Данное пространство, по сути, *глобально*, и оно возникло вне конкретной *локальной* культуры. Следовательно, не отдельные культуры (как в рамках диалога между классическими локальными образованиями) навязывают условия коммуникации между собой, а само коммуникативное пространство диктует условия диалога, условия всемирного культурного диалога. *Коммуникация* подчиняет себе культуру. Возникает *собственный единый язык* общения. Современная культура характеризуется нарушением пропорции между высокой и низкой (массовой, поп-культурой) ее частями⁷².

---

⁷⁰ Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола»)// Вопросы философии. 2004. № 7. С. 3.

⁷¹ Там же. С. 13.

⁷² Там же. С. 19-20.

Таким образом, можно констатировать объединяющую и разъединяющую роль философии и выработке предметного поля и методологии частных наук, в т.ч. формирования *парадигмы международных отношений*. В.Е. Кемеров выделяет три типа парадигм, которые он, по-существу, рассматривает под углом эволюции социально-гуманитарного знания: *философская, научная и проблемная парадигмы*⁷³.

Признаками изменений на *третьей* ступени В.Е Кемеров считает возникновение новой ситуации, когда науки, которые прежде враждовали или дистанцировались, как науки социальные и гуманитарные, вступили в новые отношения. Формируется новая парадигма обществознания, где дисциплины зависят теперь не столько от своих предметов и методов, сколько от проблематики жизни и деятельности людей, выходящей за рамки частных научных интересов. Предметность отдельных социально-гуманитарных наук в значительной степени диктуется не столько их специализированными предметами, сколько теми проблемами, которые возникают в структурах и конфликтах повседневности.

Как следствие современных процессов меняются *формы интеграции наук*. Сама форма взаимодействия между дисциплинами определяется не их предметно методологическим разделением, а их связью в проблематике бытия людей.

Рассуждая о междисциплинарных связях, важно определить основания отношений. По мнению Т.Х. Керимова «интеграция рассматривается не в качестве единства различия, а как связь между различиями»⁷⁴. Сегодня не столько методология, сколько *проблема* задает ракурс видения предмета исследования через стереоскопические очки различных отраслей знания,

---

⁷³ Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола»)/Вопросы философии. 2004. № 4. С. 4.

⁷⁴ Там же. С. 19.

утверждает Н.М. Смирнова. *Проблема* выступает центром кристаллизации междисциплинарных ресурсов, и каждый раз задает свой тип интеграции. Человек, сформулировав проблему, выступает субъектом такой интеграции, и никакая «внутренняя логика развития науки» за него этого сделать не может»⁷⁵.

В связи с этим меняется проблема доминирующей методологии. В.Е. Кемеров полагает, что в любом случае это будет методология *антиредукционистского* типа из арсенала неклассической и постнеклассической философии. Философия выполняет роль переводчика с языка повседневности на язык отдельных социально-гуманитарных дисциплин и с языка этих дисциплин на язык повседневности. Формируется новая научная предметность; в ее фокусе не только частные научные интересы, но и проблемы, занимающие людей в их повседневной жизни. Соответственно этим предметам корректируется методология. К примеру, *антиредукционистская методология*⁷⁶ – это методология исследования конкретного, индивидуального, особенного, единичного, практикующая соответствующую логику (или логики). Это методология, не отрицающая общее, но отдающая предпочтение конкретно-общему перед абстрактно-общим, содержательно-общему перед объемно-общим. Это – тип логики, который дает возможность рассматривать целостности, системности, конкретности социальные, включая человека, как некие динамичные бытийные образования, несводимые ни к экономическим процессам, ни к абстракциям классической логики. Здесь формируется методология, которая требует от субъекта познания уже совершенно другой работы, другой компетенции, другой ответственности. В науку возвращаются ценностные и метафизические допущения, изгнанные из нее позитивизмом⁷⁷.

---

⁷⁵ Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола»)// Вопросы философии. 2004. № 7. С. 21.

⁷⁶ В.Е. Кемеров не заикливается только на антиредукционизме, и говорит о «большом методологическом стиле». – Там же. С. 10.

⁷⁷ Там же. С. 6-8.

Для того чтобы получить теорию, необходимо свести разные подходы к некоему инварианту. Поэтому теория сохраняется, но она сохраняется как некая модель и как своего рода *мировоззренческий и методологический регулятив*. Для того чтобы соединять разные позиции, разные подходы на какой-то промежуток времени, на каком-то этапе познания. Но если мы слишком заикливаемся на этом, то начинаем представлять теорию как замкнутую систему, а, то и онтологизируем ее, отождествляем с самим объектом⁷⁸.

На наш взгляд, философия необходима специалисту-международнику как мировоззренческий фундамент. В качестве средства понимания международных отношений международник создает соответствующие *конструкты*, используя разработанные наукой *понятия, теории*.

Сформированное под влиянием философии *открытое* сознание должно быть готово к *перманентному* диалогу. Подобного рода *диалогическая рациональность* предполагает не просто констатацию гетерогенности познавательных позиций, она носит *проектно-конструктивный характер* и представляет собой форму определенным образом программируемого социального рационального действия. Условием рациональности становится показатель конструктивной работы в пространстве коммуникации различных познавательных позиций⁷⁹. Естественным основанием открытого сознания и мировоззрения, основанного на перманентном диалоге, являются свобода и связанный с ней риск ответственности. Таким образом, эпистемология, философия познания, философия науки оказываются органически связанными с философско-мировоззренческой и философско-антропологической проблематикой⁸⁰.

---

⁷⁸ Там же. С. 9.

⁷⁹ Там же. С. 31.

⁸⁰ Там же. С. 32.

Социологизация философии органически связана с переходом эпистемологии с позиций констатирующего сознания, фиксирующего как обстоит дело в изучаемом им предмете, на позиции *проектно-конструктивного сознания*, активно вмешивающегося в свой предмет. В.С. Швырев отмечает, что в этой ситуации преодолевается характерное для классики противопоставление рациональности познания и рациональности социального действия, поскольку первая реализуется в контексте второй, становится по существу ее частной формой⁸¹.

В XX веке за философскими конструктами зачастую скрывались мифологические построения, выполнявшие функции идеологии. Е.Л. Черткова определяет мифотворчество как «вид духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно продуцируемых правящей элитой для манипулирования массами»⁸². Искоренить мифологию нельзя, но можно осуществить ее критический анализ. По мнению Е.Л. Чертковой *критически-рефлексивная функция* философии снова выдвигается на первый план. Основная и единственная антитеза мифу – культивирование самосознания, критический подход к себе самому и к окружающему миру, постижение смысла реальности. Одна из задач философии и гуманитарных наук состоит в критике мифа, осмыслении реальности и места самого мифа в этой реальности⁸³.

В обширном потоке исследований, находящихся в области философии политики, современных политических теорий, теорий международных отношений находится не столь уж большое количество значимых работ и авторов, исследовательских центров. Например, профессор МГИМО Т.А. Алексеева обращает внимание на типичные издержки некоторых

---

⁸¹ Там же. С. 32.

⁸² Там же. С. 37.

⁸³ Там же. С.37.

отечественных учебных пособий, авторы которых считают, что держат в руках искомый «философский камень». «Некое единое, систематизированное знание, нередко предлагаемое в отечественных политологических курсах, хорошо маскирует несостыковки и напряженности между различными исследовательскими стратегиями, тем самым формируя некий новый догматический Катехизис»⁸⁴.

Учебное пособие самой Т.А.Алексеевой «Современные политические теории» дает представление о наиболее важных направлениях развития политической мысли на Западе в XX веке, представляет научные школы. В качестве одной из основных задач, поставленных в работе, Т.А. Алексеева видит в том, чтобы показать различие в методологии политических подходов, многовариантность представлений о целях и природе самого предмета политической теории. «...К одному и тому же вопросу или проблеме можно подойти с разных сторон в зависимости от того, придерживается ли исследователь институционального, статистического, теоретического, структурно-функционального, психологического, семиотического или герменевтического методов, каждый из которых дает собственный образ мира политического»⁸⁵. Представляет интерес посылка автора о том, что «многие постулаты, хорошо работающие на Западе, оказываются бесполезными или даже вредными в наших условиях». «И, наоборот, отечественный опыт не всегда адекватен нынешнему уровню развития. Иными словами, необходимо переосмысление и переоценка многого привычного и стереотипного»⁸⁶.

По поводу политологии как самостоятельной целостной научной дисциплины, ее статуса существуют две противоположные точки зрения. Сторонники одной считают ее совокупностью субдисциплин других наук

---

⁸⁴ Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С.6.

⁸⁵ Там же. С.6.

⁸⁶ Там же. С.6.

(социологии, правоведения, психологии и т.п.), объединенных лишь предметом исследования. Сторонники другой рассматривают как самостоятельную целостную научную дисциплину. Наличие альтернативных точек зрения объясняется объективными причинами — специфическими особенностями политики и прежде всего ее комплексной природой. Ее адекватное отображение, считает М.А. Хрусталева, возможно только на основе междисциплинарного синтеза (политологического синтеза)⁸⁷.

В этом ряду находятся публикации на русском языке книг известных зарубежных специалистов Ф. Аттина, Дж. Айкенберри, В. Парси и др.⁸⁸. Итальянский политолог Ф. Аттина исследует влияние глобализации на международные процессы и на институты международных отношений. Значительная часть работы посвящена анализу современных научных подходов в изучении международных процессов.

Первый отечественный учебник «Мировая политика» был подготовлен профессором МГИМО М.М. Лебедевой⁸⁹. В нем рассматриваются изменения политической структуры современно мира, его глобализация и регионализация, изменения систем международных отношений, особенности регулирования мировых политических процессов. Изменения в мировом сообществе, связанные с новыми информационными технологиями, рассматриваются в учебном пособии в гл.14 «Образование как фактор в мировой политике».

Понятие «мировой политики» определяется Н.А. Косолаповым как «особая сфера силовой по преимуществу борьбы за установление и/или изменение фактических норм, процедур и правил, по которым осуществляются

---

⁸⁷ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.С.34.

⁸⁸ Аттина Ф. Глобальная политическая система. Введение в международные отношения: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002; От биполярной системы к эпохе глобализации: Учебное пособие по международным отношениям/ Под ред. Дж. Дж. Айкенберри и В.Э. Парси. - Новосиб. Гос. ун-т. Новосибирск, 2003.

⁸⁹ Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов/М.М. Лебедева. М.: Аспект пресс, 2003.

на практике международные отношения каждой конкретной эпохи»⁹⁰. Международные отношения как явление возникают из триединого процесса взаимодействия международной жизни, политики и ведущих для своего времени субъектов политики⁹¹.

Современное исследование международных отношений невозможно представить без взаимодействия с другими науками. Например, М.М. Лебедева откликнулась статьей о мировой политике как самостоятельной научной дисциплине, ее предметном поле и отношениях с политологией и международными отношениями⁹². По ее мнению *системный* подход к анализу международных отношений явился основой (общность подходов и методов анализа), объединившей в 90-е гг. XX в. российских политологов и международников. Позже стали сближаться позиции *мирополитиков* и *международников*, поскольку становилось ясно, что без анализа политической системы мира невозможно объяснить внешнюю политику и другие явления международной жизни. Более того, по мнению М. Лебедевой, именно международники-неореалисты первыми наиболее серьезно начали анализировать политическую структуру мира, ограничив ее межгосударственным взаимодействием (другого не было). В дальнейшем именно неолибералы - прежде всего Р. Кейган (Кохейн), Дж. Най, Дж. Розенау, Дж. Бертон - стали активно продвигать идею множественности акторов на мировой арене. Они показали, что активный выход на мировую арену в последней четверти XX века новых (нетрадиционных) субъектов (транснациональных акторов, ТНА), таких, как ТНК, НПО, внутригосударственные регионы и т.п. привел к качественным изменениям политической структуры мира. Иными словами, мировая политика

---

⁹⁰ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. С.41.

⁹¹ Там же. С.45.

⁹² Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики// Международные процессы. 2004. № 2.

действительно «вырастает» из международных отношений. Ее становление приходится примерно на 1970-е годы - период активизации ТНА, в том числе и национально-освободительных движений. Авторы стали активно использовать новую терминологию - «мировая политика (*world politics*)», «глобальная политика (*global politics*)», «транснациональная политика (*transnational politics*)»⁹³.

В результате *мирополитическая* традиция стала во многом ассоциироваться именно с неолиберальным подходом, к тому же нередко накладываться на политические и идеологические ценности и установки неолиберализма в его варианте до 1990-х годов. Самым сложным в изучении мировой политики стало не признание наличия новых и множественных акторов, а их взаимодействия, которое осложняется отсутствием некоего «общего знаменателя». Таковым в классической Вестфальской системе выступал национальный суверенитет. Были предприняты поиски «общего знаменателя» в направлении *вестернизации*. И здесь мирополитические исследования фактически смыкаются с изучением проблем глобализации. Так, для Т. Фридмана таким «общим знаменателем» выступили западные модели поведения, связанные с обыденной жизнью, характерные практически для всех стран («Макдоналдс», Интернет, связь по сотовым телефонам и т.п.), а для Ф. Фукуямы - это, прежде всего ценности западной демократии⁹⁴. Однако эти критерии многими не разделяются в научном сообществе.

Среди параметров исследования мировых политических акторов М. Лебедева предлагает рассматривать их *ресурсы*, преследуемые ими *цели*, различие по *временным параметрам*, особенности *внутренней структурной организации*, например, *иерархический* и *сетевой* принципы. В отличие от классических эпох действия современных участников мировых процессов

---

⁹³ Там же. С.101.

⁹⁴ Там же. С. 102.

влекут за собой целую цепь последствий, просчитать конечный итог которых практически невозможно. Сами же акторы на мировой арене не просто разнородны, но разнородны по многим параметрам, подвержены внутренним изменениям, вступают во множество отношений и типов взаимодействий, наконец, влияют друг на друга. Все это делает процессы на мировой арене не только сложнопрогнозируемыми или просчитываемыми, но иногда и с трудом отслеживаемыми. Анализ акторов мировой политики и их взаимодействия - проблема не только научная, но и практическая. Речь идет, по сути, о разработке принципов «глобального управления», под которым понимается некое «мировое правительство», а создание своего рода «правил игры», которые бы учитывали интересы и возможности различных акторов. Дж. Розенау и Е.-О. Сземпил сформулировали это как «управление без правительства». Таким образом, очерчивая предметную область мировой политики, можно сказать, что она занимается анализом политической системы мира (с ее «внутренними» и «внешними» политиками), а также прогнозом тенденций ее дальнейшего развития. Как следствие важным моментом мировой политики является ее направленность на анализ современных политических вопросов и проблем, ожидаемых в будущем. А одним из центральных ее методов оказывается политологический анализ. По мнению М. Лебедевой, весь комплекс политических процессов на мировой арене лучше описывается термином «мировая политика». А за предметной областью «международных отношений» было бы целесообразным сохранить двусторонние и многосторонние межгосударственные отношения⁹⁵.

П.А. Цыганков одним из первых ознакомил отечественных читателей с международными социологическими школами⁹⁶. По его мнению, «...представители социологического направления в исследовании

---

⁹⁵ Там же. С.103-104.

⁹⁶ Международные отношения: социологические подходы/ Рук. авт. колл. Проф. П.А. Цыганков. М.: Гардарики, 1998.

международных отношений подчеркивают значимость в мировой политике не столько национальных интересов, сколько ценностей, норм, идентичностей, культурных особенностей, традиций и идей. В результате все основные вопросы МО (характер международной среды, перспективы ее изменения, основные процессы, их участники, возникающие между ними проблемы, пути их разрешения), как и наиболее распространенные теории (национального интереса, безопасности, баланса сил, сотрудничества, демократического мира) получают трактовки, альтернативные тем, которые господствовали в международно-политической науке на протяжении многих десятилетий»⁹⁷.

Особняком в отечественной историографии выделяются работы, написанные в русле геополитики. В современной России все более заметное место в оценке международных отношений и обосновании внешней политики занимают геополитические подходы. Причем геополитика, понимаемая как непротиворечивое фундаментальное знание, все более занимает то место, которое в течение советского периода принадлежало материалистическому детерминизму. М. Лебедева обоснованно полагает, что геополитика берет свои истоки в советском периоде, во-первых, потому, что она тесно связана с реализмом, исходит из постулата, что географическое положение государства является фактически ключевым национальным интересом; во-вторых, в ней присутствует элемент верований, который сближает ее с марксизмом-ленинизмом⁹⁸.

Однако если анализировать с точки зрения философии политики геополитические подходы З. Бжезинского (к примеру, его недавнюю книгу «Великая шахматная доска») и современных российских традиционалистов А. Дугина, Э. Позднякова, то между этими, казалось бы, разными авторами, прослеживается общность в метафизическом отношении к познавательным

---

⁹⁷ Цыганков П.А. Теория международных отношений. С. 156-157.

⁹⁸ Лебедева М. Предметное поле и предметные поля мировой политики. С.99.

возможностям геополитики как непротиворечивой и абсолютной науки о международных отношениях, опирающейся на теоретическое наследие германской и англосаксонской геополитики начала XX века⁹⁹. Согласно теории *хартленда* Россия наделялась особой геополитической ролью. В соответствии с этой теорией глобальная система состоит из трех концентрических кругов – хартленда (континентальное пространство Евразии, ее сердцевина), внутреннего полумесяца (приморские территории Евразии) и внешнего полумесяца (Америка, Африка, острова Тихого океана, включая Японию, Великобританию). Даже после распада СССР современная Россия занимает основную часть хартленда, или географической оси истории, контроль над которой означает, согласно британскому геополитику Х. Макиндеру, контроль за всем мировым пространством¹⁰⁰. Как пишет В.А. Колосов, «некритическое восприятие теории хартленда, которая опровергается многими современными специалистами как несоответствующая постоянно меняющимся реалиям мировой политики, привело к появлению ряда штампов в российской геополитике»¹⁰¹. «Развивая идеи классиков евразийства, российские неоевразийцы говорят уже не о русском православном доминировании как объединяющем начале Евразии, а о равноправных славяно-тюркском и православно-мусульманском союзах, усиливая тем самым азиатскую компоненту в евразийском пространстве»¹⁰².

Сегодня основными апологетами геополитики в России являются военные исследователи. Например, И.Н. Панарин приходит к выводу о том, что

---

⁹⁹ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: «Арктогея», 1997; Поздняков Э.А. Философия политики. Т.1-2. М.: «Палея», 1994; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998.

¹⁰⁰ Геополитическое положение России: представления и реальность/ под ред. В.А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000. С.22.

¹⁰¹ Там же. С.22.

¹⁰² Там же. С.26.

«история геополитики свидетельствует и о необходимости создания мощного ЕВРАЗИЙСКОГО КОНТИНЕНТАЛЬНОГО БЛОКА»¹⁰³.

В.А. Колосов отмечает, что с точки зрения современной геополитики построения отечественных неоевразийцев левого и националистического толка выглядят архаичными. В них чрезмерно акцентированы силовой фактор международных отношений и влияние природного фактора, недоучитывается многополюсность современного мира (ведущей державой и главным врагом обычно считаются США), не анализируется мировая экономика как фундаментальный контекст политических процессов. Их построения откровенно опираются на догмы и представления традиционной геополитики 20-30-х гг. XX века, в основе которой лежит абсолютизация роли физического пространства и ресурсного фактора, военной мощи и прямого контроля над территорией. Складывается впечатление, что неоевразийцы не принимают во внимание такие факторы, как развитие научно-технического и интеллектуального потенциала страны, открытую «информационную» экономику¹⁰⁴.

В.А. Колосов обращает также внимание на недостатки западнической геополитической школы, которая, по его мнению, нашла выражение в геостратегии Э. Шеварднадзе и т.н. «доктрине Козырева», реализация которых привела к почти полной потере страной экономических и политических позиций в ряде регионов¹⁰⁵. Обстоятельный анализ международных и внешнеполитических воззрений российских либералов представлен в статье П.А. Цыганкова и А.П. Цыганкова¹⁰⁶. Авторы выделяют несколько направлений

---

¹⁰³ Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. С.145.

¹⁰⁴ Геополитическое положение России: представления и реальность. С.29-30.

¹⁰⁵ Там же. С.32-33.

¹⁰⁶ Цыганков П.А., Цыганков А.П. Между западничеством и национализмом: российский либерализм и международные отношения// Вопросы философии. 2005. № 1. С.3-18.

в российском либерализме – модернизаторов, институционалистов, национал-демократов – и делают вывод о том, что большие перспективы имеют российские либералы, придерживающиеся представлений о «вариативности мирового развития, не отрицающие его под предлогом наступившего торжества западной рыночной демократии»¹⁰⁷.

Вышеуказанным моделям В.А. Колосов противопоставляет «менее радикальные, более научные, объективные, сбалансированные» геополитические модели. К таковым он относит геополитическую концепцию В. Цымбурского, который констатирует неудачу 300-летнего российского «напора» на Европу и предлагает сосредоточиться на освоении существующей территории¹⁰⁸. По мнению В.А. Колосова в последнее время в России сформировалась умеренно-консервативная *консенсусная* геополитическая модель. Ее цель – укрепление российской государственности и позиций страны в мире, избегая крайностей русского национализма, неоевразийства и западничества¹⁰⁹.

По-существу, выше цитируемая книга и ее авторы отражают имеющую место в российской историографии позицию «прагматичной» геополитики как области научного знания о мировой политике, системах международных отношений и национальной безопасности. Например, Ю.В. Тихонравов определяет как «направление, изучающее взаимозависимость внешней политики государств, международных отношений и системы политических, экономических, экологических, военно-стратегических и иных взаимосвязей, обусловленных географическим положением страны (региона) и другими физико - и экономико-географическими факторами»¹¹⁰.

---

¹⁰⁷ Там же. С.16.

¹⁰⁸ Геополитическое положение России: представления и реальность. С.35.

¹⁰⁹ Там же. С.36.

¹¹⁰ Тихонравов Ю.В. Геополитика/ Учебное пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-синтез», 1998. С.22.

По мнению Ю.В. Тихонравова геополитика занимает особое место в науке и, отличается, например, от исторической антропологии тем, что на ее долю выпадают все сферы исторической случайности. Она объясняет исторический процесс, полностью исключая из него факторы духа. «Если же человеческий дух и рассматривается в геополитике, то только как объект, определяемый внешними обстоятельствами, прежде всего географической средой... Геополитика, таким образом, стремится стать позитивной и естественнонаучной основой осмысления исторического процесса»¹¹¹. Научная принадлежность геополитики связана с возникновением и развитием западной политической географии. Если в конце 70-х и начале 80-х гг. XX в. методология геополитики опиралась на бихевиористские и экзистенциалистские концепции, то в последние годы чаще используются методы многомерной статистики при конструировании «показателей мощи», поиск закономерных соотношений между потоками в пространстве, геополитическое картирование, изучение изменения центров проекции¹¹².

На карте мира обозначились контуры нескольких геоэкономических пространств, характеризующихся специфическими структурообразующими формами деятельности, служащими закваской всей прочей хозяйственной активности того или иного региона.

При рассмотрении общих тенденций в отечественной науке о международных отношениях складывается впечатление, что в ней существует водораздел между теми, *кто* жестко детерминирует (с материалистических или идеалистических позиций) генезис международных отношений и теми, *кто* подходит к анализу международных отношений с релятивистских позиций, не абсолютизирует тот или иной метод и методологию, дистанцирует научное знание от идеологии, понимает относительность используемых методов

---

¹¹¹ Там же. С.23-24.

¹¹² Там же. С. 32.

научного познания, без предрассудков относится к использованию старых и новых технологий и методов познания, находится в курсе современных тенденций в области научного познания.

В связи с вышесказанным необходимо признать важной миссию, которую выполняют исследования и публикации, дающие представление об эволюции теории международных отношений, о методологии и методах исследования международных отношений.

Зарубежные теории международных отношений

Теории международных отношений стали формироваться сравнительно недавно¹¹³. Это произошло между первой и второй мировыми войнами. Желание понять и объяснить, какие пружины двигали изменениями в мире, и потребность ответить на вопрос, как Соединенное Королевство могло попытаться сохранить за собой важное положение в будущем, царившие в британских политических и интеллектуальных кругах, привели к созданию Лондонского Королевского Института Международных Дел (получившего впоследствии известность под названием *Chatham House*) и открытию в маленьком университете *Galles* первой кафедры Международных Отношений.

В Нью-Йорке также стало разгораться любопытство и некоторый интерес к данной теме. Американская экономическая мощь была прочной и стремилась к экспансии. В Нью-Йорке задавались вопросом о том, что происходило в мире и какую роль в нем надлежало играть американской державе. Совет по Международным отношениям в Нью-Йорке стал, таким образом, конкурентом Лондонского Королевского института и заложил основы американского подхода, состоявшего в подчинении научных исследований конкретным политическим проектам.

---

¹¹³ Аттина Ф. Глобальная политическая система. Введение в международные отношения. Екатеринбург, 2002. С.22-23.

Провал Лиги Наций и ряда международных проектов типа пакта Бриана-Келлога поставили под сомнение приоритетность юридического знания о международных отношениях. Поведение отдельного государства в определенных обстоятельствах может руководствоваться соблюдением юридических норм, а может и не руководствоваться ими. В связи с этим понадобились дополнительные знания, которые могли бы позволить снизить порог ошибочности объяснений и прогнозов относительно соблюдения международного права и правил со стороны одного или нескольких субъектов международной политики.

Международное право сыграло свою самую важную роль в период с последних десятилетий XIX века до второй мировой войны. Были созданы международные организации и штат международных чиновников. Появление глобальной политической системы было бы невозможно без этого изобретения. В тот отрезок первой половины XX века положение международного права в ряду наук и университетских дисциплин, которые занимались изучением международных отношений, перестало быть изолированным. Прежде всего, был совершен ощутимый рывок в исследовании истории международных отношений. К истории дипломатии и дипломатических соглашений добавлялось изучение «глубинных сил» и «смыслов» мировой истории. Появились «истории» продолжительных временных отрезков, великих эволюций и социальных сил. Особый вклад в исследование международных отношений внесла политология, которая в начале XX века начала развиваться по пути, проложенному социологией и эмпирическим изучением общества.

Включение новой дисциплины в программу университетского образования, однако, состоялось в большинстве случаев уже после второй мировой войны. Какова же платформа, на которой базируется дисциплина Международные Отношения? Какова теоретическая и методологическая база, на которой различные ученые выстраивают новое здание научных знаний?

Ни в одной науке нельзя добиться слишком большого порядка и систематичности, когда приходится описывать отдельные части целого и представлять весь комплекс знаний, выделяя в нем, говоря архитектурными терминами, фундамент и стены. Международные отношения не являются исключением.

С конца второй мировой войны до 70-х гг. эта дисциплина развивалась в основном в рамках *реалистической* теории. Считалось, что международные отношения следовало регулировать на базе власти и национальных интересов государства, имевшего наибольший вес.

Именно это является исходной посылкой теории реализма, интеллектуально соответствующей многополярному миру. Все *реалисты* верят, что в геополитических вопросах лучшим способом устранения конфликтов является реализация равновесия между государством с претензиями на гегемонию и противопоставленной ему коалицией малых государств¹¹⁴.

М. Дойл выделяет, по меньшей мере, три школы внутри реализма, хотя теоретические истоки всех трех позиций могут быть обнаружены у Тацита, первого и самого великого теоретика международных вопросов. *Фундаменталисты*, такие как Макиавелли и наш современник Генри Киссинджер, придают большое значение способностям политических лидеров и утверждают, что наличие или отсутствие способностей являются ключевыми позициями, необходимыми для объяснения моделей войны и мира, имевших место в истории.

Структуралисты занимают более нейтральную позицию, согласно которой поведение государств вытекает непосредственно из моделей власти, существующих в мировой практике. Эта позиция была высказана впервые

---

¹¹⁴ Холл Дж. Сообщество государств//От биполярной системы к эпохе глобализаций: Учебное пособие по международным отношениям/ Под ред. Дж.Дж. Айкенберри и В.Э. Парси. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. С. 11.

Томасом Гоббсом, тогда как в последние годы логика этой позиции была полностью разработана Кеннетом Уолцем.

Конституционалисты считают, что именно природа внутреннего общества определяет возможность установления мира или войны.

Доминирование войн — это очевидная характеристика европейской системы. Государства часто находились в состоянии войны; даже в периоды «мира» необходимость не быть захваченными врасплох заставляла без передышки продолжать готовиться к подобной возможности. Более того, государства были машинами для борьбы с войнами; только в конце XIX века социальные затраты впервые превысили затраты на военные расходы. В реальности эта картина не была статичной, напротив, различные военные преобразования, начиная от размеров армии до стоимости оружия, постоянно обязывали государства выжимать из общества все большие ресурсы. Поэтому финансовые возможности казны государства отражали конкурентоспособные социальные привилегии, которых надо было добиваться. В этом смысле английская *«торговая хартия»* 1297 года предлагала различные стимулы торговцам, чтобы добиться их поддержки. Позднее знание о мощи соседних государств привело крупных французских мыслителей XVIII века Вольтера и Монтескье к длительному пребыванию в Англии в надежде раскрыть секрет процветания этой страны и ее последующее значение во время войны. Точно так же, факт того, что солдаты-горожане сражаются лучше торговцев, сделал необходимым переход от династических государств к национальным государствам, что является особо очевидным в случае Пруссии, которая отменила феодализм, оплот старого режима, в течение нескольких месяцев после поражения Наполеона под Аустерлицем в 1805 году. Соперничество европейских государств на геополитическом поле стало важнейшим ускорителем индустриализации в Европе в XIX веке. Это рассуждение объясняет тот факт, что каждое государство пыталось иметь точно такое же промышленное развитие, (особенно это касалось сталелитейной промышленности), с тем, чтобы быть автономным в производстве оружия.

Все вышесказанное можно обобщить в двух простых формулировках. Непрерывное конкурентное соперничество влечет за собой непрерывное общественное изменение и постоянную социальную напряженность. Эта же концепция разъясняется в изысканной формулировке Троцкого, согласно которой война есть не что иное, как локомотив европейской истории.

Европейскую историю характеризовали разные по интенсивности насилия. Тридцатилетняя война, которая закончилась в 1648 году Оснабрюкским и Мюнстерским договорами, в результате которых протестанты и католики подписали отдельные соглашения, названные позднее «Вестфальской системой», была чрезвычайно жестокой. Внешние силы были втянуты в водоворот конфликта, потому что ставки в игре (возможное уничтожение протестантства и попытка Испании достичь господства над материком) были действительно очень высокими. Вследствие этого насилие было безмерным.

Война в Центральной Европе унесла, по меньшей мере, жизни трети населения. Как последствие этого в XVIII веке вводятся и соблюдаются правила поведения сторон в вооруженных конфликтах. Поскольку такие конфликты были частыми, а их интенсивность и продолжительность были ограничены, они получили название «малых войн».

В период наполеоновских войн складываются теоретические воззрения Карла фон Клаузевица, известного теоретика войны. Его воззрения могут быть рассмотрены как наивный реализм: сущность поведения государства - это поиск безграничной власти. Он прожил достаточно долгую жизнь и стал свидетелем конца амбиций Наполеона, а затем и начал переоценку Фридриха Великого. Постепенно он пришел к утрате веры в безграничные возможности утверждения гегемонии власти. Если война должна быть рациональной, то необходим государственный контроль над военным аппаратом и настроениями народа. Фундаментальным элементом любого реалистического расчета должно быть стремление избежать войны на двух фронтах, поскольку рассредоточение сил приводит с большей вероятностью к поражению. Бисмарк понимал этот

принцип и попытался предотвратить возникновение альянса между Францией и Россией. Но псевдореализм «железного канцлера» был заменен альтернативным, агрессивным, суммарно нулевым реализмом. Последствия были, естественно, ужасными: угроза, исходящая от вильгельмовской Германии, гарантировала не только формальный альянс между Францией и Россией, но также возможное вовлечение Англии в конфликт. Позже эта ситуация повторится. В XX веке Германия дважды совершила одну и ту же геополитическую ошибку. Успех реализма зависит от способности делать верные расчеты; а псевдореализм зависит от характера государства.

Дж. Снайдер предполагает, что разные типы государственных структур допускают рациональный расчет приоритетов. Реализм не обязательно присущ только либеральным государствам, но данный тип государства создает значительно больше предпосылок для рациональных решений. Положительным примером в этом случае является поведение Англии в годы, предшествующие первой мировой войне. Наличие в этой стране системы кабинета, то есть наличие единственного места, в котором обсуждались и согласовывались приоритеты, помогло обеспечить соразмерность обязательств и ресурсов. Так соглашение с Японией означало для Англии отказ от многих ее интересов в Азии, тогда как тесная договоренность с Соединенными Штатами снизила риск траты сил. Эти изменения позволили вернуть флот в территориальные воды Англии для противостояния немецкой угрозе. Это не означает, что либеральная элита никогда не была занята в неразумных войнах. Достаточно вспомнить американскую *эскалацию* во Вьетнаме под руководством Линдона Джонсона или неосмотрительность колониальной политики Франции в Алжире (1954-1962) и Голландии в Индонезии (1945-1949). Но главное, что имеет значение, - это способность системы сдержек и противовесов исправлять допущенные ошибки¹¹⁵.

---

¹¹⁵ Холл Дж. Сообщество государств. С. 19.

Резюмируя, можно отметить, что конфликт утрачивает свое значение внутри гомогенного мира, представленного государствами, способными к рациональным поступкам, в то время как эскалация экстремизма возникает при отсутствии этих факторов. Народное отвращение к войне, увеличение взаимозависимости экономики или распространение либеральных устоев могут способствовать миру.

В отличие от Германии структура кабинета английского государства позволяла вырабатывать более рациональную политику. Чтобы лучшим способом объяснить этот общий пункт, возможно, следует отметить, что либеральные государства избежали тех ужасных авантюр, к которым были склонны страны с отсталым развитием. Это не означает, что либеральные государства имели совершенные институты, не следует отрицать сложность и напряженность попытки проводить внешнюю политику в рамках либеральной демократии. Но этот политический режим кажется наименее худшим из всех имеющихся¹¹⁶.

Однако углубление представлений о международных отношениях поставило новые вопросы: недостаточно знать лишь, что на мощь отвечают мощью, на альянсы - альянсами, а на обладанием ядерным оружием - обладанием ядерным оружием. Необходимо предвидеть действия противника; спровоцировать внутренние перемены в нестабильных странах; искать разрешение опасных конфликтов; держать под контролем неопределенные ситуации; уметь уживаться и мирно «сосуществовать» с другими цивилизациями. В 40-е и 50-е годы «бихевиоризм» (теория поведения) из психологии распространилась на социологию и на политические науки. В американских и европейских университетах теоретические и методологические положения бихевиоризма были восприняты, в том числе учеными-международниками. В частности, анализ процесса принятия решений - *decision-*

---

¹¹⁶ Там же. С.21-22.

making approach - вместе с применением метода системного анализа привели к резкому скачку в развитии новой дисциплины.

Из чего складываются решения во внешней политике, как противник воспринимает чужие решения, как провести переговоры, когда применить угрозу, какое давление внутренняя среда оказывает на правительство недружественной страны? Все это предметы исследований, которые стали проводить ученые-международники, когда в период после второй мировой войны перешли от формального и нормативного изучения права, описательного и хронологического анализа истории и спекулятивного и предписывающего исследования философии и морали к эмпирическому анализу политической науки.

Теоретическую систематизацию холодной войны осуществил французский ученый Рэймонд Арон. В своей работе *«Мир и война между нациями»* (1962) он классифицирует международные политические системы на основе двух характеристик: во-первых, распределение силы, во-вторых, идеологической однородности или неоднородности полюсов. Арон утверждает, что все системы классифицируются, прежде всего, согласно количеству значимых (в смысле силы) действующих акторов и игры их союзов. Сила может быть определена по-разному, и элементы, входящие в ее состав, меняются в зависимости от исторических эпох. Так, если, в ней имеются военно-политические, экономические и культурно-идеологические компоненты, то, несомненно, соотношение богатства, технологического прогресса и военной силы не всегда было одним и тем же. В древности, например, нередко воинственные народы были менее богатыми по сравнению с их соседями; сегодня, впрочем, роль технологии является ведущей при определении силы действующих лиц. В этом смысле достаточно представить, какой была бы мощь Соединенных Штатов без преобладания в таких сферах, как исследования и развитие науки, инновационные технологии и собственность на патенты в области высоких технологий.

Важно знать, как распространена сила, насколько она концентрирована и в скольких местах она сосредоточена. Конечно, имеет место различие между многополярными и биполярными системами. В политической системе, где более двух полюсов, становятся возможными разные комбинации участников (союзы между двумя или более полюсами, или же имеется шанс (*chance*) для отдельных действующих лиц (акторов) выйти из одного полюса без обязательного вступления в единственно существующий другой полюс).

Система может содержать полюсы, идеологически однородные или гетерогенные по отношению друг к другу, это и составляет разницу, например, между многополярной системой наполеоновских войн и такой же многополярной системой XVIII или XIX века после Реставрации. То, что меняется в системе, неоднородной с точки зрения идеологии, - это конкретная возможность для отдельных акторов переходить от одного полюса к другому только на основании расчета политической выгоды. Перегруппировка альянсов или же частая смена фронтов на основе чистого расчета интересов, что было типично для войн XVIII века и что ознаменовало начало экспансии Пруссии и Пьемонта, становятся существенно невозможными, когда различные полюсы также являются выразителями несовместимых идеологических концепций.

В период холодной войны ни один действующий субъект не рассматривал возможность не только перейти на другой полюс, но даже «перейти дорогу» какой-нибудь форме нейтралитета между США и СССР.

Отсюда можно сделать вывод, что степени международной гибкости (и, наоборот, жесткости политической системы), свобода действий субъектов растут в многополярных и однородных системах и убывают в биполярных и неоднородных системах.

Американский ученый Кеннет Уолц разработал концепцию, согласно которой структура международной политической системы определяется:

- *анархическим принципом* (противопоставленным иерархическому принципу, типичному для государства);
- *рассредоточением силы*, что в свою очередь зависит как от числа полюсов, среди которых она распределяется, так и от способности каждого из них создавать угрозу для других;
- тем фактом, что *безопасность* является первоочередной проблемой всех государств, поэтому устанавливается «примат» внешней политики над внутренней и становится несущественной форма внутреннего управления в субъектах системы.

Если анархия и обеспокоенность безопасностью - это то, что объединяет все международные политические системы, тогда распределение силы – это то, что их делает различными. Согласно мнению Уолца биполярная система холодной войны - это система, которая лучше других обладает характеристикой стабильности, что, в общем, было проверено долгим периодом равновесия между США и СССР. В действительности, этот тезис оказывается очень сложно сразу доказать. Так называемое «равновесие террора» - то есть, факт, что ни одна из сверхдержав не сможет внезапно нанести «первый удар», настолько опустошительный, чтобы уничтожить вражеские силы, и такой, чтобы укрыться от массированного ответа – кажется, объясняет в самой простой и эффективной манере причины долгого мира, следовавшего за 1945 годом. Впрочем, уже анализ, который в 70-х годах провели Д. Сингер и М. Смолл по поводу соотношения между количеством полюсов и стабильностью системы, оказывается более убедительным. Для этих авторов существует настоящая и подлинная пауза между XIX и XX веками, характеризующаяся появлением массовой политики, индустриализацией и упадком способности традиционной элиты использовать с пользой секретную дипломатию и крепкие традиции, которые регулировали отношения между государствами и их руководящими классами. Таким образом, в XIX веке частота войн уменьшалась каждый раз, когда устанавливался многополярный порядок,

характеризующийся основательным равновесием между европейскими державами и переменчивостью распределения силы. В XX веке, напротив, только превосходство одного или двух субъектов и кристаллизация распределения силы могли обеспечить стабильность системы, в которой предсказуемость поведения действующих была неясной.

Была ли стабильность системы в период холодной войны продуктом биполярности или обеспечивалась постоянной угрозой применения атомного оружия? Трудность ответа подобный вопрос убедительно показывает, что, начиная с 90-х годов, весь так называемый «структурный реализм» вошел в фазу глубокого кризиса. Достоинством этого направления, развившегося, прежде всего, благодаря Уолцу, и потом широко распространившегося со многими своими парадигмами понемногу во всех подходах к данной дисциплине, являлось то, что вновь были предложены фундаментальные положения классического реализма, например, Карра, Моргентау, Киссинджера, в виде схемы, которая действительно явилась собственно основным системным подходом в политологии. Однако этот анализ закончился чрезмерным пренебрежением необходимого внимания к внутренним характеристикам субъектов, которые - как еще раз подтвердила история между 1989 годом (падением Берлинской стены) и 1993 годом (распадом Советского Союза) - часто оказываются равнозначными в объяснении перехода от одного системного порядка к другому, утверждает М. Евангелиста.

Современный теоретик Роберт Кейган, которого относят к неолиберальным институционалистам, утверждает, что международная политика после краха гегемонии не обязательно коллапсируется в неконтролируемую силовую политику, которая приведет к анархии. «Институциональная инфраструктура постгегемонистской системы в состоянии

обеспечить координацию конфликтных политик путем снижения затрат на сотрудничество»¹¹⁷.

Резюмируя, мы можем сказать, что с конца Второй мировой войны появляется и укрепляется более чем на 40 лет периода холодной войны *международная политическая система*, которая является:

- *биполярной* (относительно распределения силы, основанного на соревновательном сосуществовании США и СССР);
- впервые действительно *глобальной*, то есть распространяющейся на весь мир;
- *неоднородной* и идеологически сильно ангажированной (демократия и капитализм против коммунизма и коллективизма), когда две доминирующие силы являются также выражением двух несовместимых идеологий, к которым были обязаны присоединиться другие государства-союзники;
- *блокированной* присутствием *ядерного* оружия, и, следовательно, лишенной возможности превратить постоянное напряжение, которое царило между полюсами, в открытый конфликт, уничтожающий другую международную систему;
- с *неопределенным превосходством*, то есть в которой превосходство оставалось достоянием только двух супердержав, или же международная политическая система дошла до той точки, в которой надо переписывать в обобщенной манере сами функции государств, отказывая им в превосходстве именно ради обладания военно-политической безопасностью, которая представляла главный фундамент законности.

---

¹¹⁷ Арин О. Двадцать первый век. С. 21.

Переход от биполярной системы к монополярной явился для него неожиданным, однако он не затронул такие фундаментальные устои мировой системы как приоритет государства, императив безопасности, необходимость рассчитывать на собственные силы (*self-help*) и действие баланса сил. К. Уолц предвидел, что чрезвычайная концентрация власти приведет к американскому униполяризму, который будет воспринят другими державами системы как угроза и повлечет за собой стремление к созданию противовесов¹¹⁸.

Другой американский политолог Джон Айкенберри предлагает собственное видение проблемы. Сложившаяся после 1989 г. мировая система не слишком отличается от предшествующей, поскольку содержит в себе многие элементы своей предшественницы. С окончанием холодной войны значение политики сдерживания становится менее значимым, однако и либеральный международный порядок никуда не исчезал даже в годы холодной войны.

Свою точку зрения Джон Айкенберри изложил в книге «После победы», вышедшей в 2001 г., и которая стала олицетворением американской либеральной школы в международных отношениях¹¹⁹. Она опирается на оптимистическую концепцию относительно человеческой природы, примат индивида, просвещенческая вера в прогресс. Для либеральных теоретиков мировая политика не является с неизбежностью ареной государств, находящихся в постоянном конфликте, но может быть пространством сотрудничества и обусловленных правил поведения благодаря той роли, которую играют международные институты, транснациональные связи, экономическая взаимозависимость и распространение демократии¹²⁰.

Наряду с «решенческим» и «поведенческим» подходами перспектива системного анализа еще более обновляет исследования в области

---

¹¹⁸ Ikenberry John G. Il dilemma dell'egemone. Gli Stati Uniti tra ordine liberale e tentazione imperiale. Milano, 2007. P.X.

¹¹⁹ Ikenberry John G. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, N.J., Princeton University Press, 2001.

¹²⁰ Ibid. P. X-XI.

международных отношений. Подвергшийся влиянию бихевиоризма, системный анализ ведет свое происхождение от других наук - особенно от биологии - и представляет собой общую методологию научного исследования.

Системный анализ успешно применяется в международных отношениях, потому что он предписывает рассматривать целое (прочное и стабильное существование международной системы во времени), что до сих пор не делалось. Прежде всего, он подвергает пересмотру самую классическую и упрощенческую версию реализма, который усматривает в международной политике только расчеты лидеров великих держав. В 60-е и 70-е гг. международные отношения были насквозь пронизаны системным анализом. Это привело к тому, что *реалистические* подходы стали преобразовываться в *неореализм*, когда Уолц (1979) применил понятие «структуры» в качестве фундаментального элемента *реалистического* объяснения международной политики.

В 60-70-е гг. появляется два новых течения, которые можно считать критическими или альтернативными по отношению к предшествующим методам анализа, а именно исследования и теории о мирном существовании и конфликтах и исследования по транснациональным обществам и функционализму. Поведенческая теория с широким применением количественного анализа и методы системного анализа - это багаж направления «исследований процессов мира» (*peace research*). Поставленная этим направлением задача может быть сведена к следующему: *знать, чтобы излечить*. Изучить кризисы, конфликты, войны, чтобы исключить применение насилия в международных отношениях. *Peace research* переживала бум на волнах протестов и возмущений в связи с вьетнамской войной. Однако слабость теоретического построения была настолько очевидной, что с окончанием войны во Вьетнаме это направление себя исчерпало.

В 60-70-х гг. проявило себя другое научное направление, связанно с анализом транснационального общества и функционализма. Исследования

ученых-социологов, таких как Карл Дейч, включают в предмет изучения истоков политических образований также те общественные, экономические и культурные феномены, которые имеются в основе систем, выходящих за рамки границ государств. Исследования Джона Бартона дали жизнь транснациональным исследованиям в сфере Международных Отношений.

Последние двадцать лет характеризуются подчеркнутым теоретическим и методологическим плюрализмом. Международные отношения - это уже не только силовые отношения между государствами и правительствами. Наряду с факторами власти государств - не важно, военными, экономическими, географическими или демографическими - должны учитываться факторы организации того, чем является глобальная система, которая производит решения, правила и стандарты для всех своих субъектов. Международные Отношения, следовательно, усваивают от других дисциплин исследования и интерпретационные перспективы, без которых теперь уже было бы сложно понять даже межгосударственные отношения в узком смысле. Например, *неоинституциональный* подход, доминирующий в науке о внутренней политике, также используется в изучении международных процессов, прежде всего, для анализа режимов и многосторонности, то есть обязательств и возможностей, которые международные организации навязывают государствам, имеющим общие традиционные или новые чрезвычайные проблемы. Эти «инкрустации» из других методологических наук влияют на изменение научного инструментария и самого языка теорий международных отношений. В связи с потребностью иметь информацию о решениях и поведении государств в меняющейся международной системе, *поле* международных отношений не состоит только из отношений между государствами и их правительствами. Существуют другие индивидуальные, коллективные, институциональные и организационные субъекты, которые составляют основу международной системы. Более того, объектами исследований международников является не только «международная» система,

но система «транснациональная» или «глобальная система», то есть система, в которой границы между *внутренним* и *международным* становятся все более расплывчатыми.

Таким образом, сегодня в большей степени, чем 50 или 60 лет назад, не решения и поведение национальных правительств находятся в *фокусе* дисциплины, а производство и эволюция глобальных общественных правил и политик. Таким образом, Международные Отношения становятся все более наукой о *глобальной политике* - о политике между государствами и о политике за пределами государств - поскольку они анализируют и объясняют, кто решает и кто подчиняется в мировой системе. Формирование и применение международных правил зависит от международных институтов, которые организуют коллективную жизнь и процесс принятия решений. Они включают также индивидуальные и коллективные нужды субъектов системы, которые преобразовываются ими в виде повесток дня, политических продуктов, общественных политик, становящихся обязательными для большей части субъектов международных отношений.

Согласно *традиционной* концепции международных отношений считается, что мировая система лишена политической организации. В *современной* концепции, напротив, даже если признается, что в международной системе не существует единой руководящей власти и отсутствует единое поле суверенных институтов, в которых сосредоточивается вся принуждающая власть, утверждается, что эта система все же располагает некоей совокупностью правил и институтов, организующих отношения между значимыми субъектами системы, сообщая им непрерывность и регулярность, и упорядочивающих использование общих благ и ценностей.

Несмотря на то, что некоторые ученые упрямо не желают отказываться от концепции анархической и дезорганизованной международной системы, нельзя отрицать, что сегодня мы как никогда в прошлом готовы признать, что существует самое настоящее поле мировой политики, в котором деятели,

обладающие разными способностями, разными целями и разными стратегиями, *взаимодействуют* в целях формирования правил и политик, которые установили бы общие обязательства в сферах пользования общими благами и ценностями всех без исключения, то есть таких правил и политик, при помощи которых можно управлять миром, состоящим из множества общественных устройств и человеческих коллективов. За этим процессом согласования в вопросах организации или порядка мировой политики скрывается, тем не менее - а иначе и быть не может - множество способов понимания политики вообще и политики международной и глобальной системы в частности.

Установки, с которыми люди подходят к политике, можно свести к ориентированности на две разные парадигмы:

1. Политика как кооперационно-соревновательное взаимодействие

- Содержание: мирные соглашения и переговоры
- Институты: инструменты общественной интеграции и унификации
- Правительство: институт, основанный на договоре по защите благ/прав
- Цель: поддержание порядка распределения на основе консенсуса

2. Политика как конфликтное взаимодействие

- Содержание: антагонистические конфликты, основанные на тотализированных ценностях и идеологиях
- Институты: принудительные агентства и общественный контроль
- Правительство: орган, созданный меньшинством с целью доминировать над большинством

Парадигмы конфликта. С точки зрения парадигмы конфликта и неравенства считается, что политические правила и институты жестко определяются различием силы между государствами, а государства будто бы

почти вовсе не признают равного суверенитета как элемента их сосуществования. В центре этой концепции международной политики заложено условие взаимного недоверия государств, которое порождается, с одной стороны, неравенством ресурсов и способностей каждого из них действовать на международной арене в собственных интересах, а с другой стороны, равным суверенитетом, который позволяет каждому из них преследовать свои интересы, прибегая к военной силе. Государства, преследуя свои интересы, не могут полагаться ни на что, кроме своих средств и своей силы. Поэтому каждое государство, для того, чтобы чувствовать себя уверенно, должно стремиться наращивать силу.

В современных международных исследованиях парадигма неравенства отождествляется с *реалистическими* теориями. К ним относятся, в частности, системно-структурные (*неореалистские*) теории, теории политико-экономической гегемонии (теории *гегемонической стабильности*) и теории *системы-мира* и *капиталистического рынка*. Международный политический реализм обычно отождествляют с теорией политики силы, или *power politics*, которая от Макиавелли дошла до теоретиков *machtpolitik* XIX и начала XX веков. Самыми авторитетными современными выразителями этой теории были американец Ганс Моргентау, англичанин Мартин Уайт и француз Раймон Арон.

По мнению Моргентау и Уайта в системе суверенных и неравноправных субъектов, какой является международная система, каждое государство может выжить и реализовать свои интересы только в том случае, если будет действовать в качестве гаранта самого себя. Государства, кроме того, - это сообщества людей, существ по природе своей коварных и агрессивных. По этой причине международная политика характеризуется стремлением наращивать силу, потому что только при помощи военной силы государство выживает и реализует свой национальный интерес. Сила и национальный интерес, следовательно, - это сущностные элементы международных отношений. Национальный интерес - это, с одной стороны, объективная данность, которую

можно определить на основе отношений силы, существующих между всеми государствами системы, а с другой, совокупность задач, установленных руководителями государства на основе расчетов и оценок, прежде всего, военной мощи. Перед лицом национальных интересов государств - особенно самых могущественных из них - эффективность всех международных институтов (от договоров о коллективной безопасности до международного права) оказывается ограниченной или вообще мнимой. Организация международных отношений, следовательно, основывается на правилах, продиктованных государствами, обладающими более высокой военной мощностью, а не на юридических обязательствах или органах кооперации. Это не означает, что государства постоянно обращаются к военной силе. В защите национальных интересов, правители взвешивают последствия своих решений и предпочитают обычно прибегать к дипломатии, чем к военной силе. Часто национальные интересы могут быть достигнуты без столкновений сил и военных разрушений. Прежде всего, именно эта осторожность и расчетливость руководителей крупнейших держав в распределении силы приводит к образованию того, что реалисты называют «системами равновесия», а именно к созданию иерархических организаций международных отношений, согласованных великими державами на основе оперативных правил для того, чтобы как можно более мирно решать конфликты интересов. Реалисты считают, что все существующие в мире властные ресурсы можно абстрактно суммировать и что такая сумма власти конкретно делится или *распределяется* между государствами. Понятие «*сфера влияния* великой державы» в устах реалистов приобретает такой смысл, который приписывает государствам, находящимся в сфере влияния великой державы, полную потерю независимости или международного суверенитета. Контролируемые государства действительно теряют свою способность принятия решений в международной системе (а также в своей внутренней политике), отдав ее великой державе, так что сфера влияния - это не сфера международных отношений, в которой

отношения власти позволяют одному государству навязывать свои решения в конфликте интересов, а скорее сфера имперских отношений.

Равновесие сил для них - это не правило, а только метафора, служащая для того, чтобы утверждать, что ни одно правительство не воздерживается от проведения политики преследования собственных целей, по сравнению с которыми цель достижения равновесия системы отходит на второй план.

Теории гегемонии и взаимозависимости. В свои интерпретационные и аналитические модели они включили неравенство экономических способностей и способностей разрешать общие проблемы. Одни ученые считают одинаково важными оба эти типа переменных (военно-политические и экономические); другие ставят на первое место экономические отношения, хотя и не отказываются принимать во внимание военно-политические величины.

Мысль о том, что существует множество важных факторов в организации международных систем, имеет большое теоретическое значение, потому что признание гегемонии за государством, которое в состоянии контролировать системные отношения как в военно-политической сфере, так и во всех других экономических и социальных сферах, вытекает из признания существования международного экономического параметра, который взаимодействует с военно-политическим параметром и сам нуждается еще в организации. Контролировать системные отношения не означает контролировать каждый аспект жизни системы, а еще меньше - держать под своим командованием каждый субъект системы. Это означает, скорее, что государство-гегемон имеет структурные полномочия и желание заставлять совершаться события в нужном ему направлении, а также способность перетянуть на свои позиции в решении основных проблем системы наибольшее число государств или, по крайней мере, те из них, которые обладают наибольшим весом. Такая власть складывается как из ресурсов государства, так и из целей, ради достижения которых оно использует свои ресурсы: эти цели обычно являются общими для

большинства государств и негосударственных субъектов системы, располагающих важными с организационной точки зрения ресурсами.

Сошлемся в качестве типичного примера на теорию Р. Гилпина. Держава-гегемон квалифицируется в качестве таковой благодаря своей экономической и военной силе, которая позволяет ей определять политико-территориальное устройство международной системы, устанавливать правила ее политического функционирования и проводить разделение труда в экономической сфере. Этот политический и экономический порядок ухудшается по мере накопления изменений, сокращающих побочные выгоды экспансии экономического производства и политического контроля державы-гегемона и приводящих к возрастанию цен, которые приходится платить в обмен на сохранение статуса кво. В то же время растет экономическая и военная мощь других держав, которые бросают вызов сверхдержаве и претендуют на перестройку системы на новых началах. Следствием этого является втягивание системы в войну, которая ведется при участии всех крупнейших государств, с использованием всех средств и с наступлением глобальных последствий. Среди последствий, в частности, можно указать то, что системная и гегемоническая война приводит к выдвиганию новой державы-гегемона, интересам которой служит новое устройство. Держава-гегемон, находящаяся в стадии упадка, может взять инициативу развязывания превентивной войны, нацеленной на укрепление ее положения, однако история показывает, что такая война заканчивается успехом периферийных государств системы, потому что ресурсы центральных государств оказываются растраченными на соперничество. По мнению Гилпина, иерархическая структура международных систем, устанавливаемая посредством войны и выдвигающая ведущую державу, основывается на военной переменной. Однако это не исключает роли экономических переменных, которые являются в равной степени определяющими. Перед державой-гегемоном встает задача обеспечения, в том числе экономического преимущества в организации системы.

Гегемонический порядок формируется, когда производство некоторых государств становится взаимозависимым и приводит к образованию единой (мировой) системы производства. Классы, формирующие «исторический блок» доминирующей страны (то есть конфигурацию социальных сил, на которых основывается государственная власть), находят союзников в аналогичных классах других стран. На основе общих интересов и идеологий строится «транснациональный исторический блок», который интернационализирует государства: то есть аппараты, и политика государств приспосабливаются к мировому порядку в силу связей между их доминирующими классами или же под военным или финансовым давлением одного отдельного государства. Напротив, международный порядок является *негегемоническим*, когда не происходит интернационализации производства и государств, но последние, при помощи политических, экономических и военных средств, имеющихся у них в распоряжении, прилагают все усилия для того, чтобы удовлетворить интересы некоторых своих социальных классов и ответить на нужды внутренней организации производства.

Важность экономических механизмов, обеспечивающих стабильность политической организации международной системы, была подчеркнута также учеными, исследовавшими специфические аспекты мировой экономики. К. Киндлебергер, например, доказал, что стабильность международной системы основывается на стабильности ее экономики, а стабильность мировой капиталистической экономики, в свою очередь, в большой степени зависит от наличия некоторых коллективных благ (то есть благ, используемых и могущих быть используемыми всеми), таких, как сильная и твердая валюта в качестве базы для обменов и ликвидность или масса капиталов в качестве базы для роста. Этим благам угрожает стремление государств действовать подобно рациональным и эгоистичным игрокам и занимать позиции *free-rider* («свободных наездников» или «паразитов»). Поэтому их наличие зависит от существования некоего государства, которое по своим качествам - благодаря

обладанию материальными, экономическими и финансовыми ресурсами, а также волей к лидерству - способно гарантировать системе наличие существенных коллективных благ.

Теория международных социальных правил. Организация международной системы, вытекающая из военно-политического и/или экономического неравенства государств, - это строго иерархическая организация, навязанная самыми сильными государствами и подверженная жестоким трансформациям. В парадигме равенства, напротив, равный суверенитет - это фундаментальный фактор образования *сообщества* государств и выбора форм его политической организации. С этой точки зрения, организация международной системы не является по своей природе навязанной сильнейшими, хотя они играют в ее создании особую роль. Она находится в постоянном и медленном развитии, и возможные бурные трансформации следует считать случайными явлениями. Добровольное решение субъектов, обладающих равным суверенитетом, объединиться, соблюдая при этом правила сосуществования, приводит к образованию *общества*, даже если не все государства обладают общими свойствами или разделяют общие ценности. Если бы так было, мы говорили бы уже о существовании *сообщества*. Там, где нет общих ценностей или свойств и нет признания одних и тех же социальных правил, но, тем не менее, существует группа взаимодействующих и взаимозависимых автономных субъектов, речь идет только о *системе*. В том случае, если такая система располагает организацией, состоящей из правил, которые считаются обязывающими, и достаточно стандартизированных ролей и процессов формирования таких правил, мы имеем дело с политической системой. Отправной точкой теорий международных социальных правил является мысль о том, что ограниченные совокупности государств могут образовывать международные сообщества, однако вся международная система строится в ходе исторического процесса, который собирает вместе государства, не имеющие общих свойств и ценностей, но зато принимающие кодекс правил социальной жизни. Именно на такой

социальной базе выстраиваются международные отношения и международная политическая система.

Плюралистские теории. Суть этого научного подхода сводится к тому, что каждый сектор международных взаимодействий должен быть организован согласно критериям той функции, которую он должен выполнять, и будет налагать обязательства и ограничивать предписаниями интересы отдельных стран. Другими словами, есть определенные виды деятельности, или «функции», традиционно осуществляемые государствами и требующие постоянной международной координации и кооперации, начиная с потребности обеспечить почтовую связь с остальным миром и заканчивая необходимостью гарантировать контроль общественного здоровья. Для выполнения этих требований государства вынуждены частично или полностью передавать определенные функции международным организациям или агентствам, теряя часть своего суверенитета. Они делают это обычно с готовностью, потому, что нет другой альтернативы выполнения данной функции, служащей на пользу обществу. В то же время, государства берут на себя обязательства по отношению к этим организациям и оказываются, таким образом, связанными сетью функциональных отношений, которые могут влиять как на их внутреннюю политику, так и на традиционную независимость их внешней политики.

С появлением процессов индивидуализации, глобализации и взаимопроникновения государство стало представляться теоретикам-плюралистам с одной стороны великим и «далеким» от проблем простых граждан, а с другой стороны маленьким и недостаточно способным противостоять поражающим его глобальным проблемам. Из этого складывается впечатление, что началась реорганизация политических систем, ведущая к перераспределению регулирующей компетенции между властями или правительствами различного географического масштаба. Это перераспределение может совершиться на основе критериев географического

масштаба или масштаба охвата проблем или же на основе других критериев. Между тем компетенции одного уровня управления могут быть эксклюзивными лишь в редких случаях; обычно они конкурируют между собой и терпят ограничения из-за отсутствия консенсуса и духа взаимодействия между субъектами различных уровней. Анализ современной глобальной системы как системы в одно и то же время *государствоцентрической* и *мультицентрической* оказывается, поэтому затрудненным из-за огромнейших трудностей, возникающих при решении задачи формулирования совокупности институтов и правил, которые ее организуют и ей управляют.

Теории международной демократии. Экономическая концепция глобализации оспаривается другой концепцией, которая не отрицает процесс унификации рынков в единый глобальный рынок, но отрицает тот факт, что этот процесс происходит без существенного участия государства и против государства. Сторонники подобной критики предпочитают говорить об *интернационализации* капиталистической экономики. Государство, по их замечанию, - это фундамент так называемой экономической глобализации, благодаря его способности производить правила управления экономикой в ответ на запросы интересов, организованных в большей массе на государственном уровне, и благодаря его политике, которая сознательно и не только поддерживает технологическое производство и прогресс. Наконец, государство, как отмечают сторонники интернационализации, больше любых других субъектов сопротивляется глобализации, потому что представляет собой наиболее эффективную систему, в которой утверждаются коллективные ценности и преследуются социальные и политические цели, особенно если речь идет о национальных государствах с демократическими политическими режимами.

В рамках проблем демократизации международной системы и демократизации глобальной политической системы ученые разрабатывают, по крайней мере, четыре темы: 1) кризис внутренней демократии под

воздействием процесса глобализации; 2) возможные формы демократизации системы государств и глобальной системы в целом; 3) первый демократический опыт учредительной деятельности за рамками национальных государств, ставших колыбелью современной демократии; 4) уменьшение количества международных конфликтов и упрочение мира в ограниченных группах государств за счет упрочения внутренней демократии. Чтобы начать решать проблему демократизации глобальной политической системы, Одни, например, А. Паписка и Р. Фальк, видят возможность демократизации глобальной политической системы в увеличении числа неправительственных деятелей и транснациональных движений; другие, подобно Хэлду, основывают перспективы построения демократии в мировой системе на появлении модели нарастания космополитической демократии, которая объединила бы государственное гражданство и мировое гражданство.

Демократизации международной системы, по мнению Паписка, благоприятствует существование межправительственных организаций глобального радиуса действия, которые, подобно ООН, демонстрируют свою склонность к действиям и методам, принятым неправительственными субъектами и организмами - движителями *общечеловеческих* ценностей и интересов. В самом деле, демократия в управлении мировой системой строится на базе ценностей и интересов, общих для всех человеческих существ, признающих себя и друг друга членами единого цивилизованного коллектива. В наше время эта общность ценностей легко просматривается в документах о правах человека. Демократизация международной системы, таким образом, основывается на реализации условий, которые обеспечивают соблюдение прав человека на всей планете, независимо от того, идет ли речь о фундаментальных, индивидуальных или коллективных правах человека, о гражданских и политических правах, об экономических и социальных правах, культурных правах или правах, касающихся окружающей среды.

Ричард Фальк исходит из констатации того, что мир быстро идет по пути высочайшей экономической, культурной и политической интеграции, которая приводит к появлению условий для геоправления (*geogovernance*), то есть условий, при которых каждый уголок земли подчиняется одной и той же деятельности и одним и тем же актам управления. Таким образом, исчезают условия, при которых государства, или, точнее, некоторые государства, проводили свою собственную *геополитику*, выковывая историю человечества на основе собственных способностей как суверенных территориальных субъектов. Новая форма *геополитики*, основанная на капитале и на соревновании государств, реализуется сегодня экономическими силами глобального рынка, которые, тем не менее, не берут на себя личной ответственности за управление глобальной системой. В то же время государству бросают вызов силы более ограниченного поля действия, которые проводят политику соперничества с ним и сокращают способности государственных правительств, дробя государственные политические пространства.

Некоторые ученые, описывая условия современного мира и ближайшего будущего, применили понятие *нео-средневековости*, но Фальк предпочитает говорить о мире, характеризующемся условиями «негуманного управления» (*inhumane governance*), главным принципом (или недостатком) которого является то, что оно сохраняет аспекты традиционной системы государств, препятствуя или замедляя процессы демократизации системы и образования мира с «гуманным управлением». Предполагается, наконец, что космополитическая демократия могла бы опираться на очень сильную и четкую базу гражданских, политических, экономических и социальных прав, соблюдение которых было бы лакмусовой бумагой самой демократии. Это может произойти, если будут соблюдены два условия: во-первых, если эти права будут присутствовать в конституциях всего мира, то есть как в конституциях государств, так и в конституциях международных институтов;

во-вторых, если юрисдикция в сфере таких прав будет присвоена не только государственным судам, но и международным судам, в которые мог бы обратиться любой человек, желающий подвергнуть суду действия правителей.

Часть 3. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Совокупность исследовательских методов и подходов образует методологию научной дисциплины.

Основательные изменения, которым подверглась система международных отношений и ее составляющие субъекты международных отношений, в свою очередь требуют использования иного методологического инструментария для понимания международных процессов. Например, итальянский исследователь Ф. Аттина отмечает, что определенному переосмыслению было подвержено «юридическое знание, которое, конечно, имеет определенную ценность, как любое предписание, но не дает точных объяснений того, как в действительности могут развиваться события»¹²¹. «Необходимы дополнительные знания, которые позволят снизить порог ошибочности объяснений и прогнозов относительно соблюдения международного права и правил со стороны одного или нескольких субъектов международной политики»¹²². Ф. Аттина считает, что также историческое знание является недостаточным для того, чтобы «снизить порог вероятности

---

¹²¹ Аттина Ф. Глобальная политическая система. Введение в международные отношения: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. С. 21.

¹²² Там же. С.21.

ошибки». «Но можно ли признать правоту тех, кто считает, что корни будущего поведения заложены в прошлом?»¹²³»

Опубликованная в 2001 г. историческим факультетом МГУ коллективная монография «Введение в теорию международных отношений», напротив, настаивает на незыблемости принципа историзма как основополагающей теории и метода научного исследования международных отношений¹²⁴. Авторы ограничиваются однозначным утверждением, что «принцип историзма неизбежно становится фундаментом, на котором должны покоиться все построения теоретиков-международников»¹²⁵. «Только в этом случае они могут претендовать на научность, ибо все попытки вывести закономерности развития любой общественной системы в отрыве от конкретно-исторического времени лишены практического смысла»¹²⁶. «...Принцип историзма – методологический фундамент этой дисциплины»¹²⁷. Авторы отмечают междисциплинарную сущность теории международных отношений, которая активно использует приемы и методы, почерпнутые из исторических, политологических, правовых, философских, экономических исследований, а в последнюю четверть века и методы моделирования, широко применяемые при так называемом «ситуационном анализе» и при изучении конфликтов»¹²⁸. Из предшествующего вывода, очевидно, следует, что авторы привлекают к междисциплинарному анализу только методы, базирующиеся на принципах исторического детерминизма.

В качестве предмета теории международных отношений (ТМО) определяется «вся совокупность отношений, возникающих в ходе многомерных

---

¹²³ Там же. С. 22.

¹²⁴ Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие/Отв. ред. А.С. Маныкин. М.: Изд-во МГУ, 2001.

¹²⁵ Там же. С.7.

¹²⁶ Там же. С.7.

¹²⁷ Там же. С.7.

¹²⁸ Там же. С.7-8.

контактов основных субъектов или, как их иногда называют, «акторов» на международной арене»¹²⁹. По мнению авторов, научные споры в ТМО сконцентрированы вокруг того, какие субъекты международных отношений подводятся под понятие «акторы». Авторы пособия категорично настаивают на том, что «главными действующим лицом и одновременно основным элементом международных отношений является национальное государство (*nation state*)». «Именно оно, а не наднациональные организации или различные союзы, какие-то элиты или что-то иное»¹³⁰. В рамках избранного принципа историзма авторы рассматривают динамику системы международных отношений, эволюцию ее «элементов» и «отношений» во «времени» и «пространстве»¹³¹. Реконструкция модели взаимодействия основных факторов, действующих в сфере международных отношений, осуществлена на примере биполярной системы.

На первый взгляд может показаться, что авторы гипертрофируют значение избранного ими метода научного исследования. В действительности это не так. По-существу, в работе речь идет о выведении некоего, по Максиму Веберу, «идеального типа», т.е. типологизации явления, которое в работе проходит под понятием «системность в международных отношениях». Как любой выведенный исследователями идеальный тип, «система» имеет типологизированные общие признаки и особенности. «Анализ функционирования биполярной системы позволяет предположить, что на ключевых отрезках ее истории всякий раз возникал свой специфический вариант взаимодействия системообразующих и системоразрушающих факторов, детерминируемый соотношением интересов сверхдержав на этом этапе. Иными словами, даже в рамках одной модели системы международных отношений возможно множество комбинаций подобных взаимодействий»¹³².

---

¹²⁹ Там же. С.6.

¹³⁰ Там же. С.6.

¹³¹ Там же. С.8.

¹³² Там же. С.9.

Важный вклад в распространение теории и методологии исследования международных процессов вносит Методологический институт международных отношений (МИМО), которым в последние годы руководит декан МГИМО А.Д. Богатуров. Сегодня МИМО фактически превратился во всероссийский сетевой проект, включающий Научно-образовательный форум по международным отношениям, летние и зимние школы для молодых преподавателей, издание учебно-методических комплексов.

В рамках проекта осуществлено издание книги «Очерки теории и политического анализа международных отношений»», авторами которой являются А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева¹³³. Один из авторов книги М.А. Хрусталева прослеживает процесс возникновения, формирования и «смерти» научных парадигм, их превращение в научные теории, демонстрирует широкий спектр методов исследований и их использование в научной работе. Прежде всего, он выделяет *общенаучные* и *частнонаучные* теории. И если первые выполняют интегративные функции в рамках науки в целом или одной из ее сфер (например, математика или философия), то вторые делают это в определенной предметной области и, как таковые, представляют собой *предметные теории* (например, политические теории).

По его мнению «философия», выполняющая интегративную функцию в сфере гуманитарных наук, обобщает в синкретической форме качественную сторону явлений, что оказывается недостаточным в условиях нарастания предметной дифференциации. Как следствие, произошло выделение отдельных аспектов «качества», исследование которых и стало функцией общенаучных теорий. Появлению каждой общенаучной теории (группы теорий) предшествовало формулирование соответствующей общенаучной парадигмы, то есть концепции исследования некоего общего свойства. Она определяла не только направление научного поиска, но и формировала определенный *стиль*

---

¹³³ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.

научного мышления. Став доминирующим, он оказывал существенное влияние на формирование и развитие *частнонаучных* теорий до тех пор, пока не возникала новая парадигма, которая оттесняла предшествующую на периферию научного поиска. Вместе с тем, эта последняя, хотя и переставала быть доминирующей, оставалась на вооружении науки и продолжала развиваться. Таким образом, обеспечивается многосторонний прирост теоретического знания, которое пополняется и *частнонаучными* теориями, каждая из которых в ходе своего развития также переживает процесс смены специфических (предметных) парадигм. Именно они детерминируют степень включенности общенаучных теорий в предметную область. Зачастую она является чисто формальной, что означает перекодировку, то есть замену одних терминов другими¹³⁴.

По мнению М.А. Хрусталева, начиная с конца XVII века последовательно сменяют друг друга следующие *общенаучные парадигмы*: *механистическая* — *энергетическая* — *информационная* — *организационная*. Обе последние получили четкое оформление в соответствующих общенаучных теориях — кибернетике и общей теории систем. Если организационная лишь вступает в стадию совершенствования, то три другие перешли к ней значительно раньше, что нашло свое выражение в их диверсификации, то есть формирования на основе каждой из них не одной, а нескольких общенаучных теорий. Так, в частности, в зарубежной науке наряду с ортодоксальным марксизмом появились структурный, культурный и гуманистический марксизм, а также так называемая критическая теория. Само собой разумеется, что все эти неомарксистские теории формировались под достаточно сильным влиянием и других парадигм.

Методологическое влияние общенаучных теорий на исследования в предметных областях проявляются в различной степени. Оно может быть

---

¹³⁴ Там же. С.8-9.

сугубо формальным, а, следовательно, минимальным, или, наоборот, значительным. Этот последний вариант реализуется только при наличии достаточно развитой частнонаучной теории. В свою очередь, она появляется тогда, когда накопление научных знаний в данной конкретной области достигает такого рубежа, который позволяет осуществить их теоретическое обобщение, то есть сформулировать целостную частнонаучную теорию. Однако происходит это отнюдь не автоматически.

Если в силу тех или иных причин создать частнонаучную теорию не удастся, то начинается процесс дивергенции, то есть дробление предметной области на сегменты, в каждом из которых начинается формирование своего рода *субтеорий*. Предметная область дробится на слабосвязанные между собой части и, как следствие, теряется общее представление о предмете исследования.

По мнению М.А. Хрусталева, формирование частнонаучных теорий может проходить на двух различных уровнях: внутридисциплинарном и междисциплинарном. В первом случае нет сколько-нибудь серьезных заимствований из других предметных областей и наоборот. Например, политология, как частнонаучная теория, занимает вполне определенное место в системе знаний о политике. В рамках известной трихотомии: всеобщее — особенное — единичное, она представляет «особенное», являясь своего рода мостом между «всеобщим» (политической философией) и «единичным» (политической историей). Превращение политологии в прикладную частнонаучную теорию происходит сложно, в русле той научной революции, которую переживает сейчас обществоведение¹³⁵.

Непрерывное усложнение политических реалий и резкое возрастание цены политической ошибки заставили политических практиков по-новому взглянуть на роль науки. Ставка на эмпирический политический анализ, пусть и проводимый профессионалами, стала все чаще давать серьезные сбои. Теперь в

---

¹³⁵ Там же. С.10-11.

разработке ответственных политических решений зачастую принимает участие значительное число научно-исследовательских учреждений. Научное обоснование подобного рода решений постепенно становится правилом, а не исключением, как это было еще в недавнем прошлом. При этом, естественно, возрастает и значимость нормативного политического анализа. Соответственно, повышаются требования и к политическим наукам в плане строгости и операциональности. Последние достигаются путем *системологизированности* понятийного аппарата. Степень системологизации понятийного аппарата политологии пока еще остается недостаточной, констатирует М.А. Хрусталеv. Отсутствуют строгие дефиниции ряда ключевых понятий и их четкая декомпозиция. Не составляет исключение и такое основополагающее понятие как «политика». Нет особой необходимости доказывать, что без адекватного представления о его содержании трудно говорить о теоретической строгости¹³⁶.

М.А. Хрусталеv считает, что социальный порядок в государственно-организованном обществе и в мировом сообществе имеют общую фундаментальную основу, однако присущая каждому из них специфика и, прежде всего, в субпорядке распределения власти привела к подразделению политологии на две субдисциплины: *теорию международных отношений* и так называемую *сравнительную политологию (теорию внутренней политики)*¹³⁷

Значительная часть опубликованных в 90-е гг. в России учебных пособий и монографий принадлежат к области сравнительной политологии, которая только начала формироваться, как правило, на базе бывших кафедр научного коммунизма.

К числу работ по сравнительной политологии принадлежит одно из первых учебных пособий «Политическая наука», изданное К.С. Гаджиевым в

---

¹³⁶ Там же. С.11-12.

¹³⁷ Там же. С. 26.

1994 г., хрестоматия «Современная сравнительная политология»¹³⁸. Эти и другие работы по сравнительной политологии внесли важный вклад в ознакомление отечественных исследователей с достижениями западных политических наук, в определение предмета науки и разработки научного аппарата, использование способов интерпретации политики. Можно констатировать, что процесс ознакомления российских специалистов с основными достижениями западных политических наук завершился и происходит самоопределение отечественных политологов в области политических наук.

Наибольшие сдвиги в отечественных политических науках произошли в области использования научного понятийного аппарата и внедрения методов политических исследований. М.А. Хрусталеv считает, что под *методом* принято понимать некий *образ действий*, который обладает определенной степенью общности и универсальности. Прежде, чем использовать метод научного исследования, важно определить *объект (предмет)* и *цели* исследования, то есть формулирование его замысла. Это — исходная стадия всякого исследования, за которой следует стадия получения исходной информации, а затем — стадия ее изучения¹³⁹.

Поскольку *получение* и *изучение* являются принципиально различными действиями, соответственно различными являются и методы, используемые при реализации научного акта. Определение объекта (предмета) исследования позволяет начать сбор информации о нем (исходной информации), которая может быть первичной или вторичной. Первая представляет собой совокупность фактов, упорядоченную чисто внешне, пространственно-

---

¹³⁸ Гаджиев К.С. Политическая наука: Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов. М.: Сорос – Междунар. Отношения, 1994; Современная сравнительная политология/ научн. ред. Г.В. Голосов, Л.А. Галкина. М.: Московский общественный научный фонд, 1997; Гобозов И.А. Философия политики. М.: Теис, 1998.

¹³⁹ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. С.26.

хронологически. Ее описание квалифицируется как фактографическое. К категории вторичного относится информация, уже подвергшаяся изучению и, как следствие, обладающая логической упорядоченностью. Она может быть фактологической, аналитической, прогностической и операциональной, то есть содержащей рекомендации практического или научного характера.

Различие первичной и вторичной информации предопределяет подразделение методов получения на первичные (наблюдение и эксперимент) и вторичные (опрос и ознакомление с текстами). Как те, так и другие являются общенаучными, но каждая научная дисциплина «выбирает» для себя наиболее эффективные и тем самым формирует свой *частнонаучный метод*. Если он тождественен одному из общенаучных, то его можно квалифицировать как *унитарный*. В противном случае он является *комбинированным*, где один из общенаучных методов, как правило, играет роль основного, а другие выступают как вспомогательные¹⁴⁰.

Описание определенного способа или приема (методов), включающая процедуру их использования принято называть *методикой*. Научно-исследовательский процесс осуществляется с помощью сочетаний *логики* и *интуиции*. М.А. Хрусталеv выделяет три общенаучных *исследовательских метода*: *логико-интуитивный*, *моделирования* и *исчисления*. Традиционный *логико-интуитивный метод* — преобладание логики при сохранении немалого значения интуиции. *Логико-интуитивный метод* — это непосредственное изучение исследуемого предмета или объекта на основе индивидуальных творческих способностей. Его применение есть сугубо персональное искусство. Создание научных коллективов в этом плане ничего не меняет по существу. Если логику можно понять и повторить, по крайней мере, в принципе, то интуицию — нет.

---

¹⁴⁰ Там же. С.27.

Метод *моделирования* — полное преобладание логики при минимизации значения интуиции. Метод *исчислений* — полное преобладание символической (математической логики) при минимизации других видов логики и интуиции.

Метод *моделирования* предполагает опосредованное изучение исследуемого предмета или объекта с помощью модели — четко фиксированной строгой логической конструкции, выход за пределы которой исключен.

Исследовательский метод «работает» на стадии *изучения*, которая включает три этапа: *отбор*, *обработка* и *осмысление* полученной информации. Под *систематизацией* в данном случае имеется в виду упорядочение исходной информации с целью выделения релевантной, то есть относящейся к исследуемому объекту, и отбраковки нерелевантной. В ходе *фильтрации* релевантная информация подразделяется на необходимую и избыточную. К этой последней относятся повторная фактология, различного рода компиляции и т.п. Избыточная информация исключается из процесса исследования, а верификации подвергается только необходимая. Ее целью является отбраковка ложной и проверка сомнительной информации. При *верификации* преобладает способ *сравнения*¹⁴¹.

Общее число методик обработки информации или информационно-аналитических методик весьма велико, особенно с учетом вариативности некоторых из них. В этом отношении выделяется *контент-анализ*, который имеет не один десяток вариантов.

Все информационно-аналитические методики «распределяются» по *исследовательским методам*, хотя далеко не в равной пропорции. *Агрегативные* логико-лингвистические относятся к *логико-интуитивному методу*, *экстрагативные* математические — к *методу исчислений*. Все

---

¹⁴¹ Там же. С. С.28-29.

остальные принадлежат к *методу моделирования*. Данное «распределение» не следует возводить в абсолют, так как могут применяться разного рода гибридные варианты и комбинации. Применение *логографических*, а тем более, *математических* методик реально значимо только тогда, когда полученные при этом результаты могут быть преобразованы обратно в первичную вербальную форму, то есть интерпретированы.

Понятие *интерпретация* имманентно содержит в себе представление о наличии некоторой неопределенности, обуславливающей многозначность понимания, а, следовательно, вариативность обратного преобразования (вербального описания). Соответственно, сама интерпретация — это выбор одного из вариантов, который на том или ином основании считается наиболее адекватным. Интерпретационный спектр бывает достаточно широким: от полной определенности до широкой многозначности, которая требует глубокого осмысления¹⁴².

Переходя к заключительному, третьему этапу изучения — *осмысления* — следует заметить, что под *осмыслением* принято понимать выявление отображенных в содержании информации сущностных свойств изучаемого объекта или предмета. Их знание обеспечивает формирование адекватного представления о нем, то есть его *понимание*.

В науке *понимание* имеет теоретическую основу, которая и образует определенный *исследовательский подход*. Он включает две составляющие: *общенаучную* и *частнонаучную* (предметную). В зависимости от их соотношения можно выделить два класса *подходов*: *субстанциональные* и *изоморфные*. В первом случае (*субстанциональные*) преобладает частнонаучная теория, а в рамках *изоморфных* подходов имеет место эффект замещения соответствующей предметной теории другой и даже другими, связанными с генезисом данной общенаучной парадигмы. Принцип

---

¹⁴² Там же. С.31.

изоморфизма предполагает возможность замещения одного теоретического знания другим на основе логического подобия закономерностей. Особую роль при этом играет математика, а, следовательно, и *метод исчислений*. В настоящее время прослеживается переход инициативы к *субстанциональным подходам*, прежде всего к системному.

Совокупность исследовательских методов и подходов образует *методологию* соответствующей научной дисциплины. Наличие в ее составе многих разнородных и, в частности, изоморфных исследовательских подходов является несомненным симптомом того, что ее становление еще не завершено. Об этом же свидетельствует и отсутствие доминирующего исследовательского метода, что характерно для современного состояния политологии. Зоной действия методологии является в принципе только стадия осмысления, но иногда под влиянием субъективных предпочтений исследователя она распространяется даже на стадию отбора и, в частности, на фазу фильтрации.

В рамках этапа *осмысления* можно в первом приближении выделить *три фазы*: *индуктивную, дедуктивную и креативную*. В ходе *первой, индуктивной фазы* формулируется исходная *концепция (гипотеза)* с помощью понятийного аппарата определенного исследовательского подхода. Выбор же методологии, а, следовательно, и исследовательского подхода происходит еще до начала исследования и, как правило, предопределяется профильной специализацией исследователя (исследователей). На *следующей, дедуктивной фазе* происходит преобразование исходной концепции в развернутую. При этом проявляется различие между чисто теоретическим (политологическим) и прикладным (политическим) исследованием. В политологическом осуществляется детализация и уточнение исходной концепции, а в политическом еще и операционализация. Необходимость детализации и уточнения вытекает из самой природы исходной концепции, которая всегда слишком лапидарна и в этом плане представляет собой слишком грубый аналитический инструмент. От того, насколько успешными будут детализация, и уточнение непосредственно

зависит эффективность операционализации. В рамках *заключительной, креативной фазы* имеет место «наложение» развернутой концепции на изучаемую информацию. В результате происходит устранение той неопределенности, которая существовала до начала исследования, что и означает появление нового знания.

Выводы

Конечно, применительно к теориям международных отношений можно применить понятие «кризис», но, скорее всего, речь идет о кризисе классических теорий. С усложнением и трансформацией систем международных отношений происходит изменение методологического инструментария познания международных отношений.

Во-первых, оказалось опровергнутым положение классической политической науки, согласно которому борьба военных сил за гегемонию неизбежно приводит к мировой войне¹⁴³.

Отечественные исследователи уходят от анализа феномена поражения одного из участников противоборства в «холодной войне». Если «холодная война» - «война», но иного типа, то необходимо проанализировать феномен «холодной войны». И особенно его последствия под углом эволюции политической системы. Если ни один из участников биполярного противостояния не потерпел поражения, как настаивают на этом многие российские ученые и политики, то тем более важно проанализировать механизмы, повлиявшие столь радикально на эволюцию современной политической системы.

---

¹⁴³ Ibidem.

Во-вторых, *глобализация* опровергла еще одно правило классической политической науки согласно которому, политические системы опираются на суверенные субъекты международных отношений (государства).

В-третьих, события 11 сентября 2001 г. смешали все классические представления об основных игроках (актерах) международных отношений. Происходит глобализация этнических, религиозных, социальных конфликтов. «Антиглобализационные» движения являются недостаточно изученным феноменом, возможно пока еще недостаточно осознанным участниками самих антиглобализационных процессов.

В-четвертых, никто не отменит «росчерком пера» бывших акторов международных процессов (суверенные государства, международные организации, правовые регуляторы, общественные группы, лоббисты экономических, финансовых, криминальных и иных интересов), чей крах или интеграция в новую систему будут оказывать заметное влияние на ее эволюцию.

Современная наука не всегда готова понять и оценить логику поведения известных субъектов в новых условиях, и тем более, находится в затруднении при анализе новых международных явлений. Одним из таких явлений становится глобализация религиозных, этнических, расовых конфликтов.

В-пятых, изменяются основания не только для научной оценки протекающих мировых политических процессов, но и для прогнозирования, программирования и управления этими процессами.

В связи с вышесказанным обратим внимание на замеченную философом М. Мамардашвили особенность человеческой природы: «человек не может жить в непонятном ему мире... Если же он достигает степени самоуважения

посредством упрощенных схем, то он скорее убьет того, кто попытается разрушить эти схемы, чем расстанется с ними»¹⁴⁴.

Как видим, «понятный» - не означает рационально осмысленный. Это может быть мир грез, мифов, искаженного представления об окружающей действительности. Для нас является очевидным, что *глобализация*, как радикальное изменение понятного нам мироустройства, станет генератором новых норм человеческого общежития и провокатором нового типа конфликтов.

---

¹⁴⁴

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – С.163, 168

ГЛАВА 2. К НОВОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Часть 1. Глобальное управление и институты

На протяжении всей истории человечества власть и управление были и остаются важнейшими регуляторами общественных отношений. Они существуют в любом типе социальных связей, создавая соответствующие возможности для распределения (перераспределения) ресурсов, регулирования форм поведения, изменения характера деятельности норм и институтов. В полной мере их качества распространяются и на трансграничное, мировое пространство.

Глобальное управление стало одной из приоритетных тем для научного анализа, вошло и в университетские учебники по мировой политике¹⁴⁵.

Из ряда проблем, затрудняющих изучение глобального управления, две стоит выделить особо. **Первая** - это расплывчатость грани между международным сотрудничеством суверенных государств и самостоятельной, уже наднациональной ролью международных организаций. Трансформация ЕС, тенденции развития ООН подтверждают, что уловить момент, начиная с которого следует вести речь о глобальном (или региональном) управлении в чистом виде, очень и очень трудно.

Другая проблема - это призрак «теории заговоров», который всегда присутствует при анализе такой темы, как глобальное управление. Соблазн

---

¹⁴⁵ Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект-пресс, 2003; Глобальное управление. Учебное пособие/ Под ред. А.И. Соловьева. М.: ИНФРА-М, 2007; Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. М.: МГИМО-Университет, 2006.

списать все трудности современной жизни на деятельность «мировой закулисы» в самых различных ее формах (будь то масонство, Трехсторонняя комиссия, Сионская община, «новые правые» или сеть спецслужб) является достаточно сильным, а это создает опасность изначально привнести в исследование большую долю идеологизированности¹⁴⁶.

Исторически термин «глобальное управление» (*global governance*) вошел в научный лексикон как некий более поздний аналог понятий «исторические изменения» (*historical change*) и «направляемые изменения» (*guided change*). В этом смысле «глобальное управление» противопоставляется революционным и национально-агрессивным способам программирования мировых процессов и интерпретирует «глобальное управление» как процесс поддержания определенных норм и принципов международного сотрудничества при помощи соответствующих институтов, способ удержания мирополитических связей, мирового порядка от крупных конфликтов и дестабилизирующих событий. Не случайно параллельно с этим понятием в науке широко используются и термины «международное» и «мировое управление»¹⁴⁷.

В современной литературе часто встречается замещение понятием «глобальное управление» другого привычного понятия «международные отношения». Сторонники такой точки зрения считают, что в рамках «международных отношений» мировое сообщество рассматривалось как совокупность государств, и только государств, а фактически — их правительств.

По мнению О. Барабанова дискуссии о глобальном управлении и его роли в современной мировой политике особенно развернулись в международном

---

¹⁴⁶ Барабанов О. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 37.

¹⁴⁷ Глобальное управление. Учебное пособие/ Под ред. А.И. Соловьева. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 10-11.

научном сообществе с конца 1990-х гг. и пришлось на период расцвета клинтоновского интернационализма и глобализма¹⁴⁸.

В то время говорилось о вытеснении моральными императивами «устаревших» и «недостаточных» норм Устава ООН, о праве мирового сообщества на вмешательство в дела государств, выдвигались идеи формирования глобального коммунитарного права - так называемого «конституционного права народов» (*jus gentium constitutional*). Иными словами, навязывалась мысль о том, что Вестфальская модель мира, основанная на принципах государственного суверенитета и международного права, постепенно должна смениться системой глобального «управления без правительства», основанной на понимании сообщества демократических государств как «широкого униполя» мирового сообщества в целом, о необходимости расширения такого сообщества до демократического мира в целом и о том, что его консенсус должен стать критерием для принятия решений, ограничивающих или нарушающих суверенитет отдельных государств.

Александр Кустарев, например, полагает, что появление понятия «глобальное руководство» представляет собой уступку конспирологам и утопистам. Те, кто пользуется этим понятием, в сущности, признают, что мир действительно «управляется», как настаивают конспирологи, и (или) должен управляться, как считают утописты. Каким бы образом ни принимались решения, релевантные для всего мира, они должны быть кем-то приняты¹⁴⁹. Автор считает, что для институтов управления вместо возможного *management* (техника-искусство управления) выбирается слово *governance*. Еще сравнительно недавно *government* и *governance* в английском были

---

¹⁴⁸ Барабанов О. Глобальное управление как тема для научного анализа// Антиглобализм и глобальное управление. Доклады, дискуссии, справочные материалы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2006.

¹⁴⁹ Кустарев А. Кем и как управляется мир// Pro et Contra. 2007. N 6. См. http://www.polit.ru/research/2008/03/03/governance.html#_edn2

синонимами. И оба — в разных контекстах — обозначали и агентуру, и то, чем она занимается. Но даже в то время слово «правительство» чаще обозначало институт, а «управление» («руководство») — его функцию. Постепенно, однако, под влиянием меняющейся эмпирии и меняющихся представлений о ней значения этих слов все больше расходились, и складывался дискурс, где «управление» означает функцию не правительства, а общества. Дискурс «глобальное управление» пытается вообще уклониться от вопроса, «кто управляет миром», и конструируется исключительно в виде обсуждения вопроса о том, «как мир управляется». Отсюда популярное (начиная с 1992 года) выражение *governing without government* — правление без правительства¹⁵⁰.

Этот режим управления чаще всего изображается как сеть агентур, находящихся друг с другом одновременно в отношениях конкуренции, сотрудничества, переговоров и торгов, кругового умственно-культурного влияния. В итоге такого сложного и непрерывного взаимодействия появляются корпус международного права, режимы действия и взаимодействия, кодексы поведения и нормы (писанные и неписанные), общие цели и распределение ресурсов для их достижения — иными словами, вырабатываются, так сказать, единая воля глобальной общности и механизм ее воспроизводства.

Идея всемирного правительства зародилась тогда, когда других слов в обиходе у политологов не было. Теперь же появилось слово *governance*, а государственные общности, только еще возникавшие в XIX веке, сильно трансформировались, поэтому есть основания и к ним применить дискурс «управление». Если сто лет назад мы говорили «мировое правительство» и «национальное правительство», то теперь мы говорим «глобальное управление» и «национальное управление». Понятие «управление» все чаще используется и применительно к государственным общностям. Тенденция к

---

¹⁵⁰ Там же.

изоморфии все-таки есть. Конвергенция суверенного государства и всемирной общности идет с обеих сторон. Государство размывается, всемирное общество консолидируется с одновременным оформлением руководящего центра этой консолидации. В Европейском союзе как надгосударственном объединении субглобального уровня эта тенденция очень заметна, что и провоцирует суверентистские оппозиции в каждой из стран ЕС¹⁵¹.

Сетевой модус принятия ответственных решений отличается от модуса руководства национал-государством. Дискурс «правительство» и дискурс «управление/руководство» разводятся.

К настоящему времени в мировой политической мысли сформировалось несколько основных концепций относительно возможной организации глобального регулирования. Все они предполагают либо создание новых институтов, призванных наиболее адекватно соответствовать новым глобальным процессам, либо эволюцию и трансформацию функций уже существующих международных организаций. В качестве примера можно привести типологию этих концепций из доклада по глобальному регулированию, подготовленного Советом по внешней и оборонной политике (СВОП) в 2001 г., которая включает следующие проекты.

- «Мировое правительство». Наиболее старая футурологическая идея (исследованная в т.ч. Кантом), различным аспектам которой посвящено немало работ. Фактически, концепция «мирового правительства» представляет собой увеличенную модель национального государства, руководство которого решает текущие внутривнутриполитические вопросы уже не на национальном, а на глобальном уровне.
- «Трансформация существующей системы ООН». Первый вариант - постепенное повышение уровня легитимности Совета Безопасности ООН

---

¹⁵¹ Кустарев А. Кем и как управляется мир.

и уровня его эффективности. Другой вариант - более радикальный. В нем выделяют две составные части: превращение существующего Совета Безопасности ООН в своего рода квази-правительство, а Генеральной Ассамблеи ООН - в квази-парламент. Эта форма глобального управления находит больше сторонников, чем идея «мирового правительства» в чистом виде. Однако и ее отличает узко-этатистский подход, который сводит все глобальное сообщество к жестким рамкам государства.

- «Политическое управление глобальным развитием». Согласно этой концепции ведущие политические акторы в мире будут «подталкивать» глобализацию в нужное русло и решать возникающие глобальные проблемы узким кругом *акторов*. Ими могут быть, при различных раскладах, либо доминирующая в мире супердержава, либо конгломерат великих держав (институционально оформленный в рамках группы G-8 или же иной структуры).
- «Корпоративное глобальное управление». В этом случае к коллективным усилиям государств по решению глобальных проблем и планированию глобального развития присоединятся наиболее значимые частные акторы (крупнейшие транснациональные корпорации, международные неправительственные организации и др.).

Вышеизложенную типологию О. Барабанов предлагает дополнить еще одним видом глобального регулирования - глобальным сотрудничеством. В рамках решения глобальных проблем будут приниматься решения не путем навязанных отдельными акторами подходов, а через конструктивное и воплощаемый в жизнь диалог всех заинтересованных акторов. Такая форма предполагает формирование более инклюзивной системы глобального регулирования, свою сопричастность которой смогли бы ощущать как можно больше государств и иных акторов.

Элементы глобального управления стали проявляться, прежде всего, применительно к глобальным проблемам. Проблема бедности развивающихся стран и более широкий вопрос отношений между «Севером» и «Югом» стали одной из самых важных из них. Решением этой проблемы, начиная с 1970-х гг., занимались бреттон-вудские международные финансовые институты, которые предлагали свои рецепты по оздоровлению экономической и социальной жизни беднейших стран, причем предполагалось, что развитые страны в своей политике по отношению к «третьему миру» будут придерживаться этих рецептов, выработанных на наднациональном уровне. В частности, Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ) принимали усилия по реструктуризации и списанию государственных долгов беднейших стран. Всемирный банк в начале 1970-х гг. провозгласил стратегию «перераспределения за счет роста», предусматривавшую переток капиталов от богатых стран к бедным, осуществляемый в глобальном масштабе и под наднациональным (глобальным) регулированием. Однако реальная эффективность этих усилий по глобальному регулированию бедности была не слишком большой, возможно, в силу слишком узкого акцента на исключительно финансовых аспектах данной глобальной проблемы.

Следует отметить, что с очень большой долей условности вышеизложенные подходы к глобальному управлению могут быть сопоставлены с традиционной для большинства развитых стран противопоставлением между либеральной и социально-ориентированной политикой. На этом основании можно поставить и достаточно важный футурологический вопрос. Общественно-политическое устройство большинства развитых стран сегодня основано на механизме периодической смены консервативных и социально-ориентированных правительств. Какой курс будет в глобальном управлении?

Романтической версией будущего объединения человечества выступает идея глобального сотрудничества, предполагающая, что решение совместных

(глобальных) проблем будет достигаться не путем навязывания воли сильнейшего (сильнейших) в мировом сообществе, а через диалог всех участников международных отношений.

Достаточно распространенной является также модель «отгораживания» передовой части мира от «падающих» (*failing states*), «несостоявшихся» (*failed states*) и «государств-изгоев» (*rogue states*), т.е. «передового центра» от «мировой периферии». По мнению сторонников таких идей, это должно, с одной стороны, уберечь «лучшую часть человечества» от приносимых странами «третьего» и «четвертого мира» социальных болезней, экологических, демографических, неантропогенных и прочих — угроз; а с другой — качественно повысить уровень регулирования и управления в «лучшей» части мира.

Как логическое продолжение этих идей сложилась концепция *бесполярного* мира, предполагающая не только отсутствие некоего упорядочивающего центра на планете, но и неуклонное нарастание хаоса, как в мировых отношениях, так и нарастание антропогенных катастроф, угрожающих разрушить всю человеческую цивилизацию.

Многие ученые отождествляют понятия «глобальная власть» и «глобальное управление». Другие исследователи настаивают на применении понятия «глобальное регулирование»¹⁵².

Каждый раз, так или иначе складывающийся в той или иной точке трансграничного пространства характер мировых связей и отношений создает различные возможности для сознательного вмешательства человека.

Современное *трансграничное пространство* задает свои коридоры возможностей для регулирования разнообразных (во многом хаотичных по своей природе) процессов и социальных структур, а равно и формирования для

---

¹⁵² Там же. С.15.

этого разнообразных центров силы, концентрации ресурсов, доминирования, принуждения. Причем на трансграничном пространстве всегда существуют государства (их союзы или альянсы) и корпорации, которые стремятся к регулированию процессов на основании завоевания доминирующих позиций, и те акторы мирового пространства, для которых пределом мечтаний является выживание, адаптация к складывающейся ситуации.

Будучи формами сознательного регулирования мировых порядков, власть и управление испытывают на себе противоречивость существующего разрыва между естественным ходом эволюции трансграничных процессов и сознательными попытками международных акторов выстроить при помощи этих инструментов тот или иной порядок взаимодействия стран, регионов и иных агентов мировой политики. Например, мобилизация, представляя собой форму достижения нового уровня и взаимосвязанности человечества и одновременно фактором дифференциации мирового сообщества, предполагает использование власти и управления, как для усиления конвергенции мирового сообщества, так и дивергенции трансграничных коммуникаций. Поэтому в одной точке мирового пространства эти инструменты сознательного регулирования используются в целях укрепления суверенитета каких-то государств и объединений, а в других — для усиления позиций наднациональных структур и разрушения суверенитета отдельных политических сообществ.

Такая противоречивость в использовании власти и управления подкрепляется действием в мировом пространстве трех групп властных институтов (национальных государств, международных организаций и транснациональных корпораций — ТНК), взаимоотношения между которыми «не имеют системного характера и не образуют единой глобальной структуры»¹⁵³

---

¹⁵³ Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005. С. 226.

Практический опыт показывает, что одни и те же события (например, открытость мировой торговли, нарастание демократизации или авторитарные практики и пр.) одни акторы воспринимают как угрозы, другие как перспективы для собственного развития. Неоднозначные ориентиры и интересы, разные темпы включения этих акторов в глобальный миропорядок, множественность обменов (деятельностью, информацией), подвижность союзов постоянно перестраивают соотношение сил в мировой политике, предполагая, таким образом, применение различных способов урегулирования конфликтов, применения властных, управленческих или иных механизмов.

Власть и управление предстают в качестве особых методов воздействия трансграничных акторов на политическую ситуацию в собственных (или общеколлективных) интересах. Логическая реконструкция взаимодействия естественных и сознательных процессов позволяет выстроить определенную (в какой-то мере иерархическую) цепочку разнообразных форм таких целенаправленных действий. Таким образом, формы и способы воздействия человека на окружающую среду и на его собственные отношения проявляются продифференцировано. А.И. Соловьев относит к ним *влияние*, предполагающее спорадические или постоянные попытки целенаправленной корректировки отдельных параметров объекта; *упорядочивание*, форму частичной трансформации параметров объекта на основании устойчивых — двусторонних или многосторонних — связей, сотрудничества акторов; *контроль*, предполагающий использование сил и ресурсов одного или нескольких акторов для предупреждения обвального течения локальных или более масштабных процессов; *регулирование*, представляющее собой форму упорядочивания связей и отношений на основе подчинения объекта или его отдельных параметров определенным правилам или нормам; *управление*, способ приведения практических состояний объекта с идеально сформулированными в отношении него целями; *власть*, способ реализации преобразовательных планов на основании доминирования субъекта над объектом.

В данном случае власть и управление выступают в качестве *различных форматов* сознательного вмешательства человека в трансграничные процессы, коммуникации национальных государств, деятельность ТНК и другие формы общения на мировой арене. Необходимо учитывать, что крупные государства и блоки государств, реализуя свои стратегии, не просто влияют на трансграничные порядки, но и институализируют и формализуют различные секторы мирового пространства, создавая там соответствующие центры влияния (доминирования). Причем речь идет как о различных формах географического (пространственного, регионального) взаимодействия, так и о различных сферах жизни (например, мировой финансово-экономической системе, транснациональной юстиции, сфере безопасности и др.).

Неравномерность институционализации трансграничного пространства ведет к тому, что в каждом отдельном случае власть и управление проявляют себя по-разному в управляемых областях – безопасности, экологии, финансах, перераспределении ресурсов и статусов и т.д.

А.И. Соловьев утверждает, что наличие *власти* предполагает *доминирование относительно единого центра*, обладающего однозначными ресурсными преимуществами¹⁵⁴. В более развитом виде она может достраиваться системами этического регулирования (кодексами совместного поведения, этикой трансграничного общения), но в основе своей всегда должна содержать преимущество ресурсов у того или иного агента, его доминирование над другими. «Иными словами, власть — это всегда проявление централизации, показатель некой статусной униполярности, наличия возможностей и способностей актора к сило-волевому принуждению. Власть — это всегда конфликт центра с периферией. Так что и в мировом пространстве логика построения системы власти идет через тенденцию формирования единого центра принуждения. Потому-то для власти типичным стилем

---

¹⁵⁴ Глобальное управление. С. 18.

самоосуществления выступает авторитарность, стремление к монополизации положения соответствующего актора (поэтому только относительно равное перераспределение ресурсов и взаимопогашение претензий на монопольное положение в мире может способствовать демократизации мирового сообщества)»¹⁵⁵.

По своему регулятивному содержанию *власть* в мировом пространстве, - продолжает А.И. Соловьев, — это, прежде всего способ экономического и политического доминирования тех или иных акторов на основе ресурсного (военного, финансового, информационного и пр.) превосходства. Ибо никакие даже формально признаваемые статусы не могут породить властной формы воздействия на суверенные государства или же экономически оснащенные ТНК. «Следовательно, власть — это особая форма организации трансграничных контактов, которая создает наиболее общую матрицу перераспределения ресурсов на основании доминирующего положения того или иного социального актора и его сознательных действий по укреплению и использованию своего положения для реализации интересов»¹⁵⁶.

Учитывая наличие высокого уровня хаотизации мировых порядков, существования там *множества центров легитимации*, а также общую несбалансированность и иные проявления мультилогики в мировой политической коммуникации, можно утверждать, что даже при безусловных претензиях на доминирование у различных государств или групповых объединений, в целом в мире *никогда не сможет сложиться единый* (ресурсно-принудительный) *центр политической власти*, способный задавать мировым связям и отношениям устойчивую и единую направленность развития.

---

¹⁵⁵ Глобальное управление. С. 18.

¹⁵⁶ Там же. С. 19.

В современном мире различные государства, ТНК или альянсы обладают властными преимуществами только в *определенных полях и зонах мира*. На самом деле никакой *монополии* тех или иных структур, государств, международных организаций или иных образований в мировом пространстве никогда не было, нет и быть не может. Власть в трансграничном пространстве может существовать только в *распыленной* по различным территориальным (или предметным) *сегментам* форме. «Мировая власть — это совокупность доминирующего влияния самых различных центров, структур, образований в тех или иных трансграничных (территориальных, экономических, финансовых, этических и др.) областях и зонах»¹⁵⁷. По мере нарастающего вовлечения различных агентов в мировые порядки идет дальнейшее нарастание предпосылок для диверсификации властного пространства.

По мнению А.И. Соловьева, сегодня даже США — это не столько господствующая в мире сверхдержава, сколько влиятельный модератор формирования трансграничных процессов. Таким образом, власть в трансграничном пространстве *всегда дифференцирована* и находится в сегментированном (по финансовым, экономическим, географическим и иным основаниям) положении, покоясь на различных морально-этических и идеологических принципах. То есть, будучи основанной на вертикальных механизмах регулирования, построенных по принципу давления «сверху-вниз», и потому неразрывно связанной с применением принудительных средств, власть способна в принудительном порядке решать те или иные конфликты и проблемы в той или иной части социального пространства¹⁵⁸.

Зачастую нормы международного права крупными, т. е. ресурсно оснащенными, державами игнорируются. Более того власть стремится достичь

---

¹⁵⁷ Там же. С. 20.

¹⁵⁸ Там же. С. 20.

определенного уровня легализации своих наднациональных полномочий со стороны суверенных государств, что не так легко сделать.

Формы этической власти (морального превосходства), которые напрямую зависят от цивилизационных, религиозных и иных укорененных в народных традициях представлениях, в еще меньшей степени коррелируют с государственными границами или другими структурными идентичностями и потому значительно более подвижны и относительны. Так что матрицы трансграничной, глобальной власти, в отличие от власти в национальном государстве, существуют как предельно гибкие, предусматривающие возможность многократного и одновременного изменения архитектуры отношений формы доминирования.

Однако даже в зонах доминирования создание управленческих центров испытывает определенные трудности. С одной стороны, управлять — в том числе и в мировом масштабе — можно только на основании завоеванной власти, т. е. в рамках обретенных актором полномочий и ответственности, закрепляющей чье-то доминирующее положение, сложившуюся асимметрию финансовых, силовых и прочих статусов и ресурсов. Другими словами, без тех или иных форм доминирования, обретения ресурсных, институциональных или иных преимуществ перед контрагентом ни она структура не способна управлять, сознательно конструировать действительность в соответствии со своими планами и целями.

По этому поводу О. Барабанов утверждает, что глобальное управление вырастает из реально складывающихся альянсов и союзов крупнейших держав (сил), контролирующих ситуацию в той или иной части пространства или системе отношений¹⁵⁹. Поэтому в случае дефицита властных оснований управление утрачивает свою системную форму и ограничивается

---

¹⁵⁹ Барабанов О. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 37.

спорадическими практиками, не имеющими ни масштабного, ни репродуктивного характера. Отсутствие институциональной формы власти может провоцировать не столько смену управленческих целей, сколько переключение приоритетов акторов на укрепление собственной власти. И тогда управление как особый способ регулирования мировых процессов вообще выпадает из арсенала поведения государства, ТНК или их альянсов.

С другой стороны, кроме наличия властной основы, т. е. должной концентрации сил и ресурсов, управление предполагает *обязательную институализацию многовекторного сотрудничества*, придание ему упорядоченности, направленности и неременной легализации.

Управление как форма принятия обязывающих решений действует не в сфере принуждения, а в области *мотивации*, предполагая, в частности, взаимодействие контрагентов, обладающих не только ресурсами, но и правом на уклонение от предлагаемой деятельности, а также на публичный контроль. Иными словами, управлять можно только в тех зонах, где достигнута определенная сбалансированность отношений, легализация центров регулирования или же институализирована определенная форма суверенитета. Применительно же к трансграничной форме последнего это означает сознательное принятие государствами и корпорациями обязательств, ограничивающих их прерогативы и полномочия. Поэтому о «глобальном управлении как о реальной форме осуществления власти можно будет говорить по большому счету только тогда, когда исполнение... функций (налогообложения, бюджетирования, легализации силовых структур) будет передано с государственного на наднациональный глобальный уровень»¹⁶⁰.

А.И. Соловьев считает, что управлять процессами, в основании которых лежат мощные стимулы жизненного переустройства различных акторов, обладающих собственными ресурсами, или же потенции национальных

---

¹⁶⁰ Там же. С. 39,42.

законодательств, традиции и обычаи и т.д., на сегодняшний день, по сути, невозможно. Применение к тем или иным мировым процессам и связанным с ними конфликтам в той или иной зоне доминирования характерных для управления форм стимулирования, контроля, арбитража или судебного разбирательства затруднительно. То есть отдельные проблемы можно решить управленческими методами, например, обеспечить депортацию отдельных лиц, но такими мерами невозможно предотвратить массовые потоки миграции. Он считает, что положительный опыт формирования в Европейском Союзе системы управления на правовой базе единого мегагосударства как раз доказывает ограниченность такой формы регулирования и преждевременность ее распространения на другие регионы мировых отношений¹⁶¹.

Глобальное управление — это масштабный социальный механизм, необходимость которого, прежде всего, обусловлена глобализацией. Глобальная безопасность, глобализация политики, глобализация торговли, глобализация бизнеса, финансовая глобализация, культурная глобализация, глобализация окружающей среды, глобализация миграционных потоков и т.д. — все эти естественные процессы имеют как позитивные тенденции, которые свидетельствуют о расширении, углублении и ускорении мирового сотрудничества, так и негативные, которые, если ими не управлять, могут привести к всеобъемлющему кризису современной цивилизации.

Такие проблемы планетарного масштаба, как массовая бедность в развивающихся странах, деградация окружающей среды, организованное насилие и вооруженные конфликты, потоки беженцев, несут с собой серьезные трансграничные угрозы. И хотя процессы глобализации нельзя ни задержать, ни предотвратить, все же следует помнить, что это не автоматический или самовоспроизводящийся процесс. В связи с этим особую значимость приобретает политическое регулирование современной глобализацией,

---

¹⁶¹ Глобальное управление. С.22-23.

институционализация этого регулирования на разных уровнях. Глобализация провоцирует потребность в общеобязательных международных регламентациях, международных конвенциях и институтах для трансакций, перешагивающих границы.

Таким образом, глобальное управление может стать той формой социального регулирования, которая способна обеспечить относительно справедливое распределение благ в современном, все более глобализирующемся мире.

Глобальное управление - это не только деятельность официальных институтов и организаций (государственных институтов, структур межправительственного сотрудничества и др.), усилиями которых создаются и поддерживаются правила и нормы, регулирующие мировой порядок, но также и деятельность тех организаций и групп влияния (от многонациональных корпораций, транснациональных социальных движений до отдельных неправительственных организаций), преследующие цели и задачи, заданные транснациональными властными и правящими институтами. В последние десятилетия институциональная структура глобального управления выросла количественно и качественно.

Вместе с тем, теоретически невозможно доказать, что «глобальная власть» должна или, наоборот, не должна быть централизована. Нормативная же политическая теория может настаивать на преимуществах того или иного варианта в зависимости от своей философско-политической ориентации. На самом же деле в глобальном руководстве различимы элементы разных форм организованности. Во-первых, отделены друг от друга три сферы всемирной жизни: 1) безопасность; 2) хозяйство; 3) культура. В каждой из них складывается имманентный их фактуре, в разной мере и в разном стиле институционализированный механизм упорядочения-самоупорядочения. Они относительно автономны. Вполне понятно поэтому, что существует проект (предложенный *Commission on Global Governance*) создать наряду с Советом

Безопасности ООН, например, параллельный совет по экономическим вопросам — *Economic Security Council*¹⁶².

Во-вторых, консолидация мирового сообщества разворачивается одновременно в нескольких версиях, в результате чего переплетается целый ряд разных «мировых порядков». Мир организуется (самоорганизуется, если угодно) как империя; силовой баланс; федерация и республика. У каждого из этих модусов своя главная агентура. Любая великая держава (сверхдержава), а точнее, ее государственная организация есть агентура *имперского* порядка. Целевые и специализированные организации глобального охвата, такие, как Межгосударственные организации (МГО) и Негосударственные организации) НГО, — агентура *республиканского* и *федералистского* порядка. Между силовым балансом и федерацией, а также между федерацией и республикой (гомогенным национал-государством) существует широкая переходная зона. Поэтому один и тот же класс институтов может оказаться агентурой и того и другого в обоих случаях. Например, Евросоюз на сегодняшний день демонстрирует эту неопределенность наиболее наглядно. Это два крайних варианта. А вот межгосударственные саммиты в зависимости от их состава и степени консолидации могут оказаться агентурами трех порядков: имперского, федералистского и порядка силового баланса¹⁶³.

Сначала обратимся к концепции имперского порядка. С одной стороны, прежняя «интегральная» концепция суверенитета постепенно начинает уступать место принципу «ограниченного» суверенитета, основанному на делегировании ряда полномочий и функций наднациональным органам (например, взаимоотношения в рамках Европейского союза). С другой стороны, Организация Объединенных Наций, оставаясь самым авторитетным и представительным международным институтом, испытывает серьезное влияние

---

¹⁶² The UN in the 21st Century / K. Mingst, M. Karns (eds). Boulder, CO: Westview Press, 2007. P. 269.

¹⁶³ Кустарев А. Кем и как управляется мир.

со стороны падающих и несостоявшихся государств, которые составляют большинство ее членов. Таким образом, реформирование вестфальской системы в XXI веке практически неизбежно.

Этому процессу будут способствовать как добровольный отказ от суверенитета в части развитого мира, так и неготовность последнего признать суверенитет падающих или несостоявшихся государств, а также необходимость обеспечивать минимальные условия жизни людей на этих территориях, предотвращать распространение многих глобальных бед, в том числе терроризма¹⁶⁴.

Вместе с тем, по мнению А.Д. Богатурова, «реальная глобализация оказалась «злей», многократно сложнее и непредсказуемой. Во-первых, «устаревание суверенитета», в том упрощенном виде, каким оно рисовалось либеральным авторам, оказалось локальным явлением. Фактически этот тезис оказался работающим главным образом применительно к странам Евросоюза, сознательно вступившим на путь самоограничения своей самостоятельности, а также наиболее слабым, как правило, небольшим государствам из породы «несостоявшихся» и «распадающихся». Во-вторых, глобализация на деле оказалась комплексным и крайне противоречивым процессом, способным создавать серьезные угрозы как раз для тех стран, которые изначально наиболее радостно ее приветствовали. Всемирный сетевой терроризм, «избравший» себе в качестве главного врага Соединенные Штаты, – «родное дитя» глобализации. Он не мог возникнуть и проявить свою эффективность с такой силой вне современного контекста всемирных экономико-финансовых, политико-идеологических и информационно-технических процессов. В-третьих, глобализация, возбудив в мире невиданные перетоки людских миграций, затронула этно-социальную структуру абсолютно всех стран мира, но наиболее непредвиденным образом последствия этого процесса обнаружили

---

¹⁶⁴ Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века//Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 10.

себя как раз в той группе государств, которые рассчитывали поставить глобализацию себе на службу. После многих веков торжества в Европе национальных государств на смену им стало приходиться не однородное наднациональное и надэтническое системное единство европейцев в рамках ЕС, а сложный и внутренне крайне разнородный и несплоченный европо-азиатский многоэтнический конгломерат. Несомненно, что «Европа наций», сложившаяся в XIX веке и существовавшая в XX, закончилась. Но то, что складывается на ее месте, походит не на европейскую супернацию, а на совокупность «вертикальных империй» – Французской, Германской, Голландской, Британской, Бельгийской и несколько совсем маленьких скандинаво-балтийских конгломератов, политически и географически соединенных вокруг какого-то одного или двух численно доминирующих этносов.

Сегодня жизнь заставляет видеть в империях не столько символы угнетения, сколько определенный тип политической организации многоэтнических пространств. Причем сегодняшний «возврат к империям» – никак нельзя объяснить, просто злыми умыслами элит и правительств. Возникновение вертикальных неоимперий – органичный продукт глобализации и, по-видимому, неотъемлемая черта современного этапа трансформации мира, надо научиться жить в условиях современной сложной многоэтничности – в том числе честно, но трезво и без истории переосмысливая все плохое и ценное, что было и есть в опыте империй «старых»¹⁶⁵.

А вот есть ли будущее у *всемирной федерации*? Генеральная Ассамблея ООН больше, чем какая-либо другая организация, согласуется с идеей всемирной *федерации*, вырастающей из Вестфальской системы. Начиная с Вудро Вильсона многим американцам свойственно представление о Соединенных Штатах как о зародыше всемирной федерации¹⁶⁶. Сегодня ООН

---

¹⁶⁵ Богатуров А.Д. Мир вертикальных империй. Демократические страны недооценили коварство глобализации//http://www.ng.ru/politics/2006-04-25/2_kartblansh.html

¹⁶⁶ Пол Кеннеди назвал одну из своих книг об ООН как «Парламент человечества». См.: Kennedy P. The Parliament of Man: The UN and the Quest for World Government. L.: Allen Lane, 2006.

представляется естественным наследником полномочий, от которых государства были бы готовы отказаться на основе принципа субсидиарности (все вместе). В какой-то мере можно говорить о том, что сегодня каждое государство манипулирует своим суверенитетом, «торгуя» им¹⁶⁷.

Если выращивать из этого зародыша нечто с признаками операциональности, то следует, либо трактовать его как одну из двух палат федерации, либо реформировать избирательные округа (*constituency*), либо попытаться нащупать особую схему всемирного парламентаризма¹⁶⁸.

Создание еще одной палаты, избираемой не от стран, а от населения в масштабах всего мира, на сегодняшний день кажется попросту неуместным, даже если современная технология делает это физически возможным. Партийно-конкурентная избирательно-представительная демократия требует приверженности всего электората некоторому минимуму культурных норм. Даже не все так называемые «национал-государства» могут сегодня это обеспечить. Можно размышлять о возможности однопалатного парламента федерации, что само по себе проблематично, но в любом случае ясно, что никоим образом не может быть сохранен принцип «одна страна — один голос», поскольку он противоречит простому здравому смыслу из-за несопоставимости существующих ныне государств по их весу и способности нести ответственность за принимаемые решения. Жизнеспособность такого всемирного парламента будет нарастать, если существующие ныне государства будут распадаться, ликвидироваться, сливаться и образуют, в конце концов, более однородную совокупность. Или сеть существующих ныне государств будет преобразована в сеть избирательных округов. Эту историческую перспективу исключить нельзя, но и обсуждать всерьез еще рано.

---

¹⁶⁷ Кустарев А. Государственный суверенитет в условиях глобализации// Pro et Contra. 2006. N.10. № 4. С.50-61.

¹⁶⁸ Проект всемирного парламента на базе ООН разрабатывает, например, *Committee for Democratic UN*. См.: <http://www.uno-komitee.de/en/>

Проекты превращения ООН в парламентскую структуру разрабатывает, и поддерживают фонды Карнеги, Форда, Макартуров, а также десятки политических фигур международного масштаба в рамках самой ООН.

Некоторые из них, возникнув в рамках разных структур либо в результате частных инициатив, кристаллизуются затем в подобию экспертно-бюрократических организаций. Другие же становятся больше похожи на оппозиционные общественные движения, но в принципе разница между распоряжением и влиянием, как уже было замечено, в такой «клубковой», а не «ячеистой» (горизонтальной) или «эшелонированной» (вертикальной) структуре стирается. Глобальное управление, представляющее собой именно такую «клубковую» структуру кругового влияния и балансирования, рассматривается и предпочитается энтузиастами как новая разновидность демократии — делиберативная или дискурсивная, где все заинтересованные агентуры принимают равноправное участие в рациональном обсуждении проблем с целью согласования своих действий (*deliberation process*)¹⁶⁹.

Такой поворот нормативной теории демократии особенно важен потому, что «включение этих новых форм авторитета (*authority*) в концептуализацию глобального управления позволяет обозначить проблему, которой до сих пор пренебрегали, а именно: каковы импликации глобального управления для таких фундаментальных политических концепций, как демократия, суверенитет и легитимность»¹⁷⁰.

В самом деле, эта разновидность демократии возникает и устанавливается именно и прежде всего на глобальном уровне. На этом уровне демократию гораздо труднее институционализировать в виде системы партийных выборов, чем это было когда-то на локально-национальном уровне в классическую эпоху

---

¹⁶⁹ Dryzek J. *Deliberative Global Politics: Discourse and Democracy in a Divided World*. Cambridge: Polity Press, 2006. P. 155—156.

¹⁷⁰ Кустарев. А. Кем и как управляется мир.

национал-республиканизма. В любом случае, в отличие от единичных государств, в мире такой системы еще нет, и естественно задуматься, нужна ли она и возможна ли вообще. Мы до сих пор пытаемся угадать и вычислить, какое значение имеет национал-государство как образец для «мирового управления». Между тем постепенно все более актуальным становится другой вопрос: насколько «всемирное управление» может оказаться образцом для национал-государственной общности. Три четверти стран мира фактически не имеют теперь никакой конституции. Их попытки следовать образцу, заданному Европой в XIX веке, определенно неудачны. Им нужен другой образец. Не исключено, что им станет глобальный порядок.

Но самое интригующее — это то, что глобальное сообщество становится не только лабораторией для выработки демократии близкого будущего, но и *первичным* локусом демократии. Не просто мир превращается в республику. Подлинная республика оказывается возможной именно на глобальном уровне.

Одновременно рост глобальных акторов является главным ограничителем управления мировым пространством, поскольку формируется множество центров влияния в мире, происходит постоянное пересечение активности различных финансовых, экономических, политических и прочих центров решений (свидетельствующих о распылении и деконцентрации мировой власти) невысоким является и уровень легализации сотрудничества в трансграничном пространстве. По сути, в любом сколько-нибудь серьезном для мировых акторов вопросе они предпочитают использовать для его решения технологии власти, а не управления.

Применение управления зависит также от динамики и взаимодействия всех *основных трансграничных сфер*: экономики, включающей как традиционные формы хозяйствования, так и виртуальный капитализм; культуры, развитие которой сопряжено со сложнейшими, разрушающими определенность межгосударственных связей процессами инкультурации и аккультурации; политики, формирующей различные геопропространственные

союзы, альянсы, взаимодействие с формами общественного мнения; экологии, с проблемами освоения человеком природы; трансграничного менеджмента, с его мозаичной структурой международной бюрократии, формирующей продвижение глобальных финансовых сделок.

Следует назвать и еще один очень существенный фактор, влияющий на применение и одновременно содержание управленческих технологий, — *качественную трансформацию самого института государства*, что непосредственно воздействует на изменение функций и формы осуществления суверенитета, характер понимания национальных интересов и на ряд других позиций. Одной из современных тенденций, как в национальных государствах, так и в мировом масштабе является усиление организации контактов не вертикально-иерархического, а полицентрического характера, что существенно сегментирует зоны управления.

Но даже наряду с этими действительно историческими подвижками института государства самым мощным фактором, влияющим на использование возможностей управления, выступает действие двух генеральных тенденций мирового развития: *транснализации и глобализации*.

Тенденция транснализации действовала в мировом пространстве постоянно. Этот тренд предполагает постепенное сближение и даже интеграцию государств в связи с решением ими ряда общих вопросов, связанных, например, с формированием рынков, экологическими задачами, проблемами в области безопасности и др. В конечном счете, эти реалии породили начальные формы интеграции, объединения стран и народов, а в настоящее время спровоцировали мощные, сопутствующие этим процессам идеи и настроения перехода к той форме интеграции, которая выражена в идеологии единого мирового правительства. С возникновением капитализма и рынка основанием транснализации стали: процесс выноса производственного цикла за национальные рамки, поиск дешевой рабочей силы и, как следствие, переструктуризация экономик зависимых стран, что во

многом и сформировало ряд общих проблем. Одним словом, в основании интернализации лежало и лежит воспроизводство капиталистических отношений в масштабах мировой экономики.

Наряду с транснализацией, стремлением к интеграции человечества действует тренд *дезинтеграции*, опирающийся на факторы ментальных, религиозных, территориальных и некоторых иных различий в развитии разнообразных стран и народов. Такая тенденция предлагает широкую амплитуду возможных вариантов развития от автаркии до разной степени разобщенности мирового сообщества.

То же самое можно сказать и о глобализации, которая проявляет интегративные и дезинтегративные возможности.

Например, возникновение капиталистической киберэкономики, активизировав движение капитала в виртуальных формах, поставило перед технически не готовыми к таким формам ведения бизнеса странами преграды, как для поддержания деловых контактов, так и для их вовлечения в решение общемировых задач. Виртуальный капитал, несмотря на снятие пространственно-временных ограничений для налаживания сотрудничества экономик, оказался способным интегрировать только те экономические структуры, в том числе и национальные экономики, которые соответствуют друг другу по своему ресурсному и техническому содержанию, селективируют партнеров для глобального экономического пространства и ограничивают пространство деловых коммуникаций. Причем возникновение новых условий получения прибыли способствовало возникновению феномена сверхконкуренции, означающего острый дефицит ресурсов, узость рынков, высокие ставки, снижение роли политических и морально-этических регуляторов спора.

Глобализация предложила миру очень высокие нормы для экономического прогресса. По этой причине в зоны сверхконкуренции не могут

проникнуть страны с несоответствующим набором предложений, ресурсно-техническим обеспечением.

Следовательно, глобализация предполагает селекцию и зонирование экономических, а вместе с ними всех иных контактов в трансграничном пространстве. Предлагая иные темпы экономического движения капитала и политической интеграции, глобализация порождает качественные разломы в мировых порядках.

Таким образом, в зоне глобальной экономики вырастают предпосылки для применения управленческих механизмов трансграничных связей. А вот между «первым» и «вторым» («третьим», «четвертым») мирами эти предпосылки заметно снижаются.

Серьезным фактором, препятствующим контактам развитых и периферийных стран, является и острая потребность в экономических ресурсах самих передовых государств, нуждающихся в определенной переструктуризации своих экономик, формировании новых институтов, норм и стандартов. Показательно, что уже сегодня в мире наблюдается снижение активности международных центров и крупных государств по оказанию гуманитарной помощи развивающимся и нуждающимся странам. Способов оказания давления на постиндустриальные страны со стороны стран мировой периферии не так уж и много.

Отметим еще один важный фактор, связанный с возможностями управления глобальными процессами. Это создание особых горизонтальных, *сетевых* коммуникаций партнеров. Эти глобальные сети означают, что на территориях независимых государств формируются особые финансовые, экономические, политические и иные пространства, в которых в свою очередь возникают особые зоны для применения властных и управленческих технологий.

И в этом смысле глобализация представляет собой форму (экономической, политической, культурной и иной) пространственной реорганизация мира при сохранении сложившегося государственно-территориального деления. При этом логика регулирования таких сетевых пространств и пространств, находящихся под контролем национальных государств, достаточно различная. Однако при опережающем развитии глобальных сетей, как справедливо подчеркивает Н. Косолапов, пространственные пределы и ограничения для различных государств на контакты (с другими державами или же разнообразными структурами типа ТНК) могут привести к утрате правительствами или ограничению контроля с их стороны за собственными территориями и ресурсами¹⁷¹.

Таким образом, сегодня в мировом пространстве возникают и формируются различные поля и уровни зависимости, которые в свою очередь создают соответствующие возможности для применения либо власти, либо управления. Чаще всего в основании выделения этих пространств и полей лежат мультинациональные, межрегиональные, локальные, интерлокальные рынки, а также сложившиеся связи и традиции межстрановых контактов. В каждом из них складываются свои полюсы влияния, институты, каналы и технологии влияния, нормы и взаимодействия. При этом в соседних зонах, где отсутствуют ярко выраженные интересы крупных игроков, их участие сомнительно, и эти пространства не рассматриваются как необходимые для них. Одновременно здесь же складываются и специфические риски, осложняющие возможности лидеров и аутсайдеров к сознательному конструированию политических порядков и продвижению своих проектов.

В целом можно говорить, что в современных условиях трансграничное пространство включает:

---

¹⁷¹ Косолапов Н. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 12.

- традиционные для индустриального типа отношений пространства межгосударственных связей, где действуют привычные механизмы доминирования, функционирующие на базе стандартов внутри- и межгосударственных отношений, а также международного права;
- сетевые пространства, сформированные глобализацией, создающие особые зоны для применения власти и управления;
- локальные, неинтегрированные в мировые порядки зоны и участки, в которых применяются внутригосударственные методы упорядочивания отношений.

Власть поэтому возможна в любом из названных сегментов, а вот управление, по преимуществу, в «своих» зонах, хотя частичное проникновение этого типа воздействия возможно и в ниже расположенном пространстве. Потенциал инноваций, а, следовательно, и возможностей управления высок только у лидеров этих участков трансграничного пространства¹⁷².

Часть 2. «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК» И «МИРОВОЙ ПОРЯДОК»: ПОЛИТИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сравнительно недавно А. Богатуров первым из отечественных исследователей обратил внимание на концептуальное различие понятий «международный порядок» и «мировой порядок»¹⁷³. Под «международным порядком» подразумевается порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом.

---

¹⁷² Глобальное управление. С. 27-29.

¹⁷³ Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке//Международные процессы. №1. 2003. С.6-23.

Отношения между членами международного сообщества и, значит, международный порядок определяются взаимодействием разнородных факторов, наиболее важную роль, среди которых играет соотношение совокупных потенциалов отдельных игроков и построенная на нем иерархия, взаимное положение стран, чаще всего условно понимаемое как вертикальное соподчинение.

В самом международном сообществе существует некоторая относительно автономная его часть, упорядоченные отношения внутри которой определяются не только соотношением потенциалов стран-участников, но и наличием у них фонда общих этических, моральных ценностей и основанных на них устойчивых моделей взаимного поведения. В научной литературе принято считать, что эту группу составляют страны либеральной демократии. Порядок в отношениях между ними тоже формируется во многом на основе принципа соотношения потенциалов («кто сильнее»), но еще взаимное поведение стран этой группы в значительной степени регулируются всеми признаваемыми, общими для данной группы моральными правилами и нормами, которыми они сознательно и добровольно руководствуются в отношениях друг с другом. Эта часть международного сообщества условно именуется мировым обществом. В ее рамках взаимодействие и взаимовлияние между странами происходит не только на уровне взаимодействия их внешних политик, но и «по всей глубине» социальной ткани разнонациональных обществ. Порядок, который воплощен в отношениях между членами «мирового общества», и представляет собой несколько идеализированное в литературе воплощение мирового порядка.

Как констатировал итальянский мыслитель Умберто Эко «внутри же этой западной цивилизации мы все острее чувствуем особость Европы»¹⁷⁴. «В

---

¹⁷⁴ Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ.М., 2007. С.67.

общем, у европейцев имеется немало общих качеств, общих опытов, радостей, печалей, общая гордость, общий стыд, общие традиции и общая совесть»¹⁷⁵.

В современном мире мировой порядок не имеет всеобщего характера, по охвату он уже, чем порядок международный. Хотя, вероятно, мировой порядок выражает перспективную тенденцию развития, которая характеризуется распространением, экспансией мирового порядка в масштабах планеты. Теоретически можно говорить о возможности разрастания мирового порядка до масштабов международного.

С точки зрения прикладного анализа А. Богатуров выделяет три основных подхода к интерпретации порядка: реалистический, социально-конструктивистский и институциональный. Для первого характерен акцент на соотношениях потенциалов между основными субъектами отношений. Для второго - подчеркнутый интерес к правилам поведения между ними, правилам, понимаемым в динамике их развития и воздействия на поведение государств и отдельных личностей. Для третьего - упор на инструментарии регулирования, основой которого, как постулируется, выступают международные институты, понимаемые как механизмы межгосударственного сотрудничества, способные оказывать примиряющие и сдерживающее влияние на поведение отдельных стран в интересах сообщества в целом. Все три подхода в чем-то противостоят, а в чем-то дополняют друг друга - согласно тому, как в реальности регулирование международных отношений осуществляется при помощи материально-силовых и идеально-информационных направляющих импульсов, посылаемых, помимо прочих каналов, через посредничество международных институтов.

Интерпретации порядка в реалистической традиции с малыми вариациями восходят к классическим трудам Г. Моргентау, Р. Арона и К. Уолца. Ключевым для их построений было понимание порядка как

---

¹⁷⁵ Там же. С.69.

горизонтального временного среза международных отношений, их «объективно заданного состояния», которое в каждый момент определялось соотношением потенциалов между великими державами. Причем сами державы имели представление об этом соотношении, не всегда адекватное и официально заявлявшееся, и соизмеряли свои действия с возможными их последствиями. Этот круг идей преобладал в науке и политике в первые три-четыре десятилетия после Второй мировой войны.

Вектор научных дискуссий последних двух десятилетий XX века определялся критикой реалистических интерпретаций, которые несколько абсолютизировались в годы биполярной конфронтации. Более популярными стали трактовки в духе отождествления порядка с введением «правил благоразумного поведения», соблюдение которых было бы обусловлено не страхом перед возмездием со стороны более сильного соперника (соперников), а добровольным законо-послушанием субъектов, их готовности без принуждения следовать условиям «контракта» или «кодекса», который они формально (в виде Устава ООН) или неформально вырабатывали бы между собой в процессе общения. Эти критические версии не представляли собой в чистом виде либеральной школы теории. Они строились на прагматичном сочетании либерального подхода с идеями социального конструктивизма, соотносимыми к тому же с элементами реал-политического анализа.

В литературе 1990-х годов известность приобрела концепция американского ученого Линна Миллера, который считал главным признаком международного порядка присутствие в мировой системе единого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствовались государства. Л. Миллер полагал, что с середины XVII века до Первой мировой войны в мире существовал всего один порядок, который автор называет Вестфальским. Основанием для такого обобщения автор считал то обстоятельство, что в основе международных отношений всего этого периода лежал принцип «невмешательства» (*laissez-faire* - «позволять делать»).

Как отмечает Л. Миллер, «в самом широком смысле концепция невмешательства предполагает, что для общего блага лучше всего предоставить наибольшую меру свободы и возможности индивидуальным лицам в обществе служить своим собственным интересам». Этот принцип предполагал отказ одного государства от попыток помешать другому государству в осуществлении его задач во всех случаях, когда это не касается непосредственно жизненных интересов первого.

Антиподом этой политики Л. Миллер считал «вильсонианский» принцип международного регулирования, впервые представленный В. Вильсоном в 1918 году. Этот принцип воплотился в «интервенционистской» политике Лиги Наций, затем и в деятельности ООН, а со второй половины 90-х годов XX века до настоящего времени, считает А. Богатуров, он реализовался в политике Соединенных Штатов Америки и ситуативных коалиций, которые они создают. В отличие от реалистов, Л. Миллер понимал «порядок» не как «устройство» и «состояние», а как «образ действия» и «процесс».

Похожим образом пояснял порядок и британский исследователь Роберт Купер. Отталкиваясь от классической работы Хэдли Булла, он предложил несколько возможных интерпретаций «порядка». Во-первых, таковым может считаться преобладающий тип внешнеполитического поведения государств (*pattern of actions*), независимо от того, служит ли оно упорядочению или дезорганизации системы; во-вторых, порядок может означать определенную степень стабильности и целостности системы; в-третьих, его можно понимать как «правила, которые управляют системой и поддерживают ее в состоянии стабильности; моральное содержание, воплощающее идеи справедливости и свободы».

Во многом, Л. Миллер и Р. Купер, конечно, предстают последователями известного американского ученого Роберта Гилпина, в работах которого еще в начале 1980-х годов были сформулированы развиваемые ими на более позднем материале представления о том, что системный порядок в международных

отношениях определяется, прежде всего, наличием свода правил поведения, и именно смена этих правил может характеризовать смену одного порядка другим.

С окончанием биполярной конфронтации наука оказалась достаточно зрелой, чтобы удержаться от упрощенных построений, и общий тренд теории международных отношений определился явлением синтетических интерпретаций, которые соединяли бы в себе достоинства всех разработанных к началу XXI века подходов в интересах построения цельного понимания сущности международного порядка, закономерностей его самоорганизации и оптимальных возможностей регулирования.

Одна из первых успешных попыток создать синтетическое видение международного порядка была представлена только в 2001 году основательной книгой американского ученого Джона Айкенбери «После победы. Институты, стратегическая сдержанность и перестройка порядка после больших войн»¹⁷⁶. Его схема по существу представляет собой гармоничный вариант соединения в рамках единой аналитической схемы достоинств нескольких методологических школ.

Дж. Айкенбери считает ключевым признаком международного порядка наличие общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты руководствуются в отношениях между собой. Он даже вводит понятие «конституционности» или «неконституционности» тех или иных международных порядков, подчеркивая, что порядок, основанный только на соотношении сил - неконституционен. Отмечая, что феномен конституционности возник в сфере внутренних социальных отношений государств, он подчеркивает активизацию ее экспансии в область международных отношений в начале XXI века.

---

¹⁷⁶ Ikenberry John G. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, N.J., Princeton University Press, 2001.

При этом принцип конституционности, согласно Дж. Айкенбери, воплощается в основанной на уставах или договорах деятельности международных организаций и других институтов межгосударственного взаимодействия, в задачи которых входит обеспечивать более справедливую, равномерную представленность интересов менее сильных стран при принятии важнейших международных решений, которые чаще всего вырабатываются самыми мощными странами «эгоистично» и в расчете лишь на собственные национальные интересы.

Аналитическая модель Дж. Айкенбери бинарна. Для его понимания международного порядка значимо, прежде всего, соотношение двух элементов - идей и институтов, с одной стороны, и мощи государства-гегемона, с другой. В истории международных отношений этот автор выделяет три типа международного порядка - равновесный, гегемонический и конституционный. Не испытывая, очевидно, интереса к первому, он озадачен взаимоотношением второго с третьим, с достойным доброго реалиста здравомыслием замечая: международный порядок не обязательно подразумевает действия сторон по согласованным правилам, он может воплощать практику поведения, которой придерживается сильнейшая страна, действия которой в этом случае могут сами по себе становиться правилом как нормой, закреплённой цепью прецедентов. «Сила преобразуется вправо, а принуждение - в долг».

При этом роль институтов конституционного регулирования бывает важной на этапах упадка государства-гегемона или на этапах его раннего восхождения, когда институты могут оказывать максимальное влияние на международную обстановку. Наоборот, в ситуации пребывания гегемона в зените могущества, он может безнаказанно игнорировать упорядочивающие импульсы со стороны «конституционных» институтов. При этом институты, если они ощущают свою слабость, могут уступать гегемону или гегемонам главенствующую роль в формировании порядка - на основе, либо гегемонии, либо равновесия. По Дж. Айкенбери «политический порядок - это базовое

согласие (*arrangement*) между группой государств относительно их руководящих правил, принципов и институтов».

Дж. Айкенбери понимает порядок в основном как порядок принятия решений («образ действия»), нежели как порядок положения дел («состояние»). Отдавая должное этой схеме, А. Богатуров отмечает ее ограниченность с точки зрения прикладного анализа. Подразумевая наличие иерархии в международных отношениях (которая сама воплощает некоторый порядок), Дж. Айкенбери выводит за рамки анализа саму эту иерархию. Складывается впечатление, что важна не объективно существующая иерархия (центр - периферия, верх - низ, старший - младший, сильный - слабый), а лишь то, как ведут себя субъекты международных отношений - «помимо» и «независимо» от нее. Теоретически схема Дж. Айкенбери логична и соразмерна. В прикладном анализе она не достаточно функциональна, поскольку для понимания сущности порядка бывает необходимо понимать не только особенности принятия решений внутри иерархии, но и выявить возможности повлиять на эту иерархию, изучить имеющийся ресурс для ее изменений, или, например, ресурс сопротивления таковым.

Иначе говоря, для понимания современной международной ситуации распознавание прочности позиции каждого субъекта и их взаимного положения в иерархии столь же важно, как и правила, которыми каждый из них руководствуется, или должен руководствоваться, но почему-то этого не делает.

Вот почему, считает А. Богатуров, целесообразно расширить схему анализа международного порядка, включив в нее следующие элементы: наличие признаваемой иерархии между субъектами международных отношений, включая и государства, и новые субъекты международной политики; совокупность принципов и правил внешнеполитического поведения; систему принятия решения по ключевым международным вопросам, включающую в себя механизм представительства интересов низших участников иерархии при принятии решений на высших ее уровнях; набор

морально допустимых санкций за нарушения решений и механизмов применения этих санкций; формы, методы и приемы реализации принимаемых решений - режим реализации международного порядка.

В международных отношениях сегодня присутствуют все элементы, обозначенные в этой схеме, что позволяет считать их в целом упорядоченными, а кризис миросистемного регулирования, о признаках которого писали в начале прошлого десятилетия, преодоленным.

Для характеристики современного международного порядка более значимыми являются несколько черт. Первая - его довольно жесткая иерархичность. За последние десять лет в отечественной литературе сложилось два подхода к ее анализу: структурный и режимно-институциональный. Для первого типично исследование иерархии через призму полярности. В этой логике ключевым является вопрос о том, сколько полюсов влияния имеется в современном мире и какой из них - главный. Дискуссии концентрируются вокруг двух версий: сторонники первой стремятся отыскать в современных международных отношениях признаки многополярности, второй - указывают на черты однополярности современной международной системы, одновременно выдвигая несколько версий понимания однополярности.

Особенностью теоретических построений сторонников многополярного видения среди ученых (С.М. Рогов, К.Э. Сорокин, О.Н. Быков и др.) была созвучность их предположений в 1992-1999 годах официальной позиции Российской Федерации, руководство которой, в лице тогда действующего президента Б.Н. Ельцина и занимавшего пост министра иностранных дел Е.М. Примакова, начиная с 1996 года, подчеркивало в официальных выступлениях многополярный характер современного мира. В апреле 1997 года в Москве была подписана российско-китайская Декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Этот документ, выдержанный в значительной степени в духе теоретических построений скорее китайских, чем российских ученых, оказывал большое влияние на официальную

терминологию российской дипломатии в конце 90-х годов. Он представлял официальную точку зрения в момент, когда она была призвана символизировать несогласие Российской Федерации с практикой одностороннего произвольного принятия важнейших решений, которой пользовались США и страны НАТО - во время двух волн конфликта в Югославии (1995-1996 гг. в Боснии и 1998-1999 гг. в Косово).

Российский ученый О.Н. Быков пишет: «...Есть эффективный метод распознавания назревающих изменений во взаимоотношениях на мировой арене. Это – раскрытие закономерности поэтапной трансформации их глобальной структуры. Именно такой системный подход к данной проблематике позволяет выявлять реальное содержание и конкретные формы произошедших и намечающихся сдвигов в организации международного сообщества»¹⁷⁷. В более упрощенном виде аналитический метод О.Н. Быкова сводится к концепции «прошлое толкует будущее» и «полюсное измерение международных связей» как метод «выявления основных параметров глобального структурообразования». «Вопрос о генезисе и эволюции глобальной структуры – это ключевой вопрос анализа трансформации международных отношений...»¹⁷⁸. «Такой аналитический метод позволяет составить адекватное представление об исторической последовательности смены структурных конфигураций международных отношений и перспективах формирования будущего мироустройства»¹⁷⁹.

Уязвимость концепции многополярности была очевидной в момент ее утверждения. На теоретическом уровне эта проблема обсуждалась в отечественной литературе. В 1993 году были предложены рабочие определения многополярности, биполярности и однополярности. Под биполярностью было

---

¹⁷⁷ Быков О.Н. Международные отношения. Трансформация глобальной структуры. М.: Наука, 2003. С. 13.

¹⁷⁸ Там же. С. 21.

¹⁷⁹ Там же. С. 13.

предложено понимать структуру международных отношений, для которой был характерен резкий отрыв каких-либо двух членов международного сообщества от всех остальных стран по совокупности своих военно-политических, экономических, научно-технических и иных возможностей, а также потенциалу идейного влияния в международных отношениях.

Соответственно, под многополярностью следовало в таком случае понимать такую структуру мира, для которой было бы характерно наличие нескольких полюсов-центров, сопоставимых между собой по соответствующим потенциалам, как то, в самом деле, имело место в период «европейского концерта» XIX века. Следовательно, ситуация, для которой оказывается типичным «уход в отрыв» по показателю совокупной мощи всего одной страны, была должна «маркировать» возникновение той или иной формы однополярности.

Российские аналитики, не согласные с построениями в духе многополярности, представили несколько альтернативных ей версий анализа. В 1996 году А. Богатуров предложил концепцию «плюралистической однополярности», а в 2000 году появилась и российская версия «глобального демократического мира» своего рода глобального *Pax Democratica*, которые представляли собой соответственно структурно-реалистическую и либерально-идеалистическую версии, в сущности, сходного видения ситуации.

Согласно идее «плюралистической однополярности», мир после распада биполярности не превратился в чисто американский мир, *Pax Americana*, потому что роль единственного полюса в нем заняли не одни Соединенные Штаты, а США в плотном окружении своих ближайших союзников в лице «группы семи». Члены этой группы, помимо самих США, хотя не обладали возможностями, сравнимыми с американскими, все же имели возможность умерять американские амбиции, немного менять их направление и влиять на поведение США в той мере, как это им удавалось в рамках плюрализма, не подкрепленного равенством возможностей.

Концепция «*Pax Democratica*» тоже исходила из идеи не единоличного, а «группового полюса», и тоже в принципе включала в его состав страны «группы семи». Но в ней акцент делался на принадлежность стран полюса не к группе наиболее развитых и влиятельных государств планеты, а к кругу демократических государств. Подразумевалось, что «группа семи», состоящая из демократических стран, объективно действует «по мандату» всех демократий, в интересах демократического мира как целого. Такая трактовка была шире, чем та, что предлагалась «плюралистической однополярностью». Она акцентировала приверженность общим демократическим ценностям, благодаря которым достигалось единство «группового полюса».

Концепции однополярности широко используются в политическом анализе, поскольку они дают адекватное понимание реальности, независимо от эмоционального («прятие - неприятие») отношения к ней. Несоответствие гипотезы многополярности международным реальностям в начале 2000-х годов стало настолько очевидным, что с приходом президента В.В. Путина российское руководство сочло необходимым скорректировать ее официальные трактовки. В современной интерпретации термин «многополярный мир» применяется в официальном лексиконе Российской Федерации для обозначения вектора, перспективы эволюции международной системы, внутри которой с течением времени, как можно ожидать, вероятно, ослабление относительной мощи США при сравнительном возрастании совокупных потенциалов Китая, России, и, не исключено, некоторых других членов международного сообщества, включая в более отдаленном будущем - Европейский союз. В то же время на официальном уровне российские государственные деятели стараются воздерживаться от употребления выражения «однополярный мир».

Пока сторонники и противники многополярности и однополярности спорили между собой, стал приобретать влияние режимно-институциональный (А.Салмин, Н.Косолапов) подход к анализу международного порядка. Он развился из структурного в том смысле, что принял за отправную точку

разработанный в его рамках тезис о наступлении однополярного мира. Приняв этот вывод за данность, сторонники режимного подхода стали в дальнейшем осмысливать международный порядок, пользуясь понятиями социологии и общей политологии.

Согласившись, что в условиях однополярности мир в известном смысле приобретает некоторые черты единого мирового протогосударства, управляемого из единого центра, некоторые ученые предложили исследовать этот мир через выявление природы этого правления, его форм, регулирующих механизмов, преобладающих режимов управления, правил и практик. При такой постановке проблемы в центр внимания исследователя должны были попасть вопросы «нового мирового строя» - феодального, демократического, либерального и т.д., как если бы речь шла о порядке внутри одного общества.

В 1999 году Н.А. Косолапов перевел разговор о международном порядке в плоскость анализа присущих ему соотношений между элементами демократизма и авторитарности. Вывод автора был критичен: порядок в конце 1990-х годов - более авторитарен, чем порядок 1980-х, а тот, в сравнении с современным - более демократичен.

Включение экономической проблематики в круг тем, активно изучаемых специалистами в области мировой политики и международных отношений, относится к началу 1970-х гг. Ключевую роль в этом сыграли такие важнейшие для международных экономических и политических отношений события, как отказ США от поддержания обмена доллара на золото и резкий рост мировых цен на нефть, ставший результатом картельной политики вновь созданной Организации стран-экспортеров нефти (1973-1974) (*OPEC*).

Данные события и вызванные ими дискуссии в политических и академических кругах дали мощный импульс исследованиям, лежащим на пересечении экономики и теории международных отношений. Благодаря появлению работ таких исследователей, как Д. Болдуин, Р. Гилпин, Ч.

Киндлбергер, Р. Кейган (в другом написании — Кеохейн или Кохэн), Дж. Най, С. Стрендж и др., произошло оформление данного направления исследований в самостоятельную научную дисциплину. Она получила название *международной политической экономики* (МПЭ), или *политической экономики международных отношений*. Нередко эти термины используются как синонимы, однако в современных условиях, когда роль негосударственных акторов мировой политики становится все более выраженной, второй из указанных терминов, традиционно ассоциирующийся с изучением межгосударственных отношений, представляется менее предпочтительным, считает С. Афонцев¹⁸⁰. Кроме того, в научный оборот активно вводится понятие *глобальной политической экономики*, подчеркивающее необходимость изучения глобальных экономико-политических процессов, находящихся за рамками контроля со стороны наций-государств.

В последующие годы такие события, как международный долговой кризис начала 1980-х гг., интенсификация европейской интеграции, усиление процессов экономической глобализации стимулировали дальнейшее развитие МПЭ, содействуя ослаблению традиционного для международных исследований деления политики на «высокую» (прежде всего внешнюю и оборонную) и «низкую», связанную с управлением экономическими процессами. Экономические проблемы, традиционно рассматривавшиеся в рамках реалистической школы международных отношений главным образом сквозь призму «элементов могущества» нации-государства, выдвинулись в ранг одного из ключевых факторов, формирующих повестку дня широкого спектра акторов мировой политики. Этот сдвиг приоритетов стал особенно заметен в 1990-е гг., когда, с одной стороны, благодаря завершению холодной войны ощутимо снизился сравнительный вес военно-политического фактора в международных отношениях, а с другой стороны, создание Всемирной

---

¹⁸⁰ Афонцев С. Экономическое измерение мировой политики// Современные международные отношения и мировая политика. Учебник. Отв. Ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 142-163.

торговой организации (ВТО), либерализация международного рынка капиталов и рыночные преобразования в постсоциалистических странах существенно подняли значимость экономической составляющей мировой политики. Все это благоприятствовало быстрому росту числа работ, посвященных теоретическому осмыслению взаимодействия экономических и политических процессов на международной сцене.

В то же время нельзя сказать, что в рамках МПЭ были выработаны общие определения проблемного поля дисциплины или аналитические подходы, которые разделялись бы большинством авторов. Преимущественным авторитетом пользуются следующие дефиниции МПЭ. Первая из них, принадлежащая Р. Гилпину, предполагает изучение «динамического взаимодействия в международных отношениях, направленного на преумножение богатства и приращение мощи (*power*)». Вторая, автором которой является Р. Кейган, делает акцент на «пересечении (изучения) производства и обмена, с одной стороны, и власти (*power*) — с другой». Термин МПЭ приобретает характер своего рода метафоры, отражающей, во-первых, изучение взаимосвязей между властью и богатством и, во-вторых, исследования на границе теории международных отношений и экономической науки.

Отсутствует единство и в определении методологического фундамента МПЭ. Сегодня по-прежнему остается актуальным утверждение С. Стренджа о том, что «интеллектуальная проблема синтеза» в рамках МПЭ остается нерешенной. Согласно Гилпину, в рамках МПЭ можно выделить три основных направления: либеральное, государственно-центристское (*nationalist*), марксистское, теории обобщенного выбора. Три «классических» направления МПЭ имеют очевидные параллели с либеральной (идеалистической), реалистической и марксистской школами в теории международных отношений. Течение, связанное с общественным выбором, сохраняет основные методологические предпосылки либерального направления (представления о

том, что интересы и действия коллективных акторов правомерно анализировать только сквозь призму интересов и действий составляющих их индивидов, что международное взаимодействие носит добровольный и взаимовыгодный характер). Вместе с тем его представители отказываются от разделения сфер экономического и политического, опираясь на более широкий подход к рыночным процессам, связанный с моделированием принятия политических решений в рыночных терминах.

Характерной чертой исследований в области МПЭ является синтетический учет всех аспектов. В то время как, например, экономическая наука традиционно делает акцент на изучении экономической политики, а теория международных отношений — экономических предпосылок реализации приоритетов обороны, безопасности и т. д. Благодаря этому основной вклад МПЭ в понимание экономического измерения мировой политики был сделан в тех областях, для которых характерно сочетание всех трех указанных аспектов.

Классическим примером общественного блага (*public goods*) на национальном уровне является национальная оборона. Защита одного гражданина страны от нападения со стороны вероятного противника никак не ослабляет аналогичную защищенность других граждан, и в то же время отсутствует возможность «изъять» из числа защищенных этой обороной тех граждан, которые не внесли своего вклада в ее создание, например, уклонились от уплаты налогов (т.н. «безбилетники»).

Под *глобальными общественными благами* (ГОб) понимаются блага, обладающие свойствами неконкурентности и неисключительности с точки зрения акторов мировой политико-экономической системы. При этом выделяются «конечные» глобальные общественные блага, непосредственно удовлетворяющие потребности глобального сообщества (поддержание мира, стабильность международной торгово-финансовой системы, сохранение окружающей среды и культурного наследия человечества и т. д.); «промежуточные» ГОб (международные режимы как наборы правил поведения

на международной сцене), которые являются условием создания «конечных» ГОБ.

Основная проблема предоставления ГОБ заключается в том, что ресурсы для этой цели должны быть мобилизованы со стороны широкого круга как государственных, так и — во многих случаях — негосударственных акторов (включая ТНК, неправительственные организации, субнациональные административные единицы и т. д.).

Как снизить остроту проблемы *безбилетника*, неизбежной в этом случае? Традиционный ответ на такой вопрос дает *гегемонистская теория стабильности*, истоки которой восходят к работе Ч. Киндлбергера, посвященной причинам международного экономического кризиса конца 1920-х — начала 1930-х гг. С точки зрения сторонников данной теории, необходимым условием создания ГОБ, прежде всего, международных режимов в сфере торговли и международного движения капитала, является наличие державы-гегемона (державы-лидера), выступающей в роли «единственного стабилизатора» мировой экономики. Такая держава должна обладать достаточными ресурсами (как экономическими, так и политическими), чтобы принуждать акторов, склонных придерживаться стратегии *безбилетника*, к несению адекватной доли издержек на предоставление ГОБ, а если это по каким-либо причинам невозможно, то обеспечивать предоставление ГОБ в одностороннем порядке. При этом экономическое лидерство является необходимым, но не достаточным условием гегемонии, поскольку, помимо экономического потенциала, критически важное значение имеет готовность «потенциального гегемона» взять на себя ответственность за предоставление ГОБ.

В рамках данной системы рассуждений стабильность и либеральный характер мировой экономической системы в период, предшествовавший Первой мировой войне, обеспечивались благодаря гегемонии Великобритании (*Pax Britannica*), а в период после Второй мировой войны — благодаря

гегемонии США (*Pax Americana*). Напротив, в межвоенный период ослабление экономического потенциала Великобритании и неготовность США взять на себя глобальную ответственность обусловили «деградацию» международного экономического режима в сторону протекционизма, что привело к сокращению объемов международной торговли и подорвало возможности для экономического роста в мировом масштабе.

Современные сторонники гегемонистской теории стабильности формулируют следующий набор ГОБ, ответственность за создание которых должна взять на себя держава-гегемон. Это поддержание необходимого для сохранения мира баланса сил в ключевых регионах планеты; предоставление посреднических услуг в урегулировании конфликтных ситуаций; обеспечение действенности международных норм и создание благоприятных условий для функционирования международных институтов; поддержание либерального международного экономического режима; обеспечение свободного доступа к ресурсам, не имеющим национальной принадлежности (к числу таких ресурсов относятся, в частности, морские транспортные коммуникации, космическое пространство, окружающая среда, в последнее десятилетие — информационное, или киберпространство); обеспечение достаточного предложения экономических ресурсов, имеющих ключевое значение для функционирования мировой экономики (таких, как нефть); содействие экономическому развитию «бедных» стран.

Однако среди представителей МПЭ нет согласия ни относительно характера ГОБ, ни относительно механизмов их предоставления. В частности, приверженцы марксистского направления в МПЭ активно оспаривают принадлежность либерального международного экономического режима к числу ГОБ, указывая на то, что такой режим способствует консервации неравноправного статуса развитых и развивающихся стран в системе международных экономических связей, а значит, продолжению эксплуатации стран периферии странами центра. Более того, по мнению критиков, сам отбор

ГОВ, которые будет предоставлять страна-гегемон, может в большей степени отражать предпочтения ее собственных элит, чем реальные потребности мировой системы. Проблема доступа к «критически важным» ресурсам (таким, как нефть Персидского залива) часто рассматривается как яркий пример подобной «подмены приоритетов».

Существует также проблема взаимоотношения этических и прагматических оснований отнесения тех или иных политических приоритетов к числу ГОВ. Наиболее показательны здесь дискуссии о правомерности рассмотрения в качестве ГОВ мер по содействию экономическому развитию и борьбе с бедностью в глобальном масштабе.

Помимо вопроса об оптимальном наборе ГОВ, немалые дискуссии вызывает и проблема создания ГОВ в условиях отсутствия державы-гегемона. Данные дискуссии связаны, с одной стороны, с осознанием «размывания» гегемонии США самими сторонниками гегемонистской теории стабильности, а с другой — более или менее ярко выраженным неприятием данной теории со стороны многих исследователей и политиков. Наиболее острые противоречия при этом возникают вокруг проблемы управления экономическими процессами в международном масштабе.

Поскольку глобальный характер современной экономики делает невозможным ее регулирование с использованием только инструментов национальной экономической политики, на первый план выдвигается необходимость создания механизмов международной координации экономической политики с целью согласования решений, принимаемых национальными правительствами, и/или выработки политических решений, которые носят принципиально наднациональный характер.

Теперь рассмотрим наиболее распространенную типологическую схему международной координации экономической политики. Данная схема опирается на два базовых критерия. С одной стороны, координация может

явиться результатом либо переговоров по поводу конкретных вопросов, представляющих интерес для участвующих сторон (так называемая *ad hoc* координация), либо некоей базовой договоренности, фиксирующей правила решения спорных вопросов и согласования позиций сторон по оговоренному кругу проблем (координация на основе правил). Проблема международного режима как ГОБ имеет два измерения. Первый относится к созданию международного режима регулирования ключевых сфер экономического взаимодействия (прежде всего, торговли товарами и услугами, а также движения капитала в форме прямых и портфельных инвестиций), как функция *режимной координации на основе правил*. Второй, к защите международного режима перед лицом вызовов, реакция на которые не предписана действующими правилами как функция *ad hoc — режимной координации*.

В рамках гегемонистской теории стабильности предполагается, что ответственность за выполнение обеих функций берет на себя держава-гегемон. Одна из наиболее популярных в последние годы альтернатив гегемонистской теории стабильности — концепция «глобального управления без глобального правительства» (*global governance without global government*) — так или иначе, предполагает существование механизмов «коллективной ответственности», обеспечивающих возможность реализации целей режимной координации в «постгегемонистском мире».

Значительная часть работ по проблеме глобального управления посвящена адаптации прежней гегемонистской модели к новым условиям за счет более активного использования многосторонних механизмов. Наряду с этим, заметное развитие получил подход, акцентирующий необходимость «демократизации» механизма глобального управления за счет более широкого участия в принятии решений как стран, игравших в рамках гегемонистской модели пассивную роль (прежде всего стран с более низким уровнем экономического развития), так и негосударственных акторов, представляющих силы «глобального гражданского общества». Эти два подхода на сегодняшний

день являются доминирующими в дискуссиях вокруг идеи глобального управления.

Сторонники концепции глобального управления, как правило, со скептицизмом относятся к альтернативным механизмам управления международными экономическими процессами, прежде всего двусторонним и региональным.

Это объясняет осторожность, с которой к деятельности региональных группировок относятся режимные международные экономические организации (в первую очередь МВФ и ВТО), даже, несмотря на то, что эти группировки в настоящее время объективно способствуют ускорению процессов либерализации торговой и инвестиционной политики. В данном контексте следует рассматривать фиаско популярной в середине 1990-х гг. идеи создания Трансатлантической зоны свободной торговли (ТАФТА) как инструмента «глобального управления» мирохозяйственной системой объединенными усилиями США и ЕС.

Вторая альтернатива гегемонистской теории стабильности, основанная на подходах теории общественного выбора, избегает этой дихотомии и позволяет рассматривать односторонние, двусторонние, региональные и глобальные механизмы управления международными экономическими процессами в единой системе координат.

В рамках данного направления анализа делается акцент на рыночном характере процессов выработки и согласования решений в области экономической политики. В основе такого подхода лежит признание радикального размывания на протяжении последнего десятилетия традиционных представлений об автономии акторов, ответственных за формирование экономической политики. Эти изменения связаны, прежде всего, с расширением круга субъектов, оказывающих влияние на принятие решений правительствами наций-государств, что ведет к изменению механизмов

представления и агрегирования экономических интересов на национальном уровне. Далее, многочисленные региональные экономические группировки все больше превращаются в самостоятельные центры принятия решений, где происходит учет интересов не только правительств стран-участниц, но и широкого круга экономических субъектов (национальных и транснациональных компаний, банков) и акторов, представляющих глобальное гражданское общество (неправительственные организации). Наконец, имеет место сокращение автономии международных экономических организаций, выражающееся, с одной стороны, в подмене функций координации экономической политики в международном масштабе борьбой отдельных стран, их группировок и собственно аппарата соответствующих организаций за влияние на принятие глобально значимых экономических решений, а с другой — в усиливающемся влиянии на их работу неправительственных организаций.

В соответствии с этим теория общественного выбора позволяет выделить три уровня политических рынков (национальный, региональный, глобальный), где происходит формирование экономической политики.

Рассмотрение тенденций последних полутора-двух десятилетий позволяет сделать вывод о реальном нарастании сравнительного веса кооперативных стратегий.

Наиболее ярко это проявилось в области *экономической политики*. Во-первых, реализация решений Уругвайского раунда переговоров по Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ) и деятельность Всемирной торговой организации (ВТО) привели к радикальному снижению, как уровня торговых барьеров, так и рисков принятия на уровне отдельных стран или их объединений таких решений о регулировании торговых отношений, которые бы наносили ущерб третьим сторонам. Принципиальное значение имеет и тот факт, что ограничение возможностей использования некооперативных стратегий, начатое в сфере торговли товарами, с 1990-х гг. во все большей степени распространяется и на рынки услуг.

Во-вторых, коренное изменение претерпело отношение к прямым иностранным инвестициям (ПИИ) и осуществляющим их субъектам. Интерпретация ПИИ как «угрозы национальному суверенитету» и «инструмента эксплуатации» уступила место их рассмотрению в качестве одного из важнейших факторов стимулирования экономического роста, повышения занятости и технологической модернизации. Соответственно акценты в политике по отношению к ПИИ сместились с жесткого регулирования и национализации к их активному привлечению путем создания системы стимулов и благоприятного инвестиционного климата.

В-третьих, претерпели трансформацию механизмы деятельности региональных интеграционных объединений. Волна формирования региональных экономических группировок в 1990-е гг. привела к появлению скорее своеобразных островов либерального экономического режима, чем региональных «протекционистских крепостей».

Мировая торговая система сегодня более либеральна, чем когда-либо прежде. С точки зрения гегемонистской теории стабильности, данный результат можно объяснить успешными действиями державы-гегемона по созданию и поддержанию либерального торгового режима через механизм ГАТТ-ВТО. С позиций теории общественного выбора, это говорит о том, что результат столкновения разнонаправленных экономических интересов широкого круга стран, выходящих на глобальный политический рынок, оказался гораздо более близкой аппроксимацией либерального торгового режима, чем любой из вариантов, который мог бы быть реализован в условиях неограниченного национального суверенитета над внешнеторговой политикой. В то же время реальностью является нарастание волны «нового протекционизма», мотивируемого принципиально иными, чем прежде, политическими соображениями.

В современной ситуации, когда соответствующие вопросы являются объектами режимного регулирования в рамках ВТО, на первый план выступают

защита от некорректных торговых практик, используемых торговыми партнерами; защита потребителей от риска, связанного с неизвестными им нежелательными свойствами товаров; защита неэкономических (экологических и социальных) ценностей.

Например, аргументы о защите потребителей от генетически модифицированной продукции, «коровьего бешенства» и т. п. активно используются фермерскими организациями для лоббирования ограничений на импорт продовольственной продукции.

Режимные правила ВТО существенно ограничили свободу национальных правительств в реализации внешнеторговой политики, что обуславливает все больший акцент на аргументах в пользу «справедливости» (защиты от «некорректных торговых практик»), а не «целесообразности». В свою очередь, выдвигание на первый план потребительских, трудовых и природоохранных стандартов стало результатом активного вовлечения НПО, интересы которых лежат вне экономической сферы, в обсуждение вопросов регулирования мировой торговли. Благодаря этим обстоятельствам «новый протекционизм» во все большей степени отражает режимное и гуманитарное измерение торговой политики, а не служит выражением чисто экономических интересов.

Одной из важных сфер, где в конце 1990-х — начале 2000-х гг. наблюдались значительные практические и концептуальные изменения, является применение экономических санкций. Традиционно эффективность применения санкций связывалась с принципом «ущерб — результат» (*pain-gain*), предполагающим, что экономические трудности, переживаемые странами-адресатами санкций, создают достаточные стимулы для руководства этих стран к изменению политического курса. В академических и политических кругах сформировалась концепция целевых санкций (*smart sanctions*).

В последние годы был наработан определенный опыт применения целевых санкций (например, гуманитарных изъятий, предусмотренных

программой «Нефть в обмен на продовольствие» в рамках санкций против режима Саддама Хусейна в Ираке), однако говорить об их более высокой эффективности по сравнению с традиционными санкциями пока преждевременно.

Среди причин этого — повышенная сложность разработки и поддержания режима целевых санкций, предполагающего создание специальных институтов контроля, недостаточное финансирование персонала подобных институтов, отсутствие необходимой международно-правовой базы и, что особенно важно, трудности принятия многосторонних решений по поводу использования целевых санкций в таких органах, как Совет Безопасности ООН.

Анализ международной реакции на финансовый кризис 1997-1998 гг. показал, что важнейшей функцией глобального управления станет транснациональная социальная защита.

Как отмечает Доклад ПРООН о развитии человека за 1999 г., в сфере глобального регулирования на данный момент более весомые успехи достигнуты в разработке норм для открытых глобальных рынков, чем в интересах людей и для защиты их прав. В связи с этим важнейшей проблемой глобального сотрудничества и глобального управления, является выбор между регулированием исключительно ради оптимизации мировых финансовых и торговых потоков и регулированием, ориентированным на решение социальных и человеческих задач в общемировом масштабе. От того, какой выбор здесь будет сделан мировым сообществом и мировой политической элитой, во многом будет зависеть глобальное развитие человечества в XXI веке.

На саммите 1992 г. в Рио-де-Жанейро, посвященном устойчивому развитию, в качестве одного из инструментов, призванных обеспечить эффективность международных усилий в этой сфере, предлагалось создать международный экологический банк, который направлял бы свои средства на поддержку проектов по устойчивому развитию. На многих других

конференциях, посвященных глобальным проблемам, создание международных банков, чья деятельность была бы социально ориентирована, также всячески приветствовалось.

Необходимость их создания вполне очевидна потому, что для проведения эффективной транснациональной социальной защиты в распоряжении международных организаций должны находиться значительные ресурсы. Поэтому аккумуляция финансовых средств с целью их использования на человеческое развитие по логике вещей должно стать еще одной функцией социально-ориентированного глобального управления.

Отдельным вопросом является то, в какой степени государства будут оказывать влияние на деятельность этих финансовых структур. Во многом именно фактор контроля за финансами будет определять уровень глобального регулирования в будущем. В том случае, когда роль государств в этом вопросе будет большой, речь пойдет о глобальном сотрудничестве (именно так обстоит дело сегодня). Если же международные организации смогут распоряжаться финансовыми средствами самостоятельно, без ощутимого влияния со стороны государств, то именно в этом случае можно будет вести речь о подлинном глобальном управлении, осуществляемом на наднациональной основе.

После финансового кризиса 1997-1998 гг. все чаще слышны предложения о реформировании существующей мировой финансовой системы. Некоторые из них носят радикальный характер и содержат призывы к созданию принципиально иной глобальной финансовой системы, призванной сократить существующий риск кризисов и преодолеть хронический экономический застой в странах с переходной экономикой и в развивающихся странах. Например, известный американский экономист Джеффри Сакс на симпозиуме, организованном ПРООН в Нью-Йорке в декабре 1998 г., призвал создать специальную комиссию под эгидой ООН, предназначенную для выработки рекомендаций по пересмотру стратегии международного развития, которые позволили бы уменьшить долговое бремя, реформировать международную

финансовую систему и переориентировать международную помощь в сторону решения насущных глобальных проблем.

Согласно докладу комиссии Конгресса США по вопросам международных финансовых институтов, составленному в марте 2000 г., Всемирный банк должен перестать предоставлять кредиты (эта функция должна полностью перейти к МВФ) и превратиться в организацию, оказывающую исключительно финансовую помощь и техническое содействие. В связи с этим принципиальным изменением функций Всемирного банка комиссия предложила переименовать его во Всемирное агентство по развитию (*World Development Agency*). Параллельно этому предложению ряд других финансовых аналитиков, в частности Дж. Сорос, предлагают разрешить Всемирному банку предоставлять свои средства не только под правительственные гарантии стран-реципиентов, т.е. позволить ему работать напрямую с конкретными компаниями

В целом, можно констатировать, что за последнюю четверть XX века в развитых странах мира произошли настолько качественные социально-экономические изменения, что можно утверждать о формировании там нового социально-экономического строя, по ряду показателей существенно отличающийся от капитализма. Не находя общепризнанного наименования, используются названия типа *посткапиталистическое*, *постэкономическое*, *постиндустриальное* или какое-то иное общество.

Последняя треть XX столетия стала эпохой третьего машинного переворота¹⁸¹, который, собственно, и определил важнейшие глобальные тенденции. Соединенные в сети электронно-вычислительные машины революционизировали способы обработки и передачи данных. Сегодня интеллектуальная деятельность человека и совокупный интеллектуальный

---

¹⁸¹ Первый ознаменовало появление паровой машины, а второй - использование электричества и изобретение двигателя внутреннего сгорания.

ресурс все больше выступают как машинный ресурс компьютерных сетей, тяготеющих к глобальному охвату.

В ходе нынешней перестройки экономики развитых стран кардинальным образом меняется характер международного разделения труда. Из поставщиков готовых изделий развитые страны превращаются в экспортеров квалифицированных и капиталоемких услуг (в том числе финансовых) и технологий. Поскольку технологическая рента становится все более весомым компонентом прибылей, компании, базирующиеся в развитых странах, сосредоточиваются на исследованиях и внедрении инноваций, сохраняя за собой также поставки наиболее сложных и точных изделий. Из поставщиков сырья и продовольствия развивающиеся страны становятся экспортерами готовых изделий (наряду с тропическим и субтропическим сырьем и продовольствием). Если раньше мы, образно говоря, делили мир на «город» (Север) и «деревню» (Юг), то теперь его приходится делить на «офис и лабораторию» (Север), «город» (Восточная и Южная Азия, Латинская Америка) и «деревню».

Действительно, за последние десятилетия в развивающихся странах сложился широкий индустриальный сектор, который не только обеспечивает внутренние потребности в товарах первой необходимости и средней сложности, но и удовлетворяет растущий спрос на материальные блага населения развитых стран (во всяком случае, для его средних и низших страт). В этом смысле подъем индустриального сектора в развивающемся мире должен был сопровождаться сокращением производства соответствующих благ в развитом.

По прогнозам Гарвардского университета, к 2025 г. Азия станет производить 55—60 проц. мирового ВВП, а Запад — только 20—30 процентов.

Вследствие этих процессов сменились лидеры мирового производства: по величине ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности, Китай

обогнал Японию, выйдя на второе место, а Индия обогнала Италию и Великобританию, практически сравнявшись в этом отношении с Германией и разделив с ней четвертое и пятое места. К группе лидеров подтягиваются Бразилия и Индонезия, а затем — с некоторым отставанием — Южная Корея. По тому же прогнозу, Китай через 10 лет догонит США, а Индия — Японию.

В развитой и развивающихся частях мира формируются разнотипные социально-экономические структуры, векторы их социально-экономического развития расходятся и нарастает его многовариантность.

Отрыв самых передовых стран от развивающихся заметно увеличился. Если в 60-е годы все государства (исключая, разумеется, социалистическую систему) находились на разных этапах эволюции капитализма, то теперь между ними вновь возник стадийный разрыв. Перенос элементов нового строя в капиталистические или полукapиталистические страны стал практически невозможен, так как для подобной «трансплантации» требуются высокий уровень развития и комплексность. Иными словами, стадийный разрыв между новым строем и капитализмом на периферии может сохраняться дольше, чем между капитализмом и традиционным обществом.

Уже стало очевидным, что в развитой и развивающихся частях мира формируются разнотипные социально-экономические структуры, векторы их социально-экономического развития расходятся и нарастает его многовариантность.

Отрыв самых передовых стран от развивающихся заметно увеличился. Если в 60-е годы все государства (исключая, разумеется, социалистическую систему) находились на разных этапах эволюции капитализма, то теперь между ними вновь возник стадийный разрыв. Перенос элементов нового строя в капиталистические или полукapиталистические страны стал практически невозможен, так как для подобной «трансплантации» требуются высокий уровень развития и комплексность. Иными словами, стадийный разрыв

между новым строем и капитализмом на периферии может сохраняться дольше, чем между капитализмом и традиционным обществом. Пока единая мировая капиталистическая система не сложилась. Она стала более дробной и неоднородной, на что указывает не только анализ социально-экономических параметров. Мир делится теперь не на две части - индустриальную и продовольственно-сырьевую, а на три — постиндустриальную, индустриальную и продовольственно-сырьевую.

Глобализация продолжает процесс международного разделения труда, выступающий, в свою очередь, ее важнейшей составной частью. Большинству стран участие в международном разделении труда позволяет оптимизировать структуру национальной экономики и получать осязаемые выгоды, и потому этот процесс будет и впредь углубляться и совершенствоваться независимо от воли и политики правительств и государств.

Рубеж между той частью мира, в которой всё чаще задумываются о возможном отказе от суверенитета, и той, где особое внимание уделяется его восстановлению и укреплению, одновременно во все большей мере превращается в границу между сообществами государств состоявшихся и несостоявшихся. Раскол существующей цивилизации становится одной из определяющих черт нашего времени. Демографический взрыв в Третьем мире увеличил численность населения несостоявшихся государств и усугубил их положение. Правда, отдельные страны, такие, например, как Китай и Индия, сумели, проводя разумную политику, воспользоваться преимуществами глобализации и стать на путь устойчивого развития. Однако значительная часть государств, находящихся вне пределов территории, обозначаемой как «расширенный Запад» (*extended West*), являются источниками большинства нынешних глобальных проблем — политических, социальных, экономических и даже экологических.

В последнее время даже отечественные ученые предлагают отказаться от комплекса «вины» за колониальную политику, проводившуюся в прошлом

великими державами. Как сейчас констатируется длительность колониальной зависимости определяет сегодня факторы экономического и социального прогресса бывших колоний. При всей своей противоречивости европейское колониальное присутствие в Азии, Африке и Латинской Америке способствовало ознакомлению местного населения с новыми технологиями, освоению более совершенных методов организации труда, повышению образовательного уровня, приобщению к элементам европейских ценностей. Там, где период колонизации был достаточно длительным, а уровень цивилизационного развития до прихода европейцев - относительно высоким, последствия оказались скорее положительными (например, Индия или Малайзия). Там же, где колонизация была слишком кратковременной, чтобы ее позитивные стороны могли породить устойчивый эффект, европейская цивилизация не прижилась, а примитивные культуры в значительной степени подверглись разрушению (так произошло в большинстве стран тропической Африки). В подобной ситуации на первый план вышли негативные стороны колониального присутствия. Враждебность к колонизаторам и бедность местных культурных традиций воплотились в усилиях по созданию так называемой «новой идентичности» - деградирующей, показной и в большинстве случаев основанной на диктатуре.

Низкий человеческий потенциал падающих или несостоявшихся государств, авторитаризм их правителей, а также и порожденное глобализацией серьезное обесценение ресурсов при одновременном возрастании значения технологий и знаний сводят к нулю шансы самостоятельного развития этих стран. Более того, гуманитарная помощь, оказываемая западными странами, как правило, развращает население и власти падающих или несостоявшихся государств, не способствуя модернизации их экономик и общественных структур, порождая иждивенчество и коррупцию. Похожий эффект вероятен и в случае предоставления этим странам каких-то специальных торговых преференций. Все дело в том, что основу их экспорта составляют сырьевые

товары, а история не знает примеров успешной структурной перестройки сырьевых экономик в условиях высоких мировых цен на ресурсы (на примере собственной страны мы видим, насколько опасен комплекс «получателя гуманитарной помощи», не говоря уже о нефтяной зависимости, схожей с наркотической).

Бросаются в глаза непреодолимая отсталость этих регионов, стагнация и даже деградация человеческого капитала, безрассудство и безответственность властных элит, готовых винить в своих бедах кого угодно, но только не собственные некомпетентность, корыстолюбие и коррумпированность. Эта часть «периферии» выступает в качестве источника основных экологических проблем; здешний регресс обостряет проблему мирового неравенства; творимое здесь насилие оборачивается миллионными толпами беженцев и переселенцев; дезориентированные молодые поколения становятся благодатной питательной средой для распространения экстремистских и террористических идей.

Последние десятилетия богаты примерами неприятия западных ценностей и образа жизни в развивающихся странах, стремящихся замкнуться в своей отсталости. Подобные примеры особенно многочисленны в Африке и Азии, но весьма заметны и на территории бывшего Советского Союза: среднеазиатские (ныне центральноазиатские) республики, жившие на протяжении десятилетий за счет ресурсов, технологий и интеллектуального капитала России, сегодня представляют собой сырьевые экономики с полуфеодальной политической системой. Губительные попытки отвергнуть ценности современной цивилизации, стремление к самоизоляции характерны и для части российского правящего класса.

С того времени, когда государства Юга получили политический суверенитет, они пытались организованно противостоять Северу. Однако по мере структурной перестройки его экономики и втягивания большинства стран Юга в новое международное разделение труда противостояние ослабевало, а

главное, утрачивало свой организованный характер. Можно предполагать, что противоречие между Севером и Югом вряд ли станет базовым для нашей эпохи.

ЧАСТЬ 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Международные отношения приобретают глобальный характер, начиная с эпохи Великих географических открытий¹⁸². На смену средневековому династическому принципу регулирования международных отношений приходит межгосударственный принцип, в основу которого положены системность отношений, суверенитет государств («международный концерт суверенных государств») и регулирование через инструменты международного права (возникновение Вестфальской системы международных отношений во второй половине XVII в.).

Европоцентрический характер международных отношений доминирует вплоть до конца второй мировой войны. С конца второй мировой войны и до настоящего времени наиболее влиятельной является «атлантическая доминанта».

Идеологическая составляющая систем международных отношений может быть типологизирована следующим образом: XVII-XIX вв.: идеологическое противоборство абсолютистских (монархических) и буржуазных режимов; 1917 – 1991 гг.: противоборство либеральных и тоталитарных проектов мироустройства; с 1991 г. - контуры «новой эпохи противостояния (НЭП)» (С. Караганов): «неполярный мир» (Дж. Чипман), «конфликт цивилизаций» (С.

---

¹⁸² Di Nolfo E. Prima lezione di storia delle relazioni internazionali. Ed. Laterza, 2006. P. 4.

Хантингтон), «соперничество либерализма и современного абсолютизма» (Р. Кейган) и др.

Ганс Биннендижк, директор Института национальных стратегических исследований при Университете национальной обороны выделяет шесть исторических систем международных отношений.

Первая система функционировала в период между Утрехтским договором (1713 г.) и битвой при Ватерлоо (1815 г.), которую он обозначает как «свободный баланс сил» в рамках многополярности.

Вторая система действовала в период между Венским конгрессом (1815 г.) до Крымской войны (1853-1855 гг.), которая также основывалась на балансе сил, но уже с обозначенным балансиrom – Великобританией, а также с намечающейся неоформленной биполярностью (на Западе – Франция, Великобритания; на Востоке – Россия, Пруссия, Австрия).

Третья система возникла в период между Крымской и первой мировой войной. Началась она с многополярности, а закончилась к началу 1900-х гг. жесткой биполярной блоковой системой (имеются в виду страны Антанты, с одной стороны, державы Альянса – с другой).

Четвертая система действовала в период между двумя мировыми войнами. Этот период не был ни многополярным, ни биполярным, ни однополярным.

Пятая система – период холодной войны, которая поначалу проявила себя как «ранняя многополярность», вскоре превратившись в «фундаментальную биполярность».

Наконец, шестая система возникла после окончания холодной войны. Эту систему пока трудно охарактеризовать. Как иронизирует американский

политолог С. Хоффман, если не знаешь, как назвать систему, ее называют «после» (post). В данном случае - «постбиполярной» системой¹⁸³.

В современных политических науках также утвердилось более емкое понятие «Вестфальский мир», применяемое к оценке длительного периода международных отношений, начиная с 1648 г., когда была подведена черта под Тридцатилетней войной. Под «Вестфальским» подразумевается мировой порядок, который базируется на главенстве государственного суверенитета и универсального международного права. Происходит переход от систем межгосударственных отношений, опирающихся на связи и взаимоотношения между династиями, к отношениям между суверенными национальными государствами. Принятая в результате Мюнстерского и Оснабрюкского договоров формула, выведенная латинским языком как *cuius regio eius religio* ( ), имела достаточно широкий набор интерпретаций, в т.ч. рассматривалась как право светской власти добиваться общественного единообразия. Так, наряду с формализованными институтами в Вестфальской системе формируется представление о политико-духовной универсальности мира, основанного на совпадении интересов и поведения. В рамках Утрехтского договора 1713 г. сформировались принципы баланса сил. Инструментами, регулирующими новый мировой порядок стали союзы и спонтанные или прагматические коалиции, которые выступали против гегемонии одних государств над другими. После Венского конгресса 1815 г. сложился новый институциональный механизм управления мировым порядком в виде «концерта великих держав». На века был установлен принцип «невмешательства» во внутренние дела как базовый элемент международного права, выраженный формулой *superiorem non recognoscens* ( ). Несмотря на введение различия между войнами «справедливыми» и «несправедливыми», приоритет отдавался «гибкости дипломатического урегулирования». Международное право

---

¹⁸³ Арин О. Двадцать первый век. С. 27-28.

регулировало объявление войны, статус нейтралитета, мирные переговоры и заключение мира. Таким образом, была преодолена многовековая международная анархия, которая не исключала возможностей возникновения войн¹⁸⁴.

Конечно, вышесказанное обобщает типологические черты Вестфальской системы и «спрямляет углы», в которых можно обнаружить наполеоновскую экспансию буржуазных идеалов, попытки немцев изменить неудачный для ход первой мировой войны через поддержку большевистской революции в России.

В Европе накануне первой мировой войны наряду с пацифистскими ценностями в равной, а, может быть, и в большей мере распространялись милитаристские и человеконенавистнические идеи.

После окончания первой мировой войны в процессе формирования Версальского мира была создана одна из наиболее институционализированных международных организаций поддержания международного мира и безопасности Лига Наций. Впервые в ее работе приняли участие неевропейские государства, привнесшие с собой иные, незападные цивилизационные ценности. Новая международная организация осуществляла беспрецедентное регулирование международного порядка. Тем не менее, межвоенный период продлился всего лишь два десятилетия.

В короткий исторический отрезок времени, всего два десятилетия, отделявшие первую от второй мировой войн, произошли события, которые кардинальным образом изменили мировую политику и систему международных отношений.

Во-первых, несмотря на формальный уход США из Версальской системы становилось очевидным, что мир переставал быть европоцентричным.

---

¹⁸⁴ Chilardi F. Il sistema internazionale postwestfaliano. Crisi, trasformazioni e prospettive rivoluzionarie. Milano: Franco Angeli 2007. P. 19-25.

Начавшийся с «черного вторника» 29 октября 1929 г. на американской бирже на Уолл-стрит глобальный экономический кризис реально показал, куда сместился центр деловой жизни из Европы.

Во-вторых, на формирование в межвоенный период «века идеологий» и идеологическое противостояние между либеральной рыночной демократией и тоталитарными коллективистскими системами в большей мере повлияло противостояние между США и Европой, чем внутриевропейское противоборство.

В-третьих, самоисключение США из решительного участия в мировых делах, что соответствовало бы статусу США как новой мировой державы, негативно сказалось на стабильности Версальской системы. Многополярная система, возникшая в 20-е и 30-е годы, перерастет в мировую войну, еще более разрушительную, чем предшествующая.

Но двадцатилетие 1919-1939 - это также период, в который начала создаваться форма и приобретаться содержание того «века идеологий», который приведет к столкновению между либерально-демократическими рыночными системами и тоталитарными коллективистскими системами.

Мировой порядок рухнул под натиском вооруженной борьбы за «большие экономические пространства» (*доктрина Монро США, Британское Содружество Наций, германский Lebensraum, итальянское Spazio vitale* и др.). И это несмотря на попытки, например, британского капитала интегрировать крупные германские отраслевые компании в международную систему преференций¹⁸⁵. В связи с кризисом 1936 г., когда германские войска в нарушение Рейнскую демилитаризованную зону перед Великобританией встал непростой выбор – объявить Германии санкции и тем самым защитить международную безопасность или защитить британский фунт стерлингов и

---

¹⁸⁵ D'Agata R. Da Monaco a Bretton Woods. L'evoluzione transnazionale degli interessi e degli scopi. Milano: Franco Angeli, 1989. P.80.

роль Лондона как мирового финансового центра. Британское руководство предпочло занять вторую позицию¹⁸⁶.

Но, как исследует далее итальянский автор Р. Д'Агата, эта оценка является верной, но все-таки достаточно упрощенной. В канун Мюнхенского соглашения 1938 г. британское руководство предпринимало попытки вовлечь нацистскую Германию в «разграничение сфер интересов между крупнейшими экономическими державами – Британской империей, США и Германией – на мировом рынке с целью избежать вооруженной борьбы за рынки торговли и источники сырья»¹⁸⁷.

При выработке американских планов нового послевоенного мирового порядка были предприняты попытки преодолеть недостатки мирового порядка эпохи Лиги Наций и распространить международное регулирование на уровни: ценностный, политический, финансовый, экономический и международную торговлю.

Общие ценностные принципы отношений Объединенных Наций были первоначально обоснованы в Атлантической хартии, подписанной Президентом США Ф. Рузвельтом и Премьер-министром Великобритании У. Черчиллем 14 августа 1941 г., а затем разработаны во Всеобщей Декларации прав человека и других документах под эгидой ООН.

Политические инструменты управления мировым порядком были в достаточной мере реализованы в проекте ООН и ее институтов.

В связи с формированием военно-политического противостояния между СССР и США проекты создания военных инструментов поддержания международной безопасности Объединенных Наций так и не были реализованы в том виде, в котором замышлялись. В годы холодной войны ООН

---

¹⁸⁶ Ibid. P.88.

¹⁸⁷ Ibid. P. 102-103.

неоднократно выполняла свою модераторскую роль, препятствуя превращению биполярного противостояния в «горячую» войну. Тем не менее, ООН не смогла добиться создания эффективной системы коллективной безопасности, сформировать международные вооруженные силы, способные не только поддерживать, но и навязывать мир, предотвращать конфликты, противодействовать распространению оружия массового уничтожения (ОМУ). За всю историю ООН решения Совета Безопасности лишь трижды (в Корее в 1953 году, в Конго в начале 1960-х и в Кувейте в 1990-м) воплотились в конкретные действия по наказанию агрессора.

Что касается международной торговли, финансовых и экономических принципов отношений, то их основы были разработаны на Бреттон-Вудской конференции и последующих международных встречах. Многие из бреттон-вудских инструментов регулирования используются вплоть до настоящего времени.

Ялтинская система (подсистема, если мы говорим о ней в вестфальском контексте) создавалась как кондоминиум четырех держав, взявших на себя ответственность за поддержание мира после второй мировой войны.

Во второй половине XX века радикально изменились как сама система международных отношений, так и традиционные представления о базовых принципах ее организации. Итогом Второй мировой войны, самого масштабного вооруженного конфликта в истории человечества, стало противостояние коммунизма и капиталистического мира, основанное на принципе баланса сил. Сложившаяся биполярная система породила и своеобразный баланс слабости: стремясь заручиться как можно большей поддержкой, каждая из сторон закрывала глаза на недостатки и даже пороки своих союзников¹⁸⁸.

---

¹⁸⁸ Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века//Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 8-26.

Соперничая не только друг с другом, но и с традиционными колониальными державами, Соединенные Штаты и Советский Союз содействовали деколонизации и, не останавливаясь перед выхолащиванием смысла понятия «суверенитет», способствовали распространению принципа суверенитета на мировую периферию. В период становления биполярного мира (1947—1962) к пятидесяти независимым странам, существовавшим к концу Второй мировой войны, присоединились еще сто «суверенных» государств, большинство из которых вряд ли имели право и основания считать себя таковыми. Однако реалистично оценить Третий мир, стремительно образовавшийся рядом с Первым миром и Вторым, не позволяли принципы «политической корректности» послевоенной эпохи. Среди них выделялись постулаты, провозглашавшие «право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания национального государства», а также «незыблемость государственного суверенитета».

Принцип суверенитета, использовавшийся в качестве оружия в противоборстве сверхдержав, не был отброшен и после победы одной из них. За время распада биполярной системы (1989—1998) мировое сообщество пополнилось еще несколькими десятками «суверенных» субъектов, степень жизнеспособности многих из которых еще предстоит определить. При этом выигравшие холодную войну Соединенные Штаты, как адепт свободы, демократии и прав человека, привнесли в мировую политику новые «политкорректные» постулаты, провозглашавшие демократию панацеей при решении всех социальных и экономических проблем и ставившие во главу угла «демократизацию мирового порядка».

Ялтинская система и ее институты выдержали испытание холодной войной и постбиполярным периодом американского гегемонизма и в настоящее время претерпевают мирную (!) трансформацию в новую модель глобального управления.

Впервые именно после второй мировой войны система европейских государств стала подсистемой внутри мировой политической системы, хотя и самой важной подсистемой. В глазах «не белых» народов холодная война выглядела как внутренний гражданский конфликт западной цивилизации в широком смысле этого термина.

Это была «новая» система еще и потому, что в первый раз появилось оружие с характеристиками неограниченного уничтожения масс, использование которого стало возможным. Война, один из обычных способов исторического перехода из одного равновесия в другое, стала невозможной.

Геополитический порядок 1945—1991 годов был возведен и существовал на основе следующих трех связанных в систему стратегических элементов: 1) глобальное противоборство двух разноконтинентальных сверхдержав — американской и евро-азиатской; 2) ядерный паритет сверхдержавной силы; 3) трансатлантический военно-политический союз, который обеспечил Соединенным Штатам важнейший плацдарм в Старом Свете, компенсировавший ресурсную ограниченность их собственной геостратегической базы и уравнивавший шансы США в 40-летней холодной войне с «осевым» государством Великого континента¹⁸⁹.

Алексей Арбатов справедливо критикует исследователей, которые ассоциируют биполярную систему со стабильностью. «Почти сорок лет мир жил в постоянном страхе перед всеобщей термоядерной войной в результате внезапной агрессии противника, неуправляемой эскалации кризиса либо технического сбоя. Как минимум, четырежды великие державы невольно подходили к грани ядерной войны (1957, 1961, 1962, 1973), причем однажды эту черту почти переступили – во время Карибского кризиса в октябре 1962-го»¹⁹⁰. Арбатов пишет, что на самом деле не было никакого совместного

¹⁸⁹ Максименко В.И. Соблазн и иллюзия глобального управления//Pro et Contra. Т. 7. № 4. Осень 2002.

¹⁹⁰ Арбатов А. Не разбрасывать камни в стеклянном доме// Россия в глобальной политике. 2008. Т.6.№ 3. С.184.

управления миром сверхдержавами. Просто существовали негласно признанные «сферы влияния» в Европе и на Дальнем Востоке, а в остальных частях света ужас перед ядерной катастрофой заставлял обе стороны избегать прямого столкновения в их геополитическом соперничестве. За этот период произошли десятки крупных региональных и локальных конфликтов, унесших жизни более двадцати миллионов человек. «...Управляемость в период холодной войны – это скорее миф, чем реальность», - заключает А. Арбатов¹⁹¹.

Глубокой теоретической систематизацией сценария холодной войны остается сценарий, представленный в работе, написанной как раз в середине этого периода Раймондом Ароном. В своей книге «Мир и война между нациями», вышедшей в 1962 г. французский ученый классифицирует международные политические системы на основе двух характеристик: во-первых, распространения силы, во-вторых, идеологической однородности или неоднородности полюсов. Арон утверждает, что все системы построены на основе количества значимых (в смысле силы) действующих лиц и игры их союзов. Сила может быть определена по-разному, и элементы, входящие в ее состав, меняются в зависимости от исторических эпох. Например, в древности нередко воинственные народы были менее богатыми по сравнению с их соседями.

Что касается современности, то роль технологий является ведущей при определении силы действующих лиц. В этом смысле достаточно представить мощь Соединенных Штатов через такие показатели, как занимаемое место в инновационных технологиях, запатентованных достижениях в области высоких технологий.

Современный период часто называется «поствестфальским», поскольку эрозии подвергаются главные основания Вестфальской системы – суверенитет и отношения, базирующиеся на главенстве международного права. Как бы ни

---

¹⁹¹ Там же. С. 184.

преувеличивалась роль США их влияние на современные международные процессы, формирование нового мирового порядка будет происходить под влиянием не одного, а множества факторов. Никогда еще ранее на формирование нового мирового порядка не оказывалось столь разнообразного воздействия взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов и акторов международного влияния, как в настоящее время. Например, впервые формирование мирового порядка происходит в условиях отсутствия, безусловно довлеющей ценностной доминанты.

Примеры неприятия западных ценностей и образа жизни особенно многочисленны в Африке и Азии, заметны на территории бывшего Советского Союза. Среднеазиатские (ныне центральноазиатские) республики, жившие на протяжении десятилетий за счет ресурсов, технологий и интеллектуального капитала России, сегодня представляют собой сырьевые экономики с полуфеодальной политической системой. Значительная часть государств, находящихся вне пределов территории, обозначаемой как «расширенный Запад» (extended West), являются источниками большинства нынешних глобальных проблем – политических, социальных, экономических и даже экологических.

Губительные попытки отвергнуть ценности современной цивилизации, стремление к самоизоляции характерны и для части российского политического класса. Даже советские руководители не допускали столь резких выступлений против демократических ценностей, зафиксированных в документах Объединенных Наций, Совета Европы, ОБСЕ и др., как это позволяют себе некоторые представители современной российской политической элиты. При этом доминируют теории, доказывающие, что наиболее высокую динамику экономического развития демонстрируют сегодня страны с авторитарным политическим устройством.

Опыт небольшого числа «новых промышленных стран», вырвавшихся из западни экономической деградации, также свидетельствует о том, что в

современном мире единственный способ достичь хозяйственного успеха – это принять порожденные глобальной экономикой правила игры и взять курс на интеграцию в сообщество государств, разделяющих идеалы и ценности западной цивилизации.

Созданная в период холодной войны система союзов, сдержек и противовесов во многом рухнула. Прежняя «интегральная» концепция суверенитета постепенно начинает уступать место принципу «ограниченного» суверенитета, основанному на делегировании ряда полномочий и функций наднациональным органам (например, взаимоотношения в рамках Европейского союза).

Управление протекающими в рискованных частях мира процессами, установление над ними минимального контроля – залог укрепления столь необходимой для мирового развития политической стабильности. Это позволит модернизировать сами отстающие страны и регионы, снизить глобальную напряженность, заполнить «вакуум безопасности», а также осуществить давно назревшее реформирование унаследованной от холодной войны системы международных отношений.

Создается впечатление, что политическая элита США оказалась интеллектуально и политически неготовой к исполнению роли мирового гегемона, правящие круги США, безусловного современного мирового гегемона и лидера западного мира, не до конца осознают свою ответственную роль, не имеют определенного плана глобального управления, зачастую действуют спонтанно в ущерб как собственным, так и международным интересам.

В этом плане объединенная Европа демонстрирует новый вариант экспансионистской политики – пожалуй, наиболее эффективный и социально приемлемый из всех, какие только знала история.

Вплоть до сегодняшнего дня контуры нового мира продолжают оставаться неопределенными. Ниже пойдет речь о вариантах нового порядка или, если быть точнее, об отдельных конструкциях мирового порядка XXI века, не всем из которых будет суждено реализоваться на практике.

Превращение **Совета Безопасности ООН** в мировое правительство блокировано полным отсутствием согласия по важным конкретным проблемам в комбинации с принципом вето в его уставе. СБ так и не вышел за пределы института, фиксирующего всемирную «вестфальскую» систему: в плане дипломатии он продолжает традицию мирных конференций в Ялте и Потсдаме. Бессилие Совета Безопасности усугубилось и тем, что в оппозиции к нему оказалась Генеральная Ассамблея с ее парализующим большинством стран «третьего мира».

Ни саммиты, ни Совет Безопасности, ни бреттон-вудские институты (Всемирный банк, МВФ, ВТО) не могут стать и, видимо, никогда не станут руководящими центрами всемирного сообщества, даже если бы остальной мир был готов им подчиниться. Разве что они могли добиться этого если бы были достаточно едины. Не следует думать, однако, что на этом пути так никогда ничего и не оформится. Идут экспериментальные поиски оптимального всемирно-имперского режима с сильным правительством во главе. И их не остановит сложившееся мнение, что они будто бы бесперспективны. Современные государства тоже сформировались не сразу, начинаясь как ведомства по ведению и финансированию войн. Максимально широкой компетенции они достигли в социал-демократические времена, теперь же их прерогативы снова сужаются, а специализация постепенно обновляется. Всемирный имперский клуб меняет состав, дублируется другими клубами, нащупывает компетенцию и пути из виртуальности в реальность. Сохранение мира для возникновения центрального органа глобального управления не худшая причина, чем было в свое время ведение войны. Но также совсем не

обязательно, что именно на этой основе зародится формальное всемирное правительство¹⁹².

22 марта 2002 г. в городе Монтеррей в Мексике завершился проходивший в рамках ООН международный форум, посвященный финансовой помощи развивающимся странам, который, по сути дела, официально оформил новую, постсентябрьскую доктрину отношений Запада со странами третьего мира, новую доктрину глобализации и общественного прогресса¹⁹³. Доктрина вырабатывалась на протяжении всего последнего десятилетия XX века. В Монтеррее Запад предложил не-Западу новый общественный договор – «Монтеррейский консенсус». Концепцию доктрины можно свести к следующему: Запад осознает, что его собственная безопасность находится в зависимости от решения проблемы безнадежного отставания развивающихся стран. Сама по себе такая постановка проблемы не является чем-то новым. Новизна подходов заключается в признании очевидного факта, что глобализация автоматически не решила проблемы отставания развивающихся стран. В 90-х гг. на Западе возобладал подход, согласно которому прямая финансовая помощь является злом, развращая народы и правительства. В эпоху глобализации и свободной торговли, страны третьего мира могут и должны помочь самим себе, интегрируясь в мировую экономику - сначала производя дешевый ширпотреб, но постепенно поднимая уровень своей экономики и сложность производств.

Такой подход предполагал открытие странами Запада своих рынков для дешевой продукции из развивающихся стран (причем речь шла о базовых и наиболее социально чувствительных отраслях – сельском хозяйстве, текстиле, черных металлах). Решив во всем полагаться на глобализацию, Запад сразу же столкнулся с фундаментальным противоречием между стремлениями добиться

---

¹⁹² Кустарев А.

¹⁹³ Федюкин И. Монтеррейский консенсус// <http://www.polit.ru/documents/476633.html.25.03.2002;27.03.2002>.

в развивающихся странах, с одной стороны, экономического прогресса, а с другой – прогресса социального. Дилемма была проста: либо на индонезийской фабрике швеям мало платят и заставляют их много работать в нарушение западных социальных стандартов, либо Индонезии навязывают западные стандарты прав человека, но в этом случае фабрика становится экономически нерентабельной. Стандартная теория объясняла это противоречие болезнью роста: когда-нибудь уровень экономического развития в Индонезии поднимется настолько, что неизбежно подтянет за собой социально-политические нормы и гарантии.

По сути дела, саммит в Монтеррее возвел в ранг официальной западной доктрины новую теорию развития, снимающую это противоречие. «Монтеррейский консенсус» назван по аналогии с «Вашингтонским консенсусом», который в 80-х годах утвердил неолиберальный подход к экономическому развитию, лежавший, кстати, в основе идеологии российских реформ. С одной стороны, новый «консенсус» поддерживает веру в позитивное значение глобализации. Страны Запада обещают открыть свои рынки для товаров из третьих стран, особенно сельхозпродукции. С другой стороны, увеличивается объем прямой финансовой помощи, но на определенных условиях.

По словам мексиканского президента, Винсенте Фокса, «конференция стремится поддержать стратегии и институты (в развивающихся странах), необходимые для мобилизации внутренних ресурсов и привлечения иностранных инвесторов, подчеркивая, что именно развивающиеся страны в первую очередь ответственны за проведение разумной экономической политики, усиление власти закона, создание честной и беспристрастной судебной системы». Западные (и особенно американские) лидеры прямо заявляют, что теперь помощь будет выделяться только тем правительствам, которые последовательно проводят в своих странах политические реформы.

Таким образом, именно *слабость государства* признается сегодня главным препятствием на пути экономического роста, и развивающимся странам настоятельно предлагается «укрепить властную вертикаль».

По мнению Игоря Федюкина, «в значительной степени новая стратегия развития основана именно на уроках российских реформ»¹⁹⁴. В середине 1990-х западные эксперты пришли к выводу, что в России слишком полагались на «невидимую руку» рынка и недостаточно делали для формирования институциональной базы капитализма, борьбы с коррупцией и т.д.

Государственный подход к борьбе с бедностью признается реалистичным во многих отношениях. Во-первых, он снимает уже упомянутое противоречие между борьбой за экономическое развитие и борьбой за социально-политический прогресс. Во-вторых, глобальная бедность как бы разбивается на множество отдельных бедностей - нигерийских, цейлонских, колумбийских, - бороться с которыми можно по очереди. К тому же, объявив государственность фундаментом международного развития, страны Запада приняли на себя довольно существенные обязательства – ибо коррумпированность и неэффективность того или иного режима не является более его внутренним делом. Борьба с бедностью (и анархией) перестала быть родом добровольной государственной филантропии – Запад фактически *обязался* побороть бедность. В этом и состоит принципиальное отличие нынешней (третьей с окончания II мировой войны) попытки победить глобальную бедность и нестабильность. Две предыдущие закончились неудачей.

Новый подход делает неизбежным глубокий пересмотр самой концепции государственного суверенитета, которая лежит сегодня в основе системы международных отношений. По сути, принципу незыблемости и неограниченности государственного суверенитета, каким он был известен во второй половине XX века, в новом столетии места не находится.

---

¹⁹⁴ Там же.

После 11 сентября 2001 г. центральным в новой американской стратегии построения безопасного мира является понятие *неудавшихся государств* (*failed states*). Речь идет о странах вроде Афганистана, Сомали или Йемена, где государство распалось и не может поддерживать порядок, а потому становится источником терроризма, наркоторговли или незаконной миграции. В этом смысле пресловутые государства-изгои (*rogue states*) - это лишь одна из форм *неудавшихся государств*. По мнению бывшего британского министра иностранных дел Джека Стро появление таких государств было связано с неэффективностью Ялтинского мира, который абсолютизировал государственный суверенитет¹⁹⁵. Гипотетически можно было бы такие государства «закрыть».

Содержание «Монтеррейского консенсуса» и иракская война 2003 г. показывают, что Запад намеревается осуществлять комбинированные подходы к проблеме суверенитета: от жесткой интервенции с целью устранения «государства-изгоя», как это случилось в отношении режима Саддама Хусейна, до определенной «Монтеррейским консенсусом» перспективы «гуманитарных интервенций». Таким образом, охранение принципа незыблемости суверенитета неизбежно означает отмену принципа неограниченности суверенитета: реконструировать *failed states* можно только грубо нарушая их суверенитет, вводя на их территорию войска, навязывая им выборы и западную модель политического устройства. Более того, увязывая финансовую помощь с политическими реформами, Запад фактически не оставляет странам третьего мира выбора: в перспективе те из них, которые откажутся от таких реформ (а значит, и от финансовой помощи), будут объявлены *failed states*.

Как справедливо отмечает И. Федюкин, если под ответственностью Запада будет находиться 5-20 афганистанов, то у Запада может не хватить ресурсов для модернизации этих государств.

---

¹⁹⁵ Там же.

Для разработки международных правовых норм новой международной практики предлагается ввести процедуру суверенного банкротства — по аналогии с банкротством разорившихся корпораций и возможность введения внешнего управления. Выработка (или невыработка) такого механизма внешнего управления и будет составлять в ближайшие десятилетия главную интригу в международных отношениях, считает И. Федюкин¹⁹⁶.

Зародышем коллективно-имперского порядка можно считать G8 и некоторые ее вариации. Это — институт, хотя и очень слабо формализованный. Как и многие другие институты мирового сообщества, он возник в результате хронических переговорных процессов. В его деятельности просматривается имитация работы всемирно-имперского правительства, и хотя у него нет мандата, он все-таки имеет некоторый опыт политического управления делами во всем мире. В разное время решения G8 (G7 до включения России в эту организацию в 1998 году) помогли реформировать Всемирный банк (1995), облегчить долг бедных стран (1999), создать всемирный фонд для борьбы с инфекциями (2001). Имеются конкретные положительные результаты в области образования и даже в борьбе с бедностью. Таким образом, G8 является чем-то вроде института всемирного стратегического планирования, диктует глобальную повестку дня. Ее формулируют сами участники «восьмерки», причем каждый раз большее влияние на нее, чем другие, оказывает «хозяин» совещания. Вашингтон в свое время предпочел обсуждать урегулирование на Ближнем Востоке. Лондон сделал выбор в пользу Африки и климата. Москва поставила во главу угла мировую энергетику, подняв проблему «энергетической безопасности». На встрече «восьмерки» в Японии в 2008 г. в повестку дня были включены проблемы глобального климата, цен на нефть и продовольствие, борьбы с бедностью, а также кредитным кризисом.

---

¹⁹⁶ Там же.

«Восьмерка» реально воздействует на гуманитарно-филантропическую сферу. Но она никак не поспособствовала реализации соглашения о либерализации всемирной торговли сельскохозяйственной продукцией (так называемый Доха-раунд) или сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу (Киотский протокол). Не смогла она решить проблемы всемирного платежного дисбаланса, в котором многие эксперты видят главную угрозу стабильному развитию мировой экономики. Это, кстати, указывает на то, что саммиты не имеют реального влияния на регулирование хозяйственной сферы мирового сообщества и, прежде, всего на регулирование финансовых потоков.

Не случайно директор-распорядитель МВФ (тогда это был Родриго де Рато) получил полномочия собирать совещания «тяжеловесов» для обсуждения глобальных проблем. На первое такое совещание были приглашены США, Евросоюз, Китай, Саудовская Аравия и Япония. Они имеют прямое отношение к мировому платежному дисбалансу, где у США огромный долг, а у всех остальных, наоборот, сундуки ломятся от сбережений. В рамках МВФ существует еще и «группа десяти» (G10). Другие влиятельные клубы богатых стран — Организация экономического сотрудничества и развития, надзирающая за состоянием мировой экономики и дающая стратегические рекомендации, и Basle Committee, занятый мониторингом банковской индустрии.

Есть одна сфера, где «восьмерка» могла бы стать весьма функциональной. Это обостряющаяся проблема нераспространения ядерного оружия. Ядерные технологии становятся общедоступными. Амбициозных охотников заполучить их все больше. И это не только государства. К тому же будет невероятно трудно сдержать развитие атомной энергетики, учитывая надвигающийся всемирный энергетический кризис. Во всех странах, некогда заморозивших свои ядерно-энергетические программы, поговаривают об их реанимации. Неизбежна в этих условиях и добровольная передача ядерных технологий. Атомное оружие уже оказалось фактически доступным для нескольких стран

(Израиль, Индия, Пакистан) за пределами первоначального ядерного клуба, и в этих условиях все труднее будет убеждать других соискателей, что им нельзя то, что, как оказалось, можно другим.

Не исключено, что именно в этой сфере G8 могла бы превратиться в настоящего «хозяина» в мире, воплотив свое влияние в более рабочую и официальную функцию, его участники, объединив усилия, могли бы лучше, чем кто-либо другой, разработать и претворить в жизнь новые формы контроля над ядерной технологией — более эффективные в изменившихся условиях.

На примере «восьмерки» хорошо видно, что мешает образованию коллективной метрополии мира как империи. Легитимный институт господства возникает и сохраняется там, где он, во-первых, имеет шанс на согласие общества предоставить ему монополию на решение проблемы любыми средствами. А также там, где, во-вторых, он может сохранить внутреннее единство. И наконец, в-третьих, если у него есть техническая возможность добиться своих целей. То есть он возникает на основе и для решения задачи, которую нельзя решить кроме как усилиями единого и технически оснащенного централизованного руководства. Проблема ядерного оружия — подходящая функция для возникновения на ее основе мирового правительства имперского типа, то есть с монополией на принуждение. G8 для этого достаточно оснащена. Остается обеспечить безусловное единство участников клуба и его легитимность. Единства, несмотря на некоторую непредсказуемость России, еще как-то можно было бы достигнуть. Но с легитимностью дело обстоит намного хуже. «Восьмерка» выдвинула несколько инициатив в этом направлении, однако участие в них остается добровольным.

Выше упоминалось международное мероприятие под названием Доха раунд, или Раунд развития (*Doha Development Agenda*). Это был первый раунд многосторонних торговых переговоров министров стран-членов в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) в столице Катара в ноябре 2001 г. В 2003 г. и 2005 г. состоялись еще две встречи министров иностранных дел.

Декларацией Министерской конференции в Дохе в программу переговоров были включены вопросы, связанные с развитием, уточнением и дополнением действующих соглашений ВТО, а также традиционные вопросы снижения торговых барьеров. Кроме того, в повестку дня входили: сельское хозяйство, торговля услугами, доступ на рынок несельскохозяйственной продукции, связанные с торговлей аспекты защиты прав интеллектуальной собственности, инвестиционные меры, конкурентная политика и еще ряд направлений. Противоречивость интересов членов ВТО сводится к тому, что страны стремятся открыть для себя рынки торговых партнеров, одновременно не торопясь либерализовать свои. Такая позиция объясняется тем, что определенные секторы по разным причинам оказываются чувствительными как для развитых, так и развивающихся стран¹⁹⁷.

Например, по этим причинам были сорваны сроки открытия рынков при выполнении соглашения по текстилю и одежде, а предполагаемый график снижения уровня внутренней поддержки и экспортных субсидий сельскохозяйственным производителям не выполнен до сих пор.

Считается, что повестка Доха раунда, отражает, в первую очередь, интересы богатых государств. Так, в решении вынесенных на повестку дня так называемых сингапурских вопросов (встреча 2005 г.), в которые входили инвестирование, конкурентная политика, содействие торговле и прозрачность государственных закупок, были заинтересованы, прежде всего, развитые страны. Дальнейшая либерализация торговли услугами и усиление защиты прав интеллектуальной собственности также отвечала их интересам.

Проведенные Доха раунды свидетельствуют о возрастающей роли развивающихся стран в процессе глобального управления. Это связано как с наличием в документах ВТО положений, посвященных увеличению их роли в

---

¹⁹⁷ Трофименко О.Ю. Доха раунд: последствия для развития современной международной торговой системы// Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2007. Вып. 2. С. 125-126.

международной торговле товарами и услугами, так и с ростом активности самих стран в отстаивании своих интересов. Особенно собственные экономические интересы в переходный период, связанный с либерализацией внутреннего рынка и внешней торговли.

Наиболее эффективные производители сельскохозяйственной продукции из развивающихся стран пытаются совместными усилиями ослабить протекционистские заслоны в США, ЕС и других развитых странах. Согласованная позиция этой группы, т.н. *G20*, возглавляемой Бразилией, Индией и Китаем, заявила о себе на переговорах на всех встречах Доха раунда. Определенный компромисс в вопросах сокращения сельскохозяйственного протекционизма был найден в рамках «Июльского пакета» в августе 2004 г.¹⁹⁸.

При всей сложности нынешних международных проблем (включая финансовый кризис, дефицит энергоресурсы и потепление климата) для их решения сейчас имеются более благоприятные предпосылки, а мир стал гораздо менее опасным, чем в годы холодной войны. Оговорку следует сделать в отношении угроз распространения ракетно-ядерного оружия, международного терроризма, которые создают вероятность применения ядерного оружия третьими странами либо террористами.

Все ныне имеющиеся концепции относительно того, как в дальнейшем будет или должен эволюционировать мировой порядок, можно разделить на три большие группы.

Первую группу составляют сценарии, в основе которых осмысление мира в сравнительно привычных категориях центров силы, или «полюсов», хотя содержания этих концепций весьма (а порой и радикально) отличаются друг от друга.

---

¹⁹⁸ Там же. С. 130.

После окончания холодной войны широкое распространение (особенно в США) получила идея о том, что на планете надолго установился однополярный мир, *de facto* управляемый Америкой. Сторонники данной идеи исходят из того, что Соединенные Штаты, находящиеся в расцвете своего могущества, во все большей степени реализуют стратегию односторонних действий, а немалая часть американских политиков и экспертов воспевают мощь и величие новой Империи. Их оппоненты обращают внимание на то, что перенапряжение сил единственной сверхдержавы неизбежно. Кроме того, с подобным развитием событий не согласится большинство членов мирового сообщества, которые непременно начнут стремиться к совместному противостоянию глобальному гегемону.

По мнению многих аналитиков, в России, например, С. Караганова и В. Иноземцева, такая посылка основана на самообмане. Несмотря на то, что США являются сегодня крупнейшей экономической державой, ее относительная мощь серьезно уступает уровню конца 1940-х – начала 1950-х или начала 1920-х годов. Беспрецедентный на первый взгляд военный потенциал США на поверку оказывается крайне ограниченным, о чем свидетельствуют неудачные попытки стабилизировать ситуацию в ряде регионов планеты. Политического влияния Вашингтона также недостаточно для того, чтобы эффективно купировать самые опасные процессы в современном мире. Например, США оказались не в состоянии предотвратить обретение ядерного оружия Индией и Пакистаном и воспрепятствовать развернутой Исламабадом активной торговле компонентами ОМУ и технологиями его производства. При всем своем могуществе Америка бессильна и в том, что касается разрешения одного из ключевых конфликтов современности – арабо-израильского.

Противники американской гегемонии стремятся к созданию альтернативной модели и выступают за многополярный мир. Но такая точка зрения нереалистична и старомодна, так как современный мир невозможно свести к совокупности уравнивающих друг друга центров силы. Попытки

воссоздания противовеса Соединенным Штатам не направлены на решение новых глобальных проблем, и даже семантика самого термина «многополярность» подразумевает нацеленность не на сотрудничество, а на соперничество в международных делах. Наиболее последовательными приверженцами этой концепции являются ныне Китай и Франция.

Россия подвержена их влиянию и колеблется в определении собственного курса, что иногда сказывается в ее раздражении высокомерием Вашингтона. Однако в последнее время российские руководители предпочитают использовать термин «многовекторность», не имеющий четкой политической (и тем более антиамериканской) окраски. Такой подход отражает приверженность прагматической политике перманентного лавирования. Оно неизбежно в быстро меняющемся мире, где постоянные союзы и ориентации невозможны и даже нежелательны. Это особенно существенно для такой страны, как Россия, позиции которой ослаблены и которая к тому же оказалась на линиях разлома между богатыми и бедными странами, между переживающей упадок великой исламской цивилизацией и цивилизациями пока что более успешными. Однако многовекторность остается не столько концепцией миропорядка, сколько способом до поры до времени воздержаться от выбора.

Сколь различными ни казались бы идеи однополярного и многополярного мира, обе они базируются на общей предпосылке: каждая страна или группа стран проводит ту или иную политику, исходя из своего отношения к другим странам. Подобная идеология, по мнению В. Иноземцева и С. Караганова, кажется отжившей и малоперспективной.

Сторонники концепций, которые условно можно объединить во вторую группу, призывают отказаться от стремления к балансу сил в пользу создания некой парадигмы управляемости мира. Наиболее последовательные из них отстаивают идею мирового правительства. Однако эта идея теряет свою популярность по мере того, как увеличивается число падающих государств,

снижается роль ООН, усугубляется неспособность сторонников «вашингтонского консенсуса»¹⁹⁹ построить систему эффективного наднационального управления хотя бы в сфере международных экономических процессов, а также повсеместно нарастают националистические и сепаратистские тенденции. Единственным, но крайне важным исключением на этом фоне выступает Европейский союз. При всех очевидных проблемах (неповоротливость европейской бюрократии, несопоставимость внешнего влияния ЕС и его экономического и социального потенциала и пр.) объединенная Европа является успешным «пилотным проектом» мирового правительства.

Успех европейского эксперимента подпитывает еще одну концепцию, сторонники которой выступают за «усеченный» вариант мирового правительства, но, по сути, призывают к «отгораживанию» «центра» от «периферии». Исходя из соображений политической корректности, мало кто решается открыто сформулировать эту идею. Однако элементы такого подхода просматриваются в политике развитых стран, которые, провозглашая необходимость содействовать развитию, на деле сокращают помощь, по сути, уходят из нищающей и деградирующей Африки, преуменьшают опасности распространения ОМУ. Даже Европа, остающаяся крупнейшим источником гуманитарной помощи, все больше концентрируется на собственных проблемах и на ситуации в сопредельных государствах в ущерб своей международной

---

¹⁹⁹

Выражение «вашингтонский консенсус» было употреблено впервые в 1989 году в момент крушения советской системы американским экономистом Джоном Уильямсоном для обозначения его шести рекомендаций, предназначенных для использования государствами, желавшими реформировать свою экономику. В статье «Что понимает Вашингтон под политикой реформ» автор высказывался за налоговую дисциплину, за «конкурентоспособный» обменный курс, за либерализацию коммерции, иностранных инвестиций, приватизацию и «дерегламентирование». Руководство Всемирного банка и Международного Валютного Фонда обусловило выделение займов государствам принятию ими политики, руководствующейся вышеназванным консенсусом. Как пишет американский ученый Н. Хомский, «главными архитекторами» «вашингтонского консенсуса» являются преимущественно гигантские корпорации, контролирующие значительную часть международного хозяйства и обладающие средствами, позволяющими им как определять политику, так и формировать мысли и мнения людей.

политической активности. Эскапизм развитых стран еще более явно проявляется в курсе, проводившемся по отношению к «расширенному» Ближнему Востоку. Проблемы, которые накапливались там десятилетиями, предпочитали не замечать, как игнорировали и чудовищные войны в Африке.

Политика, основанная на подобном подходе, вряд ли может лечь в основу эффективного управления миром. Практика показывает, что отстающие страны, как правило, не способны самостоятельно выйти из пике и в них рано или поздно вызревают проблемы, выплескивающиеся во все остальные регионы, – от терроризма и распространения оружия массового уничтожения до разрушения локальных экосистем и возникновения масштабных эпидемий.

Неэффективность обеих рассмотренных концепций управляемости мира, как формирования мирового правительства, так и «отгораживания», подталкивает к разработке третьей парадигмы глобального управления. Суть ее состоит в следующем: передовые и наиболее мощные нации должны навязать неблагополучным государствам элементарный порядок. Такое управление может иметь два уровня – спорадический и коллективный.

Спорадическое управление связано с неспособностью какого-либо из государств или квазигосударств обеспечить на своей территории соблюдение минимальных прав граждан и дает основание навязать ему «внешнее управление». Оно осуществляется посредством «гуманитарной интервенции» с последующим отторжением части территории или полной оккупацией миротворческими силами (в качестве примера могут служить опыт НАТО в бывшей Югославии, действия России в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии, а также силовое вмешательство ряда европейских стран в дела их бывших колоний в Африке).

События последних десятилетий свидетельствуют о том, что странам «центра» придется все чаще использовать этот крайне неоднозначно воспринимаемый инструмент управления.

Препятствием на пути его применения является отсутствие механизма его легитимации, что порой превращает такое управление в очередной источник хаоса, соперничества и взаимных подозрений. Подобная политика должна проводиться от имени международного сообщества, возможно, через воссоздание института подопечных Организации Объединенных Наций территорий, управляемых по мандату великими державами или их группами. Пока неясно, достаточно ли влияния у сторонников этой идеи в ООН для воплощения в жизнь подобной политики. К примеру, доклад *Группы высокого уровня ООН* предлагает окончательно похоронить идею ооновского Комитета по опеке.

Коллективный вариант предполагает создание некоего нового «концерта наций», преследующего вышеописанные цели, но действующего более масштабно, а именно путем открытого доминирования в мировом сообществе группы ведущих, наиболее мощных государств. Совместно они способны диктовать мировому сообществу свою волю и противодействовать нарастанию хаоса как напрямую, так и через международные организации. Возможно, эта концепция представляется наиболее адекватной и последовательной, хотя и труднореализуемой. Ее главное преимущество заключается в том, что она подразумевает сотрудничество ведущих государств, которые контролируют большую часть мирового валового продукта, производят основные новые технологии и располагают рычагами, несоизмеримыми с потенциалом любой из возможных коалиций. Выработка этими странами стратегии коллективных действий стала бы впечатляющим прорывом в сфере международных отношений. Однако институциональная основа подобной парадигмы (контуры которой неявно просматриваются в идее «большой восьмерки» и которая угадывается в отдельных действиях Совета Безопасности ООН) выглядит пока крайне неопределенной.

Наконец, существует третья группа концепций, которые можно охарактеризовать как маргинальные по причине обреченного пессимизма одной их части и ни на чем не основанного оптимизма другой.

Пессимисты констатируют: мир сползает к пропасти глобального хаоса, противостоять которому невозможно. Хаотизация пугает многих, опасения особенно возросли после того, как лидер современного мира – Соединенные Штаты – серьезно подорвал свою мощь вторжением в Ирак и в США усилились изоляционистские настроения. В результате неразумного применения военной силы Вашингтон вместо продвижения к однополярному миру поставил под вопрос свое влияние, сделав огромный шаг в сторону «бесполярного» мира – хаотичного и неуправляемого.

Примером противоположной, преувеличенно оптимистической, точки зрения на развитие ситуации в будущем является сценарий, который весьма популярен среди американских экспертов. По их мнению, залогом мира и стабильности станет демократизация все новых и новых стран, поскольку демократии не проводят агрессивной, воинственной политики. Однако данный постулат применим лишь к либеральным демократиям и не имеет никакого отношения к демократиям нелиберальным, а только они чаще всего и возникают в результате искусственной (насильственной) демократизации. Принцип народовластия не приживается в бедных традиционалистских обществах. Ускоренное навязывание формально демократического способа правления в Китае, Саудовской Аравии в Ираке может серьезно подорвать международную стабильность. Не очень убедительно выглядит идея дальнейшей «демократизации» международных отношений, способной лишь усилить влияние несостоявшихся государств.

По мнению В. Иноземцева и С. Караганова наиболее перспективной выглядит концепция, основанная на идее коллективного управления, осуществляемого группой ведущих демократических государств. Но, являясь сторонниками этой идеи они предлагают создание синтетической концепции,

которая учитывала бы недостатки каждого из изложенных подходов и оказалась бы приемлемой для большинства субъектов мировой политики. По их мнению, подобная концепция должна быть направлена на достижение ряда важных целей. Это – повышение степени управляемости международной системы, предотвращение распространения ОМУ и снижение риска его применения, борьба с терроризмом, создание условий для экономической и социальной модернизации, а на ее основе и демократизации развивающихся стран, а также расширение пространства стабильности и развития, ограниченного ныне странами «центра». Формирование на этой основе более стабильной и управляемой международной системы может открыть перспективы перед отстающими государствами, создать хотя бы теоретические предпосылки для их поступательного движения. Если же продолжится нынешнее сползание к хаосу, таких шансов у них просто не будет.

Реформирование системы глобальных институтов должно начаться с создания новых международных структур, координирующих взаимодействие между странами «центра». Следующий этап – это их сосуществование и конкуренция с уже имеющимися институтами, в процессе которой круг участников новых структур постепенно расширяется. Наконец, формируются институты, оптимально отвечающие стоящим в повестке дня задачам.

На первом этапе возможности и ресурсы, находящиеся в распоряжении развитых стран, должны использоваться в целях выстраивания «центра» как союза, эффективно влияющего на «периферию», делающего ее более управляемой и распространяющего на нее принципы, принятые во взаимоотношениях между самими странами «центра». Сегодня отсутствует четкое ядро, вокруг которого мог бы начаться процесс консолидации. В качестве вариантов можно рассматривать «пятерку» постоянных членов Совета Безопасности ООН (возможно, расширенную) или «восьмерку» (возможно, также расширенную). Наиболее реалистичен компромиссный вариант: «центр», который составили бы Соединенные Штаты, Европейский союз, Япония,

Россия и, может быть, Китай и Индия, как страны, уверенно продвигающиеся по пути развития, заинтересованные в стабилизации международной ситуации и обладающие значительными ресурсами.

Первоначально всем этим странам предстоит заключить между собой ряд соглашений, определяющих их общую позицию в отношении глобальных социальных проблем и вопросов международной безопасности, и декларировать решимость бороться с опасными тенденциями мирового развития. Новая коалиция, или альянс, провозгласит свою верность идеалам, воплощенным в Уставе ООН, и приложит усилия к тому, чтобы действия Организации Объединенных Наций стали более эффективными и решительными.

Второй этап, наиболее сложный, мог бы включать в себя совокупность мер по реформе ООН, которую следует наделить адекватными властными полномочиями и силовыми структурами. Возможно, придется вернуться к исходному варианту Устава ООН, в котором не предусматривалось право наций на самоопределение, конкретизировать требования к государствам – членам Организации Объединенных Наций, а также прописать процедуру исключения или временной приостановки членства той или иной страны. В случае успеха такой реформы странам «центра» следовало бы создать объединенные вооруженные силы, действующие под эгидой ООН, но управляемые представителями великих держав. (В принципе такая возможность была заложена в *Военно-штабном комитете ООН*, но его тоже предлагают аннулировать.) В случае же провала реформы, представляющегося весьма вероятным, государства «центра» окажутся свободными от обязательств выполнять ряд решений, принимаемых в рамках Организации Объединенных Наций (что имеет место и сегодня, реализуясь через право вето), и смогут приступить к созданию коллективных военных структур и структур безопасности вне рамок ООН. В последнем случае логично предположить, что фундаментом таковых станут структуры НАТО, хотя это и потребует роспуска

альянса и формирования на его основе новой военно-политической организации, не ограниченной зоной ответственности.

По завершении второго этапа может сложиться политическая и военная коалиция развитых стран. Для нее будут характерны ясные и открыто декларируемые принципы отношений с остальным миром. Применение силы станет возможным лишь в случаях, заранее оговоренных со всеми остальными субъектами международных отношений (например, покровительство террористическим организациям, массовые нарушения прав человека, геноцид, религиозные преследования, явная неспособность правительств контролировать ситуацию в пределах собственной страны). Это, с одной стороны, внесет в систему международных отношений больше определенности, сократив влияние на нее падающих и несостоявшихся стран, и, с другой стороны, укажет не входящим в коалицию государствам на четкие рамки свободы их действий по отношению к собственным народам, сопредельным странам и международным нормам.

На третьем этапе институционализация новых международных структур вступит в завершающую стадию. Страны «центра» получат реальную возможность формулировать свои требования (обусловленные не произвольной заинтересованностью, а задачами борьбы с теми или иными опасными глобальными тенденциями) к остальным государствам. Выполнения этих требований не следует добиваться силой оружия: главный инструмент давления на «периферию» – это условия экономического, технологического и информационного партнерства с «центром», которые могут быть более или менее благоприятными. Только в исключительных ситуациях, таких, как предотвращение гуманитарной катастрофы или помощь в отражении агрессии одного из «периферийных» государств против другого, развитые страны могут прибегать к использованию военной силы. Основная задача их союза – не покорить, а цивилизовать «периферийные» территории, помочь их народам достигнуть уровня развития, позволяющего им реализоваться в качестве

полноправных суверенных государств. Лишь для некоторых падающих и несостоявшихся государств придется восстановить статус подмандатных территорий с внешним управлением, используя для этого нормы, подобные тем, что были прописаны в Уставе ООН.

Формирование стабильного союза развитых стран способно сыграть определяющую роль и в разрешении целого ряда застарелых конфликтов, в первую очередь арабо-израильского противостояния. Его затяжной характер и серьезность накопленных за десятилетия взаимных претензий не дает надежд на его преодоление без вмешательства сторонней силы, а возможно, и без возвращения части ближневосточных территорий под опеку великих держав. Необходимо и создание коллективных структур безопасности «расширенного» Ближнего Востока, где они могли бы сыграть положительную роль, подобную той, какую сыграла Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе в разрешении противоречий между странами западной и восточной частей континента.

Мировой порядок XXI века не будет походить на прежний, столь привычный для политиков прошлого столетия. Основное его отличие станет заключаться в том, что незыблемый на протяжении последних трехсот лет принцип Вестфальского мира баланса сил утратит свое бывшее значение. Снижение вероятности конфликта между великими державами и сближение их позиций по большинству спорных международных проблем приведут к формированию альянса развитых стран, мощь которого не может быть уравновешена никаким объединением сил «периферийных» государств.

Важным следствием подобной трансформации станет отказ от «демократизации» международных отношений, от учета мнения и позиций падающих и несостоявшихся государств и их поддержки и, наконец, от соглашательской политики, намеренно игнорирующей нарушения общепринятых норм и прав человека в странах «периферии», от курса на распространение оружия массового уничтожения и спонсирование

террористической активности. Коалиция развитых стран сможет устанавливать нормы поведения на международной арене, а также правила, ограничивающие степень свободы правительств в отношении собственных граждан.

Однако на рубеже XX и XXI столетий становится очевидным: суверенитет отдельных государств несовместим с международной демократией, предполагающей подчинение в той или иной форме меньшинства большинству. Доктрина соблюдения прав человека отказывает попирающим их правительствам во внутренней и внешней легитимности. Отсутствие демократических порядков внутри отдельных стран, их неспособность к социальному и экономическому развитию заставляют усомниться в способности таких наций реализовывать свои суверенные права.

По мнению российского ученого А. Неклессы события 11 сентября 2001 года и их последствия осветили новую глобальную ситуацию, формирующуюся систему мировых связей. Одновременно эти трагические события послужили обоснованием происходящей смены парадигмы в сфере внешней политики, укрепив тенденцию к действиям, нацеленным на опережение, предупреждение неблагоприятных процессов. Основу прежней политики национальной безопасности — доктрину сдерживания и связанную с ней концепцию устрашения с помощью массированного ответного удара сейчас готовится сменить доктрина упреждающих действий, включающая в себя возможность, а подчас и обязанность нанесения превентивных ударов. Подобные изменения — во многом результат расширения спектра реально действующих субъектов мировых связей, выходящих за рамки их прежней номенклатуры («национальное государство») и прежних механизмов сдерживания («массированный ответный удар»).

Параллельно с очевидным возвышением США в новой конфигурации мировой политики проступают контуры и горизонты иного планетарного субъекта — геоэкономического ареала Нового Севера, продукта универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит. Расширяется

также сфера присутствия и влияния эклектичной культуры мирового Юга, оценки которого разнятся от «источника жизни, питающего стареющий Запад» до «нового варварства, удушающего цивилизацию». Мировые Север и Юг обретают глобальные пропорции, сосуществуя на единой планете, но представляя все более разнящиеся миры с различным историческим целеполаганием. Возникающие конфликты и турбулентности укрепляют тенденцию становления глобальной динамичной структуры управления социальными процессами в качестве новой исторической нормы внешних отношений — поствестфальской системы мировых связей.

Насколько все эти прогнозы окажутся реальными, зависит от способности развитых стран координировать свою политику, подчинять свои текущие конъюнктурные цели задачам построения предсказуемого и безопасного мира. Мы не можем с уверенностью сказать сейчас, сколь сильной окажется решимость правительств этих стран двигаться по избранному пути.

Подытоживая, можно без преувеличения сказать, что в политическом и военном отношении современный мир разделен на «центр» и «периферию» — точно так же, как в экономическом и социальном плане. Важная отличительная особенность заключается в том, что Соединенные Штаты (представляющие развитый мир), а также Россия и Китай (со стороны развивающихся стран) сохраняют верность традиционной политике баланса сил, тогда как европейские государства привержены методам экономического влияния, военного невмешательства и политического нейтралитета. Различия между тем, что все чаще называют соответственно современной и постсовременной политикой, становятся все разительнее. Но ни та, ни другая модель пока не способны предложить рецепты преодоления глобального беспредела.

В последнее время многие ученые и политики приходят к выводу о том, что «падающие» (*failing*) или «несостоявшиеся» (*failed*) государства составляют большую часть Третьего мира и значительную часть бывшего Второго мира, что эти страны не способны к самостоятельному развитию и представляют

собой серьезную угрозу международной стабильности. Драматизм ситуации осложняется двумя немаловажными обстоятельствами.

С одной стороны, прежняя «интегральная» концепция суверенитета постепенно начинает уступать место принципу «ограниченного» суверенитета, основанному на делегировании ряда полномочий и функций наднациональным органам (например, взаимоотношения в рамках Европейского союза). С другой стороны, Организация Объединенных Наций, оставаясь самым авторитетным и представительным международным институтом, испытывает серьезное влияние со стороны падающих и несостоявшихся государств, которые составляют большинство ее членов. Очевидным отличием новой системы международных отношений от нынешней станет и восстановление системы управления падающими и несостоявшимися государствами усилиями отдельных великих держав или их коалиции. Но не с целью эксплуатации природных богатств или людских ресурсов этих стран, а ради защиты элементарных прав их граждан и предоставления им гарантий соблюдения, как таковых. Вестфальская система не уйдет в прошлое, но будет модифицироваться по мере установления приоритета прав человека над правами народов, наций и государств.

Таким образом, модификация Вестфальской системы в XXI веке практически неизбежна. Этому процессу будут способствовать как добровольный отказ от суверенитета в части развитого мира, так и неготовность последнего признать суверенитет падающих или несостоявшихся государств, а также необходимость обеспечивать минимальные условия жизни людей на этих территориях, предотвращать распространение многих глобальных бед, в том числе терроризма.

ГЛАВА 3. МИРОВЫЕ АКТОРЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Часть 1. ГОСУДАРСТВО И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Новые условия изменили восприятие государства и международных отношений. Все большее влияние оказывают организации и процессы, которые по своим параметрам выходят за рамки государства и лишают его многих компетенций, однако государство тем временем тоже расширило сферу своего вмешательства на области, в которых до сих пор его присутствие не отмечалось. Другими словами, мы переживаем такой период, когда наряду с разделением мира на государства и «производством государств», происходит рост обратных процессов. Нельзя не признать за государством качества политической организации, действенной с точки зрения удовлетворения индивидуальных и коллективных человеческих потребностей, но мы не можем продолжать относиться к нему так, как привыкли, потому что природа государства глубоко меняется.

Все эти изменения произошли не внезапно, а на основе процессов, совокупность которых мы обозначаем термином *глобализация* или представляем в целом как единый процесс глобализации; эти процессы имели разные истоки и разную скорость развития в разные исторические моменты и в разных отраслях социальной деятельности. Скорость их развития возросла в последние десятилетия, поэтому о сегодняшних днях мы говорим, как об эпохе глобализации. Наряду с примерно 200 государственными политическими системами, некоторые из которых являются не унитарными, а федеральными или регионализированными (то есть системами систем), и формируют систему взаимозависимых коллективных субъектов, или международную политическую

систему, сейчас уже существует еще более широкая система, которая охватывает как государства и их систему, так и множество негосударственных субъектов, по-разному взаимосвязанных и обладающих разной способностью влиять на использование и распределение ресурсов и ценностей мира. Эта система, включающая в себя любую другую политическую систему, и есть *глобальная политическая система*.

Параллельно глобализации, тем не менее, происходит и обратный процесс. Он обозначается, как *фрагментация* и признается важным для определения современной социальной эволюции. В некоторых современных работах, посвященных социальному анализу, мир представлен балансирующим между глобализацией и фрагментацией, а определенные социальные реальности (будь то нации, этносы, культуры или другие социальные группы) считаются достаточно сильными, чтобы возобладать над процессами глобализации. Предполагается, что такие социальные реальности в состоянии закрыть дверь во внешний мир, быть «независимыми мирами», не тронутыми «заразой», переносимой отношениями с остальным миром. Иначе говоря, локальное защищается от глобального, реагируя на него и враждебно закрываясь от всего чужого. Глобализация, которая вторгается в пространство, организованное некоей локальной реальностью, есть угроза, покушение на сохранение местной целостности (культурной, экономической и т.д.), против которой суждено возобладать потребности в собственном лице и в защите своей уникальности.

Подобному взгляду противопоставляется более уравновешенная точка зрения, согласно которой глобальная система и локальные системы имеют каждая собственные истоки и определяющие их факторы, но сегодня все они переживают натиск одного и того же комплекса материальных и идеологических факторов, который способствует их утверждению и установлению их взаимной дополнительности. Один и тот же комплекс материальных и идеологических причин ускоряет глобализацию и благоприятствует индивидуализации, то есть образованию мира, в котором

отдельному субъекту - *индивиду* (человеку, микрогруппе, региону, нации, государству, культуре, цивилизация) - сообщается способность (материальные факторы) и право (идеологические факторы) утверждать свою независимость и развивать самоорганизацию. Кроме того, мобильность, коммуникация и возможности вести пропаганду и защищать собственные права создают в глобализованном мире, которому грозит униформация, единичность, прерывистость и децентрализацию: то, что мы обобщенно называем» «фрагментацией», подчеркивая враждебную реакцию отдельного субъекта и возводимые им барьеры против своей зависимости от внешней среды. Каждая новая попытка утверждения индивидуальности неизбежно сопровождается столкновением и соревнованием *индивидов* глобальной системы, но не только: ей сопутствует также соперничество и сближение между ними.

Проблемы современной международной политики не исчерпываются правилами политико-территориальной безопасности и экономической конкуренции. Существует много других источников беспорядка и неопределенности для общежития в мировой системе. Каждая из них, независимо от места ее зарождения и места максимального сосредоточения, приводит к таким последствиям, которые невозможно удержать в рамках государственных границ. Из-за того, что процесс глобализации усилил взаимозависимость и взаимосвязь решений и внутренних политик современных государств, правительства не могут выполнять ни старые, ни новые функции (охраны общественной безопасности, экономического развития, охраны здоровья, социальной безопасности и т.д.) иначе, как применяя формы международной кооперации и координации. Любое правительственное вмешательство по борьбе с внутренними последствиями этих проблем, чтобы быть эффективным, должно быть скоординировано с вмешательствами других правительств и быть частью международных политик, урегулирований и режимов. Для этого данные проблемы должны войти в повестку глобальной политической системы.

Повестка политической системы состоит из совокупности спорных проблем, которые, по мнению большинства или, в любом случае, главных субъектов системы, требуют обязательного вмешательства путем поиска коллективных решений, в соответствии с которыми будут сообразовываться все субъекты системы. Например, Шарлота Брезертон предложила классификацию, которая исходит из природы проблем и различных способов их решения в глобальной политике. Брезертон различает три категории проблем, которые могут входить в повестку глобальной политической системы.

1. Проблемы, ответственность за решение которых до сегодняшнего дня возлагалась на каждое государство индивидуально, потому что они были связаны со свойствами их суверенитета, но которые сегодня считаются объектом коллективной, региональной или глобальной ответственности. К этой категории, помимо традиционных проблем безопасности, относится проблема прав человека и внутреннего политического развития.

2. Проблемы, масштаб или последствия которых перешагивают через все государственные границы и которые поэтому либо уже стали объектом международной кооперации, либо ожидают скорейшего и широчайшего коллективного решения. К этой категории относятся многие проблемы современной глобальной системы, например, проблема охраны окружающей среды, проблемы здравоохранения, вызванные новыми инфекционными заболеваниями, пока еще не поставленными под медицинский контроль, проблемы международной преступности.

3. Проблемы, решение которых превышает индивидуальные возможности государств и может быть эффективным только в том случае, если институты глобальной системы получают значимые компетенции политического производства. К этой категории, помимо традиционных проблем сокращения разрыва в благосостоянии зон мировой экономики, толчка к экономическому подъему зон экономического упадка и искоренения бедности, вызванной расслоением мировой капиталистической экономики, относятся проблемы,

вызванные широкомасштабными миграциями народов по политическим и экономическим причинам.

Включение таких проблем в повестку системы открывает путь к их мирному решению, которое, однако, зависит от соблюдения сразу нескольких условий и от того, в каком отношении находятся проблема и интересы, которые она затрагивает. Включению проблемы в повестку системы предшествует фаза политизации. Другими словами, проблема не только становится актуальной для большинства субъектов, но на нее прямо указывают, как на проблему, которая требует решения на основе коллективных правил и, вероятно, общих ресурсов. Конкретная политизация проблемы происходит тогда, когда часть субъектов делает ее объектом своей политической деятельности, призывая к солидарности и сплоченности вокруг решения проблемы, подчиняя свое политическое поведение желанию других субъектов обсуждать коллективное решение проблемы и предпринимая действия по введению проблемы в повестку системы. До тех пор, пока политическая проблема не включена в повестку, она является источником хаоса, напряженности и конфликтов, вызывает политическую нестабильность и представляет угрозу для институциональной организации системы.

Как бы то ни было, не существует единого критерия, который позволил бы точно определить повестку системы в тот или иной исторический момент.

Важным критерием для современной глобальной системы являются документы ООН. Другой критерий основывается на содержании отчетов экспертных комитетов и правительственных или неправительственных международных организаций. Еще одним критерием может выступать анализ заключительных деклараций периодических собраний правительственных объединений (таких, как «Большая Восьмерка» или «Группа 77») за какой-либо год: неоднократная постановка проблемы в течение определенного времени свидетельствует о ее большой системной важности.

Поскольку средства массовой коммуникации не являются беспристрастными, они способствуют формированию сценария повестки

политической системы, так как предлагают общественному мнению определенное видение глобальных проблем, которое может повлиять на участников переговоров по их решению.

Политика строится вокруг проблем социальной системы и представляет собой непрерывное соревнование по выдвижению проблем большой системной важности, а также, поскольку невозможно выделить равный объем ресурсов для решения всех проблем, по определению порядка их приоритета. В самом деле, решение проблем политической повестки системы требует привлечения многих ресурсов, начиная с организационных и переговорных затрат, необходимых для того, чтобы убедить большинство субъектов в неотложности решения данной проблемы, и заканчивая экономическими и материальными ресурсами, которые служат непосредственно для выполнения мероприятий по решению проблемы. С другой стороны, рейтинг важности проблем повестки раскрывает такие значимые аспекты политической системы, как масштаб власти каждого субъекта, наличие открытых конфликтов и отношений солидарности или антагонизма, предпочтения самых разных государств и преимущественные интересы тех из них, у кого есть наибольший объем ресурсов, необходимых для решения вышеупомянутых проблем. Наконец, повестка системы свидетельствует о способности последней решать проблемы (*problem-solving* - способность), которая зависит от функционирования ее институтов и от умений людей, играющих главные организационные роли.

Включение проблемы в повестку системы буквально означает, что проблема становится объектом общественных политик, решений и деятельности, при помощи которых большинство правительств находит консенсус по ее специальному оперативному решению. Это может произойти на основе формулирования юридических норм в рамках многосторонних переговоров и специальных дипломатических конференций, путем создания компетентных институтов для решения этой проблемы или посредством передачи уже существующим институтам компетенций и ресурсов, необходимых для решения этой проблемы или целого ряда проблем.

Это не означает, что проблемы, стоящие на повестке глобальной системы, перестанут быть объектом национальных, двусторонних или групповых политик, направленных на их решение. Решение международной проблемы всегда происходит на разных уровнях - национальном, союзном, региональном и глобальном - и может быть как прерогативой исключительно правительственных или неправительственных организаций, так и объектом совместных действий государственных и негосударственных субъектов.

После включения проблемы в повестку системы ее решение зависит, в том числе от социальных надломов, которые, с точки зрения структуры, делят государства на сходные группы, подвергающиеся примерно одинаковому давлению со стороны некоей проблемы, а с политической точки зрения, предрасполагают к солидарности и объединениям правительств на переговорах и в институтах, занятых поиском решений рассматриваемых проблем. Поэтому проблемы, включенные в повестку системы, воздействуют на системную организацию: их разрешение или неразрешение (или же попытка деполитизации и исключения проблемы из повестки) меняют или подтверждают правила управления благами системы и соответствующие компетенции институтов. Политическая борьба вокруг проблем системы выступает, следовательно, или фактором эволюции, или фактором сохранения организационной формы системы.

Сеть глобального руководства состоит из множества субъектов. Ее первичные субъекты — национал-государства, племена-народы, города, классы (группы интересов), профессии, конфессии, экспертные организации, идеологические клубы. Их агентуры — организации с тем или иным элементом корпоративности, которых буквально десятки тысяч. В 1981-м негосударственных организаций (НГО) в мире было 13 тыс., а в 2001 году уже 47 тысяч. Транснациональных корпораций — 64 тысячи.

Но конкретные первые шаги сделаны пока что на пути конструирования всемирного органа парламентского типа по схеме расширенного представительства. Так, примерно две тысячи НГО аккредитованы в статусе

консультантов Экономического и социального совета при ООН (ECOSOC). К ним присоединяется все больше деловых международных неправительственных организаций.

Такой же принцип положен в основу проекта, предложенного в 1999 году Кофи Аннаном. Теперь это огромная структура, занятая грандиозными разработками. В нее записались уже 3800 участников, из них 2900 представителей мирового бизнеса из сотни стран. Эта, отчасти корпоративистская, а отчасти анархическая идея предполагает, что в работе ООН рядом с государствами будут участвовать и прочие ассоциации, включая чисто культурные и виртуальные. Однако для ее осуществления исключительное значение имеет легитимность. В отличие от теорий управления на локальном и национальном уровнях идея общественного договора между гражданами и институтами глобального управления не достаточно развита. Не только в плане мандата на исполнительные (операциональные) полномочия, но и в аспекте легитимности представительства²⁰⁰.

Мы присутствуем при творческом процессе формирования новых структур. Этот вариант ближе всего к идеалу управление без правительства (*governing without government*). В нем стирается разница между гражданским обществом и субъектом господства. А агентства, выполняющие в иных модусах порядка функцию господства, сами становятся агентствами гражданского общества. Например, объединение бедных и малых суверенных государств, слабо оформленное в виде *G77* (существует с 1964 г.), в глобальном сообществе оказывается агентурой гражданского общества. Не говоря уже об организациях типа Организация экономического сотрудничества и развития (*OECD*), или Бильдербергский клуб, или десятки влиятельных (из тысяч существующих) мозговых трестов, групп давления и частных лобби.

---

²⁰⁰ Кустарев А. Кем и как управляется мир.

Государство в глобальном управлении

Одним из ключевых акторов глобального управления является государство. С большой долей уверенности можно говорить о двух формах участия государства в глобальном управлении — непосредственной и опосредованной. Непосредственная форма касается крупных держав, которые благодаря колоссальным ресурсам могут оказывать в одностороннем порядке значительное влияние на процесс принятия решений о всевозможных региональных или глобальных проблемах. Например, США, по выводам американского ученого Дж. Модельски, обладают необходимыми и достаточными для этого возможностями. К ним относятся: политико-стратегическая организация глобального радиуса действия; передовая экономика; открытое общество; чувствительность по отношению к глобальным проблемам.

Однако современная глобализация способствует глубокой структурной трансформации государственной власти, в ходе которой ее властные полномочия переосмысляются и перестраиваются. В силу этого национальное государство вынуждено делить власть с международными организациями, транснациональными концернами и неправительственными социальными и политическими движениями.

По мнению гиперглобалистов (К. Омаэ, М. Олброу, С. Стрейндж), экономическая глобализация порождает новые формы социальной организации, в частности, всемирные и региональные институты управления, которые постепенно вытесняют национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества. Скептики — П. Херст и Дж. Томпсон — напротив, доказывают, что глобализация является не более чем мифом, степень которой слишком преувеличена, а реально в мировом хозяйстве существуют три основных региональных блока — Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион и Северная Америка, где национальные правительства остаются очень сильными, при этом возрастает их роль в

регулировании экономической активности, преодолевающей границы отдельных государств.

С другой стороны, государственная власть вынуждена считаться со своими внутригосударственными регионами, которые все активнее выходят на международную арену, развивая торговые, культурные и другие отношения, в результате чего происходит ограничение суверенитета «снизу».

Трансформисты понимают суверенитет не столько как территориально ограничивающий барьер, сколько как переговорный инструмент, необходимый для проведения политики, которая становится все более глобальной, сложной и противоречивой.

Особой проблемой при изучении глобального управления является анализ общественной и политической реакции в отдельно взятых государствах на его вызовы. Среди возможных стратегических подходов государств по этому вопросу можно выделить следующие:

- восприятие данных процессов как угрозы для национальной безопасности, подогреваемое постулатами об «особой роли» государства в мире и об опасности «мировой закулисы» в различных ее формах; соответственно, в данном случае у государства может возникнуть стремление «отгородиться» от глобальных систем управления;
- активное встраивание государства в данные процессы и вызываемый этим наступательный интервенционизм, стремление государства занять место среди наиболее значимых акторов глобального управления.

При анализе данного вопроса следует также подчеркнуть, что в настоящее время процесс глобального регулирования отличается географической несбалансированностью. Доминирующее положение при его осуществлении занимают ведущие в экономическом и политическом отношении страны (G8). Участие же новых индустриальных стран в этом процессе обеспечивается крайне нерегулярно. Большинство же малых и бедных развивающихся стран вообще практически не участвует в глобальном регулировании и, скорее, является лишь его объектом. Вот почему

существующие сейчас институциональные механизмы глобального регулирования (прежде всего, в финансово-экономической сфере) не являются полностью представительными в мировом масштабе. Важнейшие глобальные экономические структуры (G8, ВТО, МВФ, ОЭСР) находятся под влиянием исключительно крупных и богатых стран.

Поэтому один из вариантов пути к глобальному управлению - его вырастание из *ad hoc* альянсов и союзов крупнейших держав, посвященных урегулированию тех или иных глобальных проблем (финансовых, безопасности и иных). В этом случае реализация глобального управления будет следовать в русле концепции униполярности, которая в ее широком толковании основана на том, что с течением времени все сильнее будет выкристаллизовываться «ядро» наиболее мощных союзных государств, которое будет проецировать свои нормы и принципы поведения на весь мир (это может происходить под лозунгом либо «проекции стабильности», либо «проекции силы»). В этом случае глобальное управление будет более гомогенным, возможно, более эффективным, но при этом вряд ли стабильным в долгосрочной перспективе, поскольку кристаллизация униполярности заложит основы для потенциального конфликта между «полюсом» и периферией. А это противоречие может рано или поздно привести к взрыву всей системы глобального управления и подорвать мировую стабильность.

Важным сдерживающим элементом на пути реализации глобального управления является страх перед неизвестностью, каким оно будет, страх перед возможной потерей управляемости в глобальном масштабе. Это чувство страха перед «мировым правительством» в ряде стран подогревается ощущением, что глобальное управление будет американо-центристским, и что широко распространенные дискуссии о нем являются не более чем вовлечением более слабых государств в заведомо невыгодную для них сделку.

В то же время противоположный фактор, который может послужить стимулом для государств к формированию глобального управления, - это тенденция к наднациональности. Идущие последние десятилетия разговоры о

необратимости глобального управления мало-помалу, согласно социопсихологическим закономерностям, могут приобрести характер самосбывающегося пророчества.

В политической сфере этот эффект самым значительным образом усилился после краха биполяризма и окончания «холодной войны». Вслед за этим как в дискуссиях ученых, так и в программах политиков, начали все чаще обосновываться утверждения о том, что окончание эры биполярного противостояния означает отказ как от Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, закрепившего современную систему границ в Европе и сформировавшего ООН, так и от Вестфальской системы мира, основанной на примате суверенных государств. В результате концепция «растворения суверенитета», его эрозии сверху и снизу приобрела довольно широкое распространение в мире, а пример Европейского Союза позволил ее сторонникам оперировать практическими аргументами. Впрочем, следует отметить, что ряд крупных государств мира (такие, как США, Китай, Индия, Россия) в своей политической практике не собираются следовать концепции «растворения суверенитета», поэтому европейский опыт надо переносить на глобальный уровень с достаточной долей осторожности.

Тем не менее, концепция «растворения суверенитета» завоевывает все большую популярность и в политической среде начинает преподноситься как самосбываемое пророчество, тем самым в значительной степени формируя направленность интеллектуальной мысли и политического действия во многих странах. И как следствие этого - уже почти общепринятое восприятие неизбежности глобализации в сочетании с «растворением суверенитета» может создать в общественном мнении разных стран ощущение назревающих институциональных изменений и правовых подвижек на глобальном уровне, что в свою очередь может послужить стимулом к их практическому осуществлению.

Далее, оценивая взаимодействие государств и глобальных структур, необходимо иметь в виду следующее. Бюджеты (стой или иной долей расходов,

направленных на социальные нужды), прямое налогообложение и легитимированные силовые структуры - вот несколько из ключевых функций современного государства, которые определяют его самодостаточность и, в конечном счете, силой финансов и оружия обеспечивают его суверенность. В этой связи о глобальном управлении как о реальной форме осуществления власти можно будет говорить по большому счету только тогда, когда исполнение этих функций будет передано с государственного на наднациональный глобальный уровень. Возможно ли это в среднесрочной перспективе? По существующей логике вещей - вряд ли, особенно, если не экстраполировать опыт ЕС на весь мир в целом. В то же время выдвинутая в Докладах ПРООН о развитии человека концепция «новой глобальной архитектуры» не исключает такого перераспределения функций между государствами и глобальными институтами (прежде всего, в сфере социальной бюджетной политики).

С другой стороны, все активнее звучащие голоса о создании собственных антикризисных сил ООН могут предоставить Организации объединенных наций такие инструменты для легитимированного силового воздействия, которые она может использовать, уже не привлекая национальные контингенты государств. Таким образом, возможные подвижки в передаче части ключевых государственных функций на глобальный уровень в современной политической аналитике не исключаются.

Другой путь глобального регулирования, существующий сейчас, - когда на глобальном уровне принимаются правовые и политические документы, которые затем путем их признания государствами (через ратификацию или в качестве политического руководства к действию) имплементируются ими в национальные правовые структуры и правоприменительную практику. Таким образом, глобальные нормы реализуются в мире через совокупность национальных институтов. Вполне очевидно, что такой способ их воплощения в жизнь зависит, прежде всего, от воли государств, которые свободны в своем

выборе: подписывать и ратифицировать тот или иной документ или нет, голосовать за или против той или иной резолюции и пр.

Межправительственные организации мирового уровня

Ниже обратимся к некоторым актуальным предложениям трансформации глобального управления, включенным в глобальную повестку некоторыми современными межгосударственными и негосударственными акторами.

Важнейшим компонентом глобального управления являются межправительственные организации (МПО), число которых в XX в. выросло в шесть раз и составило к началу XXI в. около 250. В МПО входят организации, деятельность которых охватывает фактически все страны мира, прежде всего это ООН (а также интегрированные в последнюю особыми договорами МВФ, ВБ, ВОЗ) и ВТО, а также структуры, действующие и имеющие влияние в различных регионах планеты (среди них наиболее авторитетными являются ЕС, СЕ, НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР, ОАЕ, ОАГ и др.).

Институционализированный способ транснационального волеизъявления в перспективе может способствовать разрешению, казалось бы, непримиримых противоположностей между интересами развитых, недавно индустриализированных и развивающихся стран, расширяя их конкретные предпочтения и принимая во внимание факт необходимости глобального управления.

В Организацию Объединенных Наций, основную в настоящее время межправительственную структуру глобального управления, входит 192 суверенных государства, образуя плотную сеть институтов. Благодаря своему Уставу, согласно которому она возникла как международный совещательный форум, где все государства в определенных отношениях являются равными, и многолетней результативной деятельности ООН фактически выработала принципы глобального управления, совершенно отличные от принципов традиционной геополитики. Принципы глобальной политики — это, прежде всего коллективное принятие решений правительствами и

неправительственными организациями, а также консенсус как способ этого коллективного решения.

На сессии Тысячелетия Генеральной Ассамблеи ООН осенью 2000 г. был выработан своего рода кодекс глобального поведения, основополагающие принципы которого — свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважительное отношение к природе, общая ответственность.

В то же время намечаются определенные перспективные мероприятия, реализация которых, безусловно, будет способствовать эффективности глобального управления. В первую очередь это касается реформы ООН. Генеральный секретарь ООН К. Аннан еще в 1998 г. предложил достаточно серьезную реформу структуры и функций ООН. В частности, он говорил о перераспределении ряда полномочий между отдельными органами ООН, главным образом о передаче некоторых вопросов из ведения Совета Безопасности ООН на прямое рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Кроме того, К. Аннан предлагал создать вместо Комиссии ООН по правам человека, существующей с 1946 г., Совет по правам человека, который будет иметь такие же полномочия, как Совет безопасности или Экономический и социальный совет ООН, которому она ныне подчиняется. В 2004 г. высокая комиссия, известная как Совет мудрецов (Россию в ней представляет глава Торгово-промышленной палаты Е. Примаков), подготовила два варианта расширения Совета Безопасности ООН. Первый предусматривал увеличение состава Совбеза за счет присоединения 6 новых постоянных членов и трех непостоянных. Второй вариант — 9 новых непостоянных членов. В обоих случаях новые члены не получают права вето. Как известно, реформа ООН до сих пор не началась.

В научных кругах отношение к реформе ООН далеко не однозначное. Так, П. Сенарклен уверен, что комплексная структура этой организации, политическая, экономическая и демографическая разнородность ее стран-членов не располагают для реализации последовательных стратегий развития. Другие исследователи утверждают, что хотя у ООН и много недостатков, но

она образовалась сравнительно недавно и, будучи структурой, восприимчивой к инновациям, может быть перестроена. Структура ООН с несметным числом входящих в нее организаций служит с учетом всех ее слабых мест хорошим примером того, как нации могли бы лучше взаимодействовать при решении (и успешном решении) общих проблем.

Т. Бордачев и Ф. Лукьянов утверждают, что «созданная в обстановке жесткой биполярной конфронтации... ООН не может быть адаптирована к требованиям ни имперского, ни многополярного мира»²⁰¹. А. Арбатов не согласен с таким категоричным выводом. «ООН была создана в 1945 г., когда еще была жива антигитлеровская коалиция, и предусматривала как раз формализованный исполнительный «концерт наций» из держав-победительниц как постоянных членов Совета Безопасности (то есть многополярность) плюс нормотворческий международный парламент в лице Генеральной Ассамблеи». «После окончания холодной войны наступил короткий золотой век Организации Объединенных Наций, которая стала впервые выполнять свои целевые функции как легитимная структура обеспечения международной безопасности. В частности, из 49 миротворческих операций ООН 36 были проведены после 1988 года.

ООН является инициатором и лидером в формировании международного режима прав человека. Сегодня этот режим состоит из глобальных, региональных и национальных соглашений и институтов, тесно сотрудничающих между собой. Комиссия ООН по правам человека (*UNCHR*) отвечает за охрану системы прав человека и постоянно собирает сведения о случаях нарушения этих прав, готовя их к рассмотрению в Совете Безопасности ООН. Каждый из основных договоров ООН по правам человека в настоящее время ратифицирован более чем в 140 из 191 страны, и ожидается, что число ратификаций станет еще больше. В 1992 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию по правам лиц, принадлежащих к национальным,

---

²⁰¹ Бордачев Т., Лукьянов Ф. Время разбрасывать камни// Россия в глобальной политике. Т. 6. № 2. С. 77.

этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам, которая гласит, что государства «должны защищать существование и национальную, культурную, религиозную и языковую идентичность меньшинств». К сожалению, до сих пор Декларация не обладает обязательной юридической силой, но ее можно рассматривать как прообраз будущего международного права. Важным решением стало введение в 2005 г. поста независимого эксперта ООН по вопросам национальных и этнических, религиозных, этнических меньшинств.

С помощью различных механизмов — создание специальных учреждений, выработка программ, проведение конференций — ООН настойчиво стремится (и небезуспешно) управлять процессом охраны окружающей среды. В 1972 г. была основана Программа ООН по окружающей среде (*UNEP*), назначение которой состояло в том, чтобы обеспечивать руководство и поощрять партнерство в бережном отношении к окружающей среде.

Символическим событием, свидетельствующим о начале формирования глобального управления охраной окружающей среды, стала Конференция по вопросам международной окружающей среды в Стокгольме в 1972 г. Впервые многосторонние агентства и национальные правительства собрались, чтобы рассмотреть различные аспекты общемировых проблем окружающей среды и меры, необходимые для их решения. В результате были выработаны нормы и правила, регулирующие международные водопотоки и препятствующие загрязнению морей (Лондонская конвенция о демпинге 1972 г., Конвенция о загрязнении судами 1978 г., Закон ООН о морской среде 1982 г., Программа ООН о региональных морях и др.), а также защищающие дикую природу (специальные соглашения о белых медведях, тюленях и международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящихся под угрозой исчезновения, а также о перелетных птицах и экосистеме Антарктики). Были приняты документы о трансграничной перевозке опасных отходов (Базельская

конвенция 1989 г.), о контроле над веществами, разрушающими озоновый слой (Венский и Монреальский протоколы 1985 и 1987 гг.) и др.

Конференция в Рио-де-Жанейро в 1992 г. («Саммит Земли») стала вторым наиболее значимым событием в сфере глобального управления процессом охраны окружающей среды. Проведенная под патронажем ЮНЕП, при участии почти всех стран, входящих в ООН, и около 2,4 тыс. представителей неправительственных организаций, эта конференция попыталась создать всеобъемлющую сеть глобальных договоров по охране окружающей среды, а также программу национальных и международных действий по достижению экологических целей. В числе принятых на конференции документов были конвенции по проблемам изменения климата, распространению парникового эффекта, судьбе влажных тропических лесов. Результаты реализации этих планов и соглашений были не столь впечатляющими. На Рио-92 удалось добиться, чтобы проблемы деградации окружающей средой, заняли свое законное место в повестках дня таких глобальных институтов, как G7 (в настоящее время (G8), МФО, МБ и ВТО, которые стали проявлять к ним все возрастающий политический интерес. На конференции в Киото, которая состоялась в 1997 г., несмотря на определенные разногласия, был подписан Киотский протокол. Его одобрили 161 государство. Согласно данному документу 38 индустриальных стран должны уменьшить свои выбросы в атмосферу относительно 1990 г. по 6 типам газов, которые вызовут парниковый эффект. В том числе согласились это сделать: члены ЕС — на 8%, США — на 7%, Япония и Канада — на 6%, страны Восточной Европы и Прибалтики – в среднем на 8%, Россия и Украина – сохранить среднегодовые выбросы на уровне 1990 г. развивающиеся страны, включая Индию и Китай, обязательств на себя не брали.

Первый период осуществления протокола начался 1 января 2008 г. и продлится пять лет, после чего планируется вступление в силу нового соглашения, которое, предположительно, будет подписано в декабре 2009 г. на

конференции ООН в Копенгагене. США до сих пор не ратифицировали Киотский протокол.

Весьма перспективными относительно качества глобального управления являются разработки ООН, например, осуществленные в рамках Программы развития (ПРООН). Общая идеология ПРООН, предусматривающая отход от заикленности на чисто экономических показателях и введение более широкой категории для анализа уровня жизни в мире - индекса развития человеческого потенциала, внесла новое измерение и в исследование перспектив глобального управления.

Деятельность ПРООН поставила на повестку дня вопрос о необходимости глобального управления «с человеческим лицом», которое было бы принципиально отлично по своим целям от транснациональной сети финансовых институтов и крупнейших корпораций. Такая модель глобального управления должна ориентироваться в первую очередь на более адекватную реализацию человеческих потребностей во всем мире. Эта противопоставленность и полемика между двумя подходами в значительной степени усилилась после масштабного финансового кризиса 1997-1998 гг., когда «традиционные» рецепты МВФ по разрешению глобальных социально-экономических проблем были подвергнуты серьезной критике, и встал вопрос об их эффективности.

Укрепление международных механизмов контроля за глобальными проблемами должно стать тем инструментом, с помощью которого смогло бы развиваться глобальное сотрудничество и осуществляться глобальное регулирование. Как отмечалось в Докладе ПРООН о развитии человека за 1998 г., мировое сообщество должно нести ответственность, как за финансирование, так и за организационную структуру этих механизмов. Важным аспектом этого вопроса является сбалансированное распределение международной ответственности между странами за решение глобальных проблем. Отдельной темой являются все усиливающиеся призывы к глобальному экологическому управлению.

В докладе ПРООН за 1999 г., специально посвященном человеческому измерению глобализации, была представлена «*новая глобальная архитектура*», адекватная современному миру. В качестве новых глобальных институтов предлагались такие, как Всемирный центральный банк с функциями последнего кредитора в критической ситуации; Совет экономической безопасности; Всемирное экологическое учреждение; Всемирный инвестиционный фонд с перераспределительными функциями; Международный уголовный суд с более широким мандатом в области прав человека; Всемирный антимонопольный орган для наблюдения за деятельностью многонациональных корпораций и обеспечения честной конкуренции на рынках; Двухпалатная Генеральная Ассамблея ООН, в которой были бы представлены, помимо государств, и институты гражданского общества.

Всемирной торговой организации в этом контексте предлагается предоставить полномочия на формирование глобальной политики в области конкуренции в сочетании с антимонопольными положениями и кодексом поведения многонациональных корпорации. Очевидно, что в случае реализации такой схемы, было бы уже вполне возможным говорить о глобальном управлении как о свершившемся факте, поскольку ощутимо высокая степень наднациональности (и транснациональности), присущая этой системе общемировых институтов, делала бы ее функционирование в большой степени независимым от государств и, более того, *de jure* или *quasi de jure* обязывающим их соблюдать ее решения.

Анализ тенденций формирования и функционирования институтов глобального управления позволяет сделать вывод о том, что в ближайшей перспективе вполне вероятно создание представительных структур глобального масштаба, каждая из которых будет противостоять конкретным вызовам современной глобализации. Реформы и перемены ориентиров основных институтов и акторов глобального управления будут реализовываться по мере того, как будут проявляться противоречия, кризисы и конфликты, сопутствующие текущим структурным переменам — реальность будет

необратимо подталкивать к поиску механизмов решения жизненно важных проблем. Формирование и реализация новой парадигмы глобального управления могут быть только результатом повседневной практической деятельности всего человечества.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем докладе в 1998 г. предложил достаточно серьезную и радикальную реформу структуры и функций ООН. В частности, Генеральный секретарь выступил за перераспределение ряда полномочий между отдельными органами ООН, главным образом, он призвал к передаче ряда вопросов из ведения Совета Безопасности ООН на прямое рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Эти шаги, по его мнению, позволили бы увеличить репрезентативность принимаемых ООН решений, сделать сопричастными им все государства-члены.

Выполненный под эгидой ООН доклад комиссии Л. Брахими по проблемам современного миротворчества, представленный в 2000 г., предложил наделить ООН гораздо более серьезными самостоятельными полномочиями в сфере миротворчества, в частности предоставить ООН право выступать инициатором миротворчества и антикризисного вмешательства.

В начале XXI века были проведены три важнейшие международные встречи — *Саммит тысячелетия* Организации Объединенных Наций в 2000 году и конференций Организации Объединенных Наций Конференция в Монтеррее по финансированию развития и Конференция в Йоханнесбурге по устойчивому развитию в 2002 году. По мнению тогдашнего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана в ходе встреч удалось добиться беспрецедентного глобального консенсуса относительно путей развития экономики, сокращения масштабов нищеты и защиты окружающей среды²⁰².

В Декларации *Саммита тысячелетия* были сформулированы восемь целей в области развития, которые являются критериями для оценки прогресса, который будет достигнут в области развития к 2015 году. Эти цели включают

---

²⁰² Аннан К. Более безопасный мир// Независимая газета. 3 декабря 2004.

сокращение вдвое доли населения, страдающего от крайней нищеты и голода; всеобщий охват начальным образованием; расширение прав и возможностей женщин; снижение материнской и детской смертности; прекращение распространения ВИЧ/СПИДа и малярии; принятие всеми странами политики, устойчивой в социальном и экологическом отношении; и — что имеет критически важное значение для достижения всех других целей — налаживание глобального партнерства между богатыми и бедными странами, основанного на открытых рынках, облегчении долгового бремени, инвестициях и продуманной и адресной финансовой помощи.

Сессия Тысячелетия Генеральной Ассамблеи ООН осенью 2000 г. имела очень важное значение для обсуждения и выработки практически реализуемых подходов мирового сообщества к глобальному регулированию. В частности, сессия выделила основополагающие принципы глобального взаимодействия в будущем: свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважительное отношение к природе, общую ответственность.

Таким образом, лидеры государств выработали под эгидой ООН своего рода кодекс глобального поведения, на основе которого должно будет осуществляться глобальное сотрудничество в новом веке.

Тем не менее, тогдашний Генеральный секретарь ООН был вынужден признать, что «к сожалению, нам пока не удалось добиться аналогичного консенсуса в отношении того, как сделать наш мир более безопасным». Здесь за последние несколько лет ситуация даже ухудшилась. Глобальная солидарность в борьбе против терроризма, которая была продемонстрирована в 2001 году, быстро сменилась острыми спорами по поводу войны в Ираке, которая стала свидетельством наличия более глубоких разногласий по фундаментальным вопросам. Как мы можем лучше всего защитить себя от терроризма и оружия массового уничтожения? В каких случаях допустимо применение силы и кто должен принимать такое решение? Является ли «превентивная война» оправданной в каких-то случаях или же она просто является агрессией, но под другим названием? И какую роль должна играть Организация Объединенных

Наций в мире, который стал «однополярным»? Является ли государственный суверенитет абсолютным принципом или же международное сообщество несет ответственность за предотвращение или урегулирование конфликтов внутри государств, особенно в тех случаях, когда в ходе этих конфликтов совершаются акты геноцида или аналогичные злодеяния?»²⁰³

Вынесение в глобальную повестку этих дискуссионных вопросов вызвало ответную реакцию ООН в виде создания групп (комиссий) для обсуждения актуальных проблем и вынесения рекомендаций.

Главным продуктом *групп высокого уровня, комиссий ООН* являются *рекомендации*, но нельзя забывать и о том, что в ходе нарастающей рационализации индивидуального и коллективного поведения разница между авторитетной рекомендацией и директивой постепенно стирается. Поэтому консультативные институты, в сущности, имитируют законодательную и исполнительную деятельность в расчете (вполне обоснованном) оказать влияние. Мирового правительства, как такового, может быть, и не существует, но подобные ведомства дают рекомендации не какому-то единому субъекту, расположенному выше, а множественному субъекту, расположенному рядом или даже ниже.

Кофи Аннан назначил в 2003 г. группу из 16 выдающихся деятелей (позднее она была расширена до 20 чел.), представляющих разные регионы мира и разные сферы деятельности — политическую, военную, дипломатическую, экономическую и социальную. Он обратился к ним с просьбой оценить угрозы, с которыми сталкивается человечество, и вынести рекомендации относительно того, что следует изменить в политике и в институтах ООН, с тем чтобы эффективно противодействовать этим угрозам. В *Группу высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам* вошел Е.М. Примаков, ее председателем стал бывший премьер-министр Таиланда Анан Паннярачун.

---

²⁰³ Аннан К. Более безопасный мир.

В конце XX века страны мира резко разошлись во мнениях относительно стратегий экономического развития. Богатые страны выступили в поддержку «Вашингтонского консенсуса» и «структурной перестройки» — стратегий, которые вызвали острое негодование развивающихся стран и подверглись яростной критике со стороны движений гражданского общества в промышленно развитых странах мира. Прозвучали мнения о том, что Организация Объединенных Наций не способна заниматься этим вопросом или, хуже того, она специально защищает коррумпированные и расточительные правительства развивающихся стран.

2 декабря 2004 г. группа представила свой доклад, озаглавленный «Более безопасный мир: наша общая ответственность». Содержащиеся в нем 101 рекомендация представляют собой всеобъемлющий пакет предложений по обеспечению общего реагирования на общие угрозы. В докладе содержатся объяснение и подтверждение права на самооборону; руководящие принципы в отношении применения силы, которые могут помочь Совету Безопасности действовать более решительно и на опережение в случае совершения массовых злодеяний внутри государств и в контексте «кошмарных сценариев» (таких, в которых одновременно присутствуют и террористы, и оружие массового уничтожения); единое мнение относительно определения терроризма (к которому до сих пор не удавалось прийти международному сообществу); и предложения, направленные на предотвращение лавинообразного ядерного распространения и на повышение уровня биологической безопасности.

В докладе также содержится много практических предложений по обновлению органов Организации Объединенных Наций, включая Совет Безопасности, а также по повышению эффективности усилий Организации, в частности в области предотвращения и миростроительства. И прежде всего в докладе четко указывается на взаимосвязанность нашего мира, в котором тесно переплетаются судьбы народов и угрозы, с которыми они сталкиваются. Угроза

какому-то одному государству представляет угрозу для всех, а неспособность устранить одну угрозу может ослабить защиту против всех других угроз²⁰⁴.

Доклад одобряет идею коллективной **обязанности по защите** гражданских лиц от геноцида, этнических чисток и сопоставимых с этим жестокостей. Эта обязанность, говорится в документе, относится, прежде всего, к суверенным государствам, но когда они не могут или не хотят взять ее на себя, международное сообщество в более широком плане должно вмешиваться — действуя, где возможно, превентивно, отвечая на насилие, «если это необходимо», и предпринимая усилия с целью восстановления обществ, оказавшихся расколотыми в результате кризиса. Основной упор должен делаться на том, чтобы остановить насилие с помощью дипломатии и защитить людей с помощью таких действий, как направление гуманитарных миссий, миссий, которые занимались бы вопросами прав человека, выполняли бы полицейские функции, и т.д. «Сила, если в ней есть потребность, должна использоваться в качестве последнего средства» и с разрешения Совета Безопасности²⁰⁵.

Группа высокого уровня предложила пять **критериев**, которыми может руководствоваться Совет Безопасности, принимая решения, разрешить ли использование силы: серьезность угрозы, наличие четкой цели, исчерпанность всех прочих мер, пропорциональность, учет всех последствий (т.е. приведет ли военная акция к лучшим или худшим результатам, нежели ее отсутствие).

Что касается реформы институтов ООН, то Группа высокого уровня предложила в числе наиболее существенных изменений документ расширение состава Совета Безопасности с 15 до 24 членов. Группа предлагает два варианта: один предусматривает введение в состав Совета шести новых непостоянных членов без права вето, второй предполагает учреждение новых мест, которые государства занимали бы на протяжении четырехлетнего

---

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Более безопасный мир: наша общая ответственность

периода с правом переизбрания, и которые распределялись бы на региональной основе.

Документ, наряду с этим, предлагает еще более усилить ту важную роль, которую играет Генеральный секретарь в вопросах мира и безопасности. Для того, чтобы деятельность Генерального секретаря была более эффективной, говорится в документе, он должен обладать гораздо большей свободой в управлении работой Секретариата, и должен быть подотчетен за свою деятельность. В Докладе также содержится рекомендация о введении второго поста Первого заместителя Генерального секретаря, в центре деятельности которого были бы вопросы мира и безопасности, и который занимался бы подготовкой докладов в рамках раннего предупреждения и вариантов стратегии для последующего принятия решений Генеральным секретарем — дополняя, таким образом, деятельность нынешнего Первого заместителя Генерального секретаря (пост был создан в 1996 году) нацеленную на «привнесение существенно большей слаженности в работу ООН в экономической и социальной области и области развития»²⁰⁶. Всего в Докладе содержится 101 рекомендация.

9 ноября 2006 г. *Группой высокого уровня по вопросу о слаженности в системе Организации Объединенных Наций применительно к развитию, гуманитарной помощи и окружающей среде* был представлен доклад, озаглавленный «Единство действий», основным мотивом которого было повышение эффективности донорства международных организаций через преодоление раздробленности действий организаций ООН и одновременное повышение «ответственности государств в полном объеме» за предоставляемую им помощь.

Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и перемена представила доклад, в котором обратила внимание на появление новой угрозы —

---

²⁰⁶ Там же.

транснациональной организованной преступности – и предложила конкретные меры по достижению консенсуса в борьбе с преступностью²⁰⁷.

Особо следует подчеркнуть, что разработка системы регулирования для XXI века должна начинаться с формирования твердой приверженности глобальной этике. Для того, чтобы глобальное управление/сотрудничество было эффективным, должны сформироваться общие ценности, стандарты и позиции, воспринятые широкими кругами всех стран и на транснациональном уровне.

Декларация Тысячелетия ООН специально подчеркнула, что обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранением угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе.

Помимо этого, на Сессии Тысячелетия было особо подчеркнуто, что центром формирования архитектуры нового глобального миропорядка может и должна оставаться ООН. Она глобальна и универсальна по своему составу, в нее входит большинство государств мира, с ООН сотрудничают все наиболее значимые НПО. Кроме того, ООН является ядром семьи специализированных международных организаций, охватывающих важнейшие сферы жизнедеятельности человечества в эпоху глобализации.

На пути реформирования ООН встретилось немало препятствий.

Во-первых, со сменой президентской администрации произошли существенные изменения в политике США, о чем будет говориться ниже. Сошлемся в данном случае лишь на резкий вывод А. Арбатова относительно политики США в отношении ООН: «Не многополярность и новые сложные проблемы, а односторонняя силовая политика США в текущем десятилетии нанесла удар по эффективности этой организации. Налицо преднамеренный и безответственный слом таких институтов и норм – в значительной мере со

---

²⁰⁷ http://www.un.org/russian/secureworld/sg_note.htm

стороны нынешнего руководства Соединенных Штатов при поддержке некоторых союзников, а с недавнего времени, увы, с участием России»²⁰⁸.

Во-вторых, практическая неудача постигла широко разрекламированные попытки реформы ООН и ее Совета Безопасности на саммите Генеральной Ассамблеи ООН «Миллениум + 5» в 2005 г. Это показало, что путь от Вестфальского мира суверенных государств к миру, основанному на глобальном управлении, является отнюдь не предопределенным.

Достаточно сложным и пока не слишком изученным является вопрос о сочетании двух уровней наднационального управления - глобального и регионального (к примеру, ООН-ЕС). Каким образом будет осуществляться разделение предметов ведения и полномочий между этими двумя уровнями управления? Какой из них будет «главным» по отношению к другому, т.е., будет ли глобальная управляющая структура делегировать часть своих полномочий региональной или, наоборот, региональная наднациональная структура, которая сама уже существует на основании делегирования полномочий от входящих от нее государств, передаст некоторые из них «еще выше», на глобальный уровень, который, таким образом, будет производным от регионального и, что гораздо более важно, подотчетным ему)? Наконец, будет ли глобальная управленческая структура создавать свои собственные «территориальные органы» (или полпредства) в различных регионах мира? Если центром глобального управления станет ООН, то как изменится роль, существующих сейчас экономических комиссий ООН для разных континентов - получат ли они необходимые властные полномочия? Все эти вопросы пробуждают к жизни немало футурологических построений и концепций.

Еще один вопрос: что станет с государствами после реализации глобального управления? Растворятся ли они вообще и предстанут не более как административные единицы «глобальной республики»? Или же напротив, переход к глобальному управлению будет осуществлен через качественно

---

²⁰⁸ Арбатов А. Не разбрасывать камни в стеклянном доме//Россия в глобальной политике. Т. 6. № 3. С. 187, 189.

интенсифицированное глобальное межгосударственное сотрудничество, и тогда в качестве модели мироустройства можно будет говорить о Соединенных Государствах Земли?

Далее, как повлияет введение глобального управления на попытки размывания государственного суверенитета «снизу»? Как поведут себя внутригосударственные регионы в этом случае? Потребуют ли они особого глобального форума для своего представительства по типу Комитета регионов ЕС? На все эти вопросы пока нет четких ответов, но без них практическая реализация глобального управления также будет невозможна.

Глобальное управление как таковое не будет возможным без значительной трансформации всего международно-правового режима, в котором в данном случае акцент должен быть сделан не на суверенитете государств, а на их глобальной ответственности и, более того, на их подчиненности институтам глобального управления. Возможно, ли предсказать подобную трансформацию международного права в среднесрочный период, для чего, очевидно, потребуется консенсус всех государств?

Кроме системы ООН, в настоящее время происходит институализация в глобальном масштабе межнациональных отношений и структур почти в каждой сфере социальной активности — от экономической до культурной. Управление глобальной торговлей осуществляет Всемирная торговая организация (ВТО), членами которой в феврале 2005 г. являлись 149 стран. Этот глобальный институт устанавливает общие для всего мира правила и нормы торговли, способствует процессу ее либерализации.

Современную финансовую глобализацию в областях управления кредитованием и финансированием в мировой экономике Международный Валютный Фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Банк Международных Расчетов (БМР) и другие международные организации. Всемирный банк гарантирует займы на инвестиционные проекты в инфраструктуре, энергетике, транспорте, развитии сельского хозяйства, промышленности. Международный валютный фонд сохраняет значение для бедных экономик, предоставляя им займы на

условиях определенной экономической политики получателей займов. В результате взаимодействия главных национальных центральных банков и при посредничестве Банка международных расчетов, который является лишь многосторонним форумом, недавно было принято международное соглашение о достаточности капиталов банков (о необходимости для банков постоянно иметь достаточные финансовые резервы, которые сыграли бы роль амортизаторов в случае убытков).

Вместе с тем названные институты глобального регулирования торгово-финансовой сферой не являются полностью представительными в мировом масштабе. Они находятся под сильным влиянием крупных и богатых государств, транснациональных корпораций, других международных организаций, которые проводят неолиберальную экономическую политику и согласно ей определяют международные договоры, мировой порядок конкуренции. Глобальной системы управления многонациональными корпорациями и их международным производством — в отличие от сферы торговли и финансового дела до сих пор не появилось.

Международные неправительственные организации как акторы глобального управления

Происходящее во многом под влиянием глобализации *становление транснациональной среды мировой политики* получает сегодня различные воплощения.

Среди них закрепление де-факто (отчасти уже и де-юре) в качестве легитимных участников международных отношений *негосударственных и надгосударственных акторов* со своими специфическими интересами и позициями — от транснациональных корпораций (ТНК), неправительственных организаций (НПО) и международных неправительственных организаций (МНПО) до общественно-политических и иных движений, некоторых групп интересов, даже отдельных индивидов. Этих нетрадиционных участников международных отношений нередко называют транснациональными акторами

(ТНА); формирование и развитие самостоятельной сферы активных *транснациональных взаимодействий и взаимосвязей*, обладающей собственными закономерностями. По ставшему крылатым выражению американских политологов Р. Кейгана и Дж. Ная, именно в этом состоит суть отличия современного транснационального подхода к международным исследованиям в духе парадигмы мировой политики от прежней государственно-центристской схемы. Подобные взаимодействия и взаимосвязи новых международных акторов осуществляются в экономической, политической, культурной, информационной и иных средах. Они включают в себя, в числе прочего, и сферу «глобального гражданского общества», т. е. транснациональной деятельности различного рода НПО и МНПО по всему спектру международной правозащитной проблематики, по вопросам содействия демократическим преобразованиям, по экологическим проблемам и др., однако не сводятся к названным областям. Приобретает значение становление и большее разнообразие собственно *транснациональной повестки дня* мировой политики, находящейся «по ту сторону» традиционной проблематики межгосударственных взаимодействий и обладающей глобальным по охвату форматом. Появляются новые, нетрадиционные *каналы и инструменты* транснациональных взаимодействий, таких, например, как новые информационные и коммуникационные технологии; сверхсовременные сетевые каналы взаимоотношений, прежде всего НПО и МНПО, но также ТНК и других участников мировой политики. Усиливаются внешние, международные воздействия на внутреннюю политику отдельных государств, в частности, в соответствии с нормативными критериями соблюдения прав человека и демократических свобод (*democratic conditionality*). Происходит выход внутренних регионов государств на международный уровень.

Эти и другие транснациональные потоки в мире новых международных акторов, развивающиеся словно бы поверх наций-государств, являются влиятельным фактором, подкрепляющим формирование особой транснациональной среды мировой политики.

Становление сравнительно самостоятельной (прежде всего по отношению к традиционным государственным участникам международных отношений) новой транснациональной среды непосредственно связано с процессами глобализации и проявляется не только в собственно политической сфере, но также и в других взаимодействиях на мировой сцене - финансово-экономических, военных, технологических, информационных, культурных, ценностно-нормативных и других - хотя именно политическое измерение транснационализации особенно важно.

Региональные межправительственные институты являются механизмом сотрудничества стран-членов в различных сферах общественной жизни, прямо или косвенно они поддерживают политическую глобализацию, способствуют формированию более эффективного глобального управления. К числу таких институтов принадлежит, прежде всего, Европейский Союз.

На Американском континенте, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Центральной Азии и в меньшей степени в Африке — получает свое развитие модель *нового регионализма*, которая не повторяет европейский регионализм и является важным шагом к институционализации сотрудничества в деле коллективной безопасности, расширения границ свободной торговли и либерализации экономической деятельности в пределах региона. Примером «нового регионализма» на Тихоокеанском побережье являются: экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона (*APEC*); действующий в рамках АСЕАН Региональный форум (*ARF*), представляющий собой развивающееся консультативное соглашение между азиатско-тихоокеанскими государствами и ключевыми глобальными силами, такими, как США и ЕС, по проблемам региональной безопасности. Наряду с ними существуют такие элитные организации, как Тихоокеанский экономический совет сотрудничества (*PECC*), Экономический совет Тихоокеанских стран (*PBEC*), Тихоокеанская торговля и сотрудничество (*PAETAP*), Совет сотрудничества и защиты Азиатско-Тихоокеанского региона (*PAFTAD*), оказывающие существенное влияние и на развитие сотрудничества между неправительственными

ассоциациями, общественными движениями. Создание Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) в 1991 г. в ответ на подписание Североамериканского соглашения о свободной торговле (*NAFTA*) является примером «нового регионализма» в Латинской Америке.

Тенденции к формированию региональных организаций имеют место на Ближнем Востоке.

На постсоветском пространстве действуют такие организации как СНГ, одним из важнейших итогов деятельности которого стало формирование Единого Экономического Пространства (ЕЭП), Организации договора о коллективной безопасности. Возникли региональные структуры без участия России.

Среди новых региональных образований интересные перспективы может иметь Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Активно участвуют в глобальном управлении международные неправительственные организации (МНПО), которые называют новыми акторами, вне суверенитета, транснациональными силами. В начале XXI века насчитывалось свыше 37 тыс. глобальных неправительственных организаций. Около 9,6 тыс. из них концентрируют свою деятельность в области экономического развития и социальной инфраструктуры. Около 8 тыс. специализируются на исследовательской деятельности. Все больше организаций проявляют активность в сфере социальных услуг, здравоохранения и образования св. 6 тыс., а также правозащитной деятельности и экологии (3,9 тыс.). Число постоянных членов глобальных МНПО возросло со 148 тыс. в 1990 г. до 255 тыс. в 2000 г., т. е. больше чем на 70%²⁰⁹.

Свои цели неправительственные акторы реализуют различными способами: оказывают давление на межправительственные организации, прежде всего на ООН; формируют соответственное их целям общественное мнение; проводят одновременно с официальными структурами параллельные

---

²⁰⁹ Глобальное управление. С. 70.

саммиты, иницируют и участвуют в создании новых международных режимов, формировании новой повестки дня для решения глобальных проблем и демократизации мира. Эффективность международных неправительственных организаций во многом сдерживается отсутствием у них статуса, необходимого для непосредственного участия в процессе принятия решений на глобальном уровне, для осуществления своей основной «миссии» — воздействия на поведение и принципы деятельности ТНК и других бизнес-структур.

Деятельность этих новых акторов, активных членов гражданского общества, выходящего за пределы национальных границ, свидетельствует о возможной перспективе возникновения такого «транснационального гражданского общества», которому присуща космополитическая солидарность, столь необходимая для глобальных эффективных институциональных инноваций в обществах.

Наряду с государствами и межправительственными институтами неправительственные организации активно участвуют в формировании *международных режимов* — этой новой формы глобального управления. В отличие от традиционной формы здесь не предусмотрено наличие каких-либо центров суверенной политической власти и ее определяют как «неявные или явные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, по поводу которых в данной сфере международных отношений предполагается согласие». Это фактически система «управления без правительства».

Международные режимы охватывают широкий спектр проблем (глобальные и региональные режимы безопасности, глобальные режимы международной транспортной системы, режим нераспространения ядерного оружия, рыболовство в международных водах, распределение орбит искусственных спутников и т.д.), различные географические области и разное количество участников.

Решение глобальных проблем стало одной из задач для многих международных организаций, таких, как ООН, Международная организация труда и др. В качестве одной из форм их работы на этом направлении является

активное формирование мирового общественного мнения по данным вопросам. Это достигается в т.ч. путем регулярной публикации специальных докладов, в которых, во-первых, дается подробный обзор состояния проблемы, а во-вторых, предлагаются концептуальные пути для ее разрешения.

Во многом именно по причине распространения данных транснациональных концепций по решению глобальных проблем в общественном мнении, в научной среде и в СМИ по всему миру правительства государств вынуждены волей-неволей принимать во внимание данные разработки, а часто и претворять их в жизнь на национальном уровне. Таким образом, на сегодняшний момент в деятельности международных организаций по решению глобальных проблем следует выделить два аспекта, которые могут рассматриваться как предтечи элементов возможного глобального управления в будущем. Это формирование глобального общественного мнения насчет особо животрепещущих проблем, волнующих все человечество, и продвижение концепций по решению этих проблем на глобальном уровне, в русле которых постепенно начинают следовать и суверенные государства.

Механизм «запуска» предложений международных организаций для их реального осуществления в этой связи представляется принципиально важным. Так, было отмечено, что каждый год в Докладе ПРООН о развитии человека выносятся рекомендации в отношении национальной и международной политики. Эти предложения, иногда поддерживавшие предложения других исследователей, а иногда привносявшие новые подходы, заслуживали как критику, так и высокую оценку. Но важнее всего то, что они помогали начинать политические обсуждения, которые вели к расширению имевшихся возможностей.

Неправительственные организации

Что касается неправительственных организаций (НПО), то они предъявляют требования и оказывают давление, лоббируют или разрабатывают альтернативные рекомендации, имитируя, таким образом, оппозиционные

политические партии в национальных (государственных) общностях. Некоторые из них осуществляют критически-контрольные функции: аудит, медиа. Это множество организаций в их совокупности часто называют теперь глобальным гражданским обществом.

Транснациональные акторы (ТНА) в области информационных технологий

Д.Ю. Швец выделяет два аспекта в информационной безопасности: *информационно-технический* - защита, контроль и соблюдение законности и правопорядка в телекоммуникационной сфере (защита от несанкционированного доступа, хакерских взломов компьютерных сетей и сайтов, логических бомбы, компьютерных вирусов и вредоносных программ, несанкционированного использования частот, радиоэлектронных атак и пр.); *информационно-психологический* - защита психики общества и государства от негативного информационного воздействия. По его мнению, информационно-психологическая безопасность государства является частью информационной безопасности государства и представляет собой состояние защищенности психики политической элиты и населения страны от негативного информационно-психологического воздействия противника, цель которого осуществление глобального доминирования над механизмом принятия решений и в конечном итоге над государством в целом²¹⁰. На наш взгляд, к этому перечню следует добавить правовой аспект информационной безопасности, который заключал бы в правовое поле баланс личных, общественных и государственных интересов в области обеспечения доступа к информации и информационной безопасности.

Д.Ю. Швец дает следующее определение информационных войн. «Информационная война – это коммуникативная технология по воздействию на информацию и информационные системы противника с целью достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии при

---

²¹⁰ Швец Д.Ю. Информационная безопасность России и современные международные отношения. С.12.

одновременной защите собственной информации и своих информационных систем»²¹¹. Д.Ю.Швец выделяет следующие сферы информационного противоборства: политическая, дипломатическая, финансово-экономическая, военная, технологическая, социальная, идеологическая. Информационная война может быть направлена против трех элементов»: компьютер (hardware); программное обеспечение (software); человек (wetware).

На международной арене информационные войны ведутся между государствами и блоками государств; между международными корпорациями, ТНК и международными финансовыми группировками; между международными корпорациями, ТНК и международными финансовыми группировками с государствами; между террористическими организациями и государствами; между криминальными организациями; между криминальными организациями и государствами²¹².

Актуальность современного информационного противоборства является вполне очевидной. Можно согласиться с Д.Ю. Швецом, утверждающим, что «под «гармоничным информационным обществом» следует понимать состояние, которое определяется совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства в информационной сфере, основанных на саморегуляции информационного пространства»²¹³. Надо ли доказывать, что *саморегуляция* информационного пространства возможна только при равных сильных позициях субъектов, участвующих в этом процессе.

Известно, что гипертрофированная секретность и тотальная закрытость советских военных технологий не только от зарубежного противника, но и от собственного производителя мирной продукции стали важной предпосылкой прогрессирующего отставания СССР, а затем и России от технологически передовых стран. Напротив, в США, например, признается, что "военные

---

²¹¹ Там же. С.57.

²¹² Там же. С.17.

²¹³ Там же. С.122.

должны признать, что есть сферы, где лидирует коммерческий сектор, особенно это касается компьютеров и использования методов сложнейшего моделирования". "Прогресс в этих областях позволяет осуществлять многие конструкторские работы и проводить виртуальные испытания без реального производства образцов техники"²¹⁴.

Аутсорсинг. Суть аутсорсинга, как феномена глобализации информационных услуг, кратко можно определить как передачу сторонней организации непрофильных и обременительных для компании функций. Мировая практика этого вида деятельности начиналась с поддержки ИТ-инфраструктуры, а со временем распространилась и на обслуживаемые ею прикладные задачи и бизнес-процессы. В зависимости от вовлеченности этих трех уровней поддержки бизнеса (ИТ-инфраструктура, приложения, бизнес-процессы), предлагаются разные формы ИТ-аутсорсинга. Основной вид, стратегический, – когда речь идет об аутсорсинге того или иного уровня в масштабах предприятия, – предполагает установление партнерства между заказчиком и аутсорсером на основании долгосрочного соглашения. Иногда на обслуживание компании-аутсорсеру передаются отдельные элементы ИТ-инфраструктуры (например, рабочие места пользователей, телекоммуникационные каналы) или бизнес-приложения в масштабе отдела. Такие формы обслуживания ИВМ относят к разряду аутсорсинга одной частной функции, в случае аутсорсинга приложений мы называем это хостингом.

В экономически развитых государствах ИТ-аутсорсинг распространен очень широко – в первую очередь среди финансовых учреждений (банки, страховые компании), где требования к ИТ особенно высоки, а также в сфере производства. Исследование, проведенное весной 2004 года компанией *Knowledge Systems and Research* в шести странах Европы и Америки, а также в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона, показало, что 44% крупных

---

²¹⁴ Смит Д., Корбин М., Хеллман К. Новые вооруженные силы. Стратегия безопасности XXI в. Сокращенный доклад. М.: Гендальф, 2002. С.51.

фирм (с годовым оборотом свыше 500 млн. долл.) пользуются двумя и более уровнями ИТ-аутсорсинга, из них 37% – клиенты IBM. Среди компаний, входящих в список Fortune 500, эти показатели, соответственно, 54 и 9%. Хотелось бы отметить, что кроме незрелости рынка на развитие ИТ-аутсорсинга в нашей стране влияют такие факторы, как информационная закрытость компаний, двойная бухгалтерия, отсутствие провайдеров нужной квалификации и финансовых моделей расчета эффективности, несовершенство законодательной базы, менталитет и пр.²¹⁵

Порой искажения в восприятии угрозы могут достигать значительных масштабов. Более того, угроза реально существует и формируется, а субъекты безопасности могут не знать об этом, не осознавать надвигающейся катастрофы.

В связи с этим А.В. Возжеников предлагает классифицировать угрозы по степени их субъективного восприятия. Под завышенной и заниженной угрозами понимаются объективно существующие угрозы с завышенным или заниженным (вплоть до полного игнорирования) уровнем реальной опасности. Под мнимой угрозой понимается ложная, надуманная, искусственно сформированная угроза при отсутствии достаточного реального основания для этого. Адекватная угроза отражает оптимальный случай, когда реальные параметры угрозы с достаточной точностью совпадают с ее субъективным обликом. Немаловажное значение имеют также личностные особенности характера и целевые мировоззренческие установки политиков и лиц, ответственных за принятие решений в области обеспечения национальной безопасности. Формирование неадекватного субъективного восприятия угроз может быть следствием собственной некомпетентности или заблуждения, либо

---

²¹⁵ Ваганов А. Стратегический информационный ресурс// http://www.ng.ru/telecom/2006-03-07/13_resurs.html

результатом целенаправленной деятельности других лиц, добивающихся своих эгоистических целей²¹⁶.

Сетевые организации транснационального терроризма

Глобализация позволила всем негосударственным субъектам играть заметную роль в международной политике. Но при этом возникновение новых субъектов действия далеко не всегда укладывалось в логику становления глобального гражданского общества. Часто оно означало всемирную активизацию маргиналов (*the rise of «global idiots»*). Отсюда логично возникает один из ключевых вопросов нашего времени: способно ли в принципе государство оказаться в состоянии войны с негосударственным субъектом (террористической сетью) или даже частным субъектом? Антитеррористическая война США против «Аль-Каиды», транснациональных акторы в конфликтах на постсоветском пространстве - в Средней Азии и в Чечне являются примерами войн государства с *не-государствами*. Эти примеры реально означают существенный поворот в эволюции международных отношений, мировой политики и наносят чувствительный удар по принципам государственного суверенитета²¹⁷.

Сети представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентированные на решение конкретных задач и состоящие из автономных (иногда временных) групп. Для них характерны децентрализация власти и ответственности, а также преобладание горизонтальной направленности нежестких связей. Являясь открытыми структурами, сети способны к расширению путем включения в себя новых узлов, если те решают аналогичные задачи и исповедуют сходные ценности (т.е. используют аналогичные коммуникационные коды). Они прекрасно приспособлены к

---

²¹⁶ Возжеников А.В. Национальная безопасность России. Методология комплексного исследования и политика обеспечения. - М.: Изд-во РАГС, 2002. С.77.

²¹⁷ Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма//Международные процессы. 2004. № 2. С. 72-73.

проникновению в органы власти и управления, к коррупционным практикам, обладают устойчивостью и способностью к регенерации. Сети подвижны и потому трудноуязвимы. Они жизнеспособнее жестко централизованных организаций обычного типа.

Например, «Аль-Каида» - это сетевая структура, не несущая никаких обязательств ни перед населением стран базирования, ни даже перед своими рядовыми членами, не ограниченная в выборе целей и средств. «Аль-Каида» не ограничена какой-то единственной зоной базирования, ее финансовые средства рассредоточены по разным географическим ареалам, во многих странах находится и контролируемые ей потенциальные базы отдыха, лечения, укрытия. Она - нигде и всюду одновременно, имея возможность получать скрытую поддержку от своих сторонников даже изнутри Америки и стран Западной Европы.

После 11 сентября в США все больше ориентированы на задачи будущей войны, которую называют «сетевой» (*network-centric warfare*). Ее концепция положена в основу программы американского военного строительства до 2010 года («*Joint Vision 2010*»), а первым ее полигоном стал Афганистан. Об ориентации США на ведение «сетевой войны» с помощью информационного оружия косвенно позволяет судить и обнародованная в сентябре 2002-го Стратегия национальной безопасности США, закрепившая на уровне государственной доктрины переход к стратегии превентивной войны в рамках глобального интервенционизма. Существует, однако, и другая позиция. Она все больше набирает силу в самой Америке. Ее суть в том, что взаимодействие планетарных процессов значительно сложнее, чем та картина, которую рисовали идеологи глобализации в конце XX века, а преодолеть препятствия на пути создания глобального информационного общества средствами глобальной военной интервенции не удастся²¹⁸.

---

²¹⁸ Максименко В. Соблазн и иллюзия глобального управления//Pro et Contra. 2002. N 4.

Часть 2. Дилеммы гегемона: США между либеральным порядком и имперским соблазном

В заголовок главы вынесено наименование итальянского издания книги известного американского политолога Дж. Джона Айкенберри²¹⁹.

Дж. Айкенберри считает, что перед государством-гегемоном возникает дилемма: с одной стороны оно может использовать собственные превосходящие ресурсы силы для завоевания абсолютной гегемонии над другими государствами и создать имперскую систему или государство-лидер может стремиться к созданию равновесного международного порядка, в котором оно могло бы инвестировать свою власть в законность. Как в первом, так и во втором случае государство стоит перед выбором средств в ответ на угрозы: отвечать ли энергично на угрозы, рискуя нарушать легитимность самой системы, которую он создал; или же в качестве приоритета избрать спасение системы, играя по правилам, но рискуя при этом уступить угрозам²²⁰.

По мнению Дж. Айкенберри американская гегемония устанавливается с 40-х гг. XX века и проявляет себя как в виде «социализации» мира, так и в виде особого международного порядка, основанного на открытой американской гегемонии, осуществляемой через многочисленные международные институты. С окончанием холодной войны, несмотря на отсутствие антигегемонистских коалиций, этот однополярный мир оказался в опасности.

С конца 90-х гг. США превратились в «гипердержаву». Фундаментальной основой лидерства США в мировой экономике является инновационный потенциал страны. Можно с полным основанием утверждать, что в США сформирована развитая всеобъемлющая, многоуровневая национальная инновационная система (НИС), которая в существенной степени является основой мировых стандартов в данной области. Их стратегия нацелена на

---

²¹⁹ Ikenberry John G. Il dilemma dell'egemone. Gli Stati Uniti tra ordine liberale e tentazione imperiale. Milano, 2007.

²²⁰ Ibid. P. XII.

научно-технологическое лидерство. США удерживают свое лидерство за счет ресурсного обеспечения, эффективной институциональной базы, динамично совершенствуемых механизмов взаимодействия отдельных элементов НИС, развитой системы прогнозирования научно-технического прогресса. США - лидер по абсолютным расходам на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР). В последнее десятилетие его доля составляла всего 25-30% общего объема мировых расходов на НИОКР²²¹. США развивают глобальные сети НИОКР. Филиалы американских ТНК за границей тратят на НИОКР до 20 млрд. долл. год. Прежде эти исследования были сосредоточены в таких развитых странах, как Великобритания, Германия, Канада, Япония, Франция и Швеция, но в последние годы американские филиалы активизируют свою исследовательскую деятельность в странах с быстро развивающимися рынками - Сингапуре, Израиле, Ирландии, Китае. Четыре сектора доминируют в заграничных инвестициях США в НИОКР - транспортное оборудование, компьютеры и электронная продукция, химикаты и фармацевтика. В США понимают, что вложения в НИОКР являются «дорогой с двусторонним движением». По данным министерства торговли США в 1991-2001 гг. создано 5 982 международных альянса для совместных НИОКР, причем американские корпорации участвуют, по крайней мере, в 4646 альянсах. Доступ к этой копилке знаний становится важнейшим элементом, как национальной конкурентоспособности, так и национальной безопасности²²².

Глобализация и американизация не являются синонимами одного и того же процесса. Тем не менее, невозможно отрицать доминирующее присутствие «американизации» в глобальных процессах. Речь идет как о производстве массовой культуры, так и элитной культуры. Например, если говорить о филантропии, то в 1994 г. американские фонды выделили 966 млн. долларов на филантропические, образовательные проекты за пределами США. В

²²¹ Кириченко Э. Основы инновационного лидерства США// Мировая экономика и международные отношения. 2005. № . С.45.

²²² Там же. С.46.

финансовой сфере крупнейшие инвестиционные фирмы и транснациональные корпорации находятся преимущественно в США, а престижные университеты, в которых обучаются их управленческие кадры также находятся в США. В 1999 г. из 10 самых богатых компаний в мире шесть оказались американскими.

По большинству показателей – совокупным доходам, зарубежным активам, количеству иностранных филиалов, численности иностранных служащих и т.д. - США являются бесспорным мировым экономическим лидером²²³. Однако это не мешает исследователям сделать вывод о том, что «глобализация передала власть правительствам глобальному потребителю»²²⁴.

Дж. Айкенбери обращает внимание на то, что международная практика последних лет подвергла серьезной проверке политические теории. Автор задается следующими вопросами. Смогут ли США и в дальнейшем вкладываться в поддержание либерального мирового порядка или сделают уступку *имперскому соблазну*? Сможет ли *многосторонность* пережить абсолютную *однополярность*? Кстати, появление концепции «однополярности» связано с разработкой Пентагоном в 1992 г. документа, согласно которому США должны были предотвратить в будущем появление любого потенциального глобального соперника. Речь шла не столько об ослабленной России, сколько о потенциальных западноевропейских соперниках²²⁵.

Многие отечественные и зарубежные исследователи считают, что США не использовали свой шанс после окончания холодной войны возглавить процесс создания нового многостороннего миропорядка, основанного на балансе интересов. Например, А. Арбатов пишет, что «неожиданно ощутив себя «единственной сверхдержавой» и пребывая во власти эйфории, самолюбования и самонадеянности, политическая элита США все более подменяли международное право правом силы, легитимные решения Совета

---

²²³ Хантер Дж., Йейтс. Мир американских глобализаторов// Многоликая глобализация. С. 342.

²²⁴ Там же. С. 365.

²²⁵ Арин О. Двадцать первый век: мир без России. М.: «Альянс», 2001. С. 17.

Безопасности ООН – директивами американского Совета национальной безопасности, а прерогативы ОБСЕ – действиями НАТО. Наиболее яркое выражение такая политика получила в военной операции против Югославии в 1999 году²²⁶.

Однако в рассматриваемый период произошли разительные изменения во внешней политике мирового гегемона – США. Буш сменил Клинтона на посту президента США, а на смену «либералистской» операции в Косово пришел «реалистский» курс в Ираке. США отказались от «почетного бремени» быть выразителями интересов мирового сообщества и ради достижения своих целей даже пошли на раскол в рядах собственных союзников. Снова начались разговоры о приоритетной роли военной силы в международных отношениях, о праве силы вообще, о победе «харда» над «софтом», о возвращении «*hard power*» и «*hard security*». На горизонте вновь замаячил и ядерный сценарий. Западные журналы заполнились рассуждениями о «конце глобализации» и возвращении эры национального интереса. В результате глобальное управление, понимаемое как консенсус «широкого униполю», отступило перед глобальным доминированием ведущей державы и ее «унилатерализмом», а демократический мир – перед глобальной империей США. И максимум того, на что в нынешних условиях отваживаются европейские аналитики, – это проводить различие между «империей по Гоббсу» (совсем уж непредсказуемой и унилатералистской) и «империей по Локку» (хоть как-то прислушивающейся к пожеланиям союзников)²²⁷.

В связи с этим современная проблематика глобального управления получает дополнительную политическую остроту. С одной стороны, понимаемая как прежний «глобальный демократический консенсус», она стала знаменем своего рода антибушевского сопротивления в «старой Европе» и в

---

²²⁶ Арбатов А. Не разбрасывать камни в стеклянном доме. С. 186.

²²⁷ Барабанов О.Н. Между Клинтон и Бушем или как преподавать мировую политику // Полис, 2004, № 6.

Демократической партии США. С другой стороны, предложены новые подходы к этой теме, на основе которых можно воспринимать глобальное управление не более как глобальное доминирование ведущей державы в мире.

После 11 сентября 2001 г. США ответили на террористические действия претворением в жизнь неоконсервативной доктрины Буша, суть которой проявляется в одностороннем определении угроз, навязывании собственных стандартов, превентивном использовании силы. Сам способ ведения антитеррористической войны и провал иракской кампании побуждает Дж. Айкенберри к критическому анализу американского *унилатерализма*. Американский политолог обращает внимание на риски и слабости унилатерализма США. Автор обращает внимание на современные вызовы американской политике со стороны России с ее идеей «суверенной демократии», со стороны Китая с его собственной моделью экономического развития и сложной автократией, со стороны иранской теократии, популистского режима Чавеса. Это показывает ограниченные возможности влияния американской модели и стремление государств к поискам собственных путей развития. Продвижение либеральной демократии после многих лет энтузиазма явно затормозилось. Даже внутри самого Запада произошли не второстепенные изменения. Послевоенная либеральная система основывалась на фундаментальном компромиссе, который был определен Дж. Раджи как «встроенный либерализм». В его основе находилась практика «спасения капитализма без выхода за пределы демократии». Этой практике противостояли два оппозиционных решения - «свергнуть капитализм, пожертвовав демократией», как это произошло в СССР, или «свергнуть демократию, чтобы спасти капитализм», как это произошло в фашистских государствах. По мнению Дж. Айкенберри Запад, возможно, находится накануне принятия нового демократического пакта²²⁸.

---

²²⁸ Ikenberry John G. Il dilemma dell'egemone. P. XIII-XV.

Авторы учебника «Национальная безопасность США» - А. Джордан, У. Тэйлер, М. Мазар полагают, что на смену холодной войне пришел «горячий мир». Они считают, что на самом деле возникла «комплексная многополярность» международной системы. Авторы отрицают гегемонистский статус США по ряду причин. Одна из них заключается в том, что фокус национальной стратегии США сдвинулся с глобального на региональный уровень. На глобальном уровне нет противников, а на региональном уровне нет однозначности. На региональном уровне ни одна из моделей силы не является универсальной. В Африке структура отношений формируется на основе баланса сил, в других регионах она определяется биполярностью, а в-третьих – монополярностью. Некоторые мощные региональные державы могут самостоятельно обеспечивать свою выживаемость и независимость без помощи союзников. Но более важная причина многополярности, по мнению авторов, состоит в «диффузии некоторых элементов силы, в частности экономической силы и ее эффекта в международной системе», что отвергает однополярную концепцию. Авторы учебника дают свое определение понятию *силы (power)*. «Сила – есть динамика». «В наипростейшем варианте (сила) – это способность заставить других делать нечто, что они не сделали бы по собственной воле»²²⁹.

На наш взгляд понятие «глобализация» значительно шире и включает в т.ч. спровоцированные ею антиглобализационные процессы. В свою очередь понятие «американизация» обозначает наиболее значимый и влиятельный компонент в глобализации, который является самодостаточным, а не просто частью глобализационного процесса. Согласно мнению бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера американцы верят в то, что они «обладают лучшей системой управления в мире». Остальной мир находится на пути к достижению этого идеала. И если «человечество действительно желает мира, оно должно принять моральные устои США»²³⁰.

---

²²⁹ Арин О. Двадцать первый век. С. 17-19.

²³⁰ Kissinger H. Diplomacy. New York, 1994. P.18.

Таким образом, американские интересы рассматриваются как интересы всех. Будучи кандидатом в президенты Буш критиковал Клинтона за то, что тот направлял американских солдат на театры военных действий второстепенного стратегического значения, исходя из иллюзий экспорта демократических ценностей на враждебном поле. Чтобы избежать вовлечения в конфликты, от участия в которых США ничего не выиграют, они должны занимать умеренные позиции.

Один из идеологов доктрины Буша Джошуа Муравчик утверждает, что американские планы нового мирового порядка имеют мало общего с классической имперской политикой и «еще никогда в истории государство такой мощи не демонстрировало столь низкий имперский аппетит»²³¹. Книга была опубликована в 1996 г. Если быть объективными, то и спустя семь лет с учетом афганской и иракской военных кампаний США нельзя с уверенностью опровергнуть или подтвердить вывод американского политолога. Только сравнительный анализ намерений, факторов внутреннего и внешнего воздействия на сценарии развития событий могут подвести к пониманию мировых политических процессов.

Концепции «Новой стратегии» и «Нового мирового порядка» США не могли бы возникнуть без идеологической основы, которой стал *американский унилатерализм*. В конце XX века американский политолог Ф. Нинкович провозгласил «конец эпохи Вильсона». «Вильсонианство изжило себя как кризисный интернационализм. После окончания холодной войны мир вернулся к своему нормальному состоянию». Основная идея американского политолога сводилась к тому, что вильсонианство стало бесполезно после преодоления биполярности в международных отношениях.

Неприятие международных организаций и институтов во многом объясняется распространенным в консервативной политической элите США стереотипом «угрозы мирового правительства». Европейцы называют эту

---

²³¹ Muravchik J. The Imperative of American Leadership. A Challenge to Neo-Isolationism. W., 1996. P.1.

«угрозу» абсурдом, указывая на то, что один лишь военный бюджет США, равный 390 млрд. долл., в 20 раз превосходит бюджет всех международных организаций вместе взятых (ООН, МТП, Всемирный банк и т.д.).

Сложности в отношениях между Европейскими союзниками и США возникали неоднократно, однако демократы всегда умели сгладить трансатлантические противоречия, участвуя в миротворческих миссиях и различных международных инициативах. Они не были так категоричны в вопросе создания Международного уголовного суда. Правда, Клинтон, с большой неохотой, в самый последний момент 31 декабря 2000 г., подписал Римский статут. Клинтон и его окружение были намного понятнее для европейской политической элиты. Трансатлантические партнеры говорили на одном политическом языке, разделяли одну идеологию. Клинтоновская администрация не высказывала открыто своего пренебрежения к международным соглашениям, нередко шла на уступки европейцам, прежде всего, в вопросе о выходе США из договора по ПРО 1972 г.

В период администрации Дж. Буша стали проявляться серьезные идеологические и политические разногласия между партнерами. Американская идеология, основанная на концепции избранности, не имеет ничего общего с европейскими представлениями о мироустройстве, где ведущую роль играют международные институты.

Дж. Буш отказался от проекта ОЭСР по борьбе с отмыванием денег и укрывательством от налогов, отклонил специальную конвенцию ООН по предотвращению распространения огнестрельного оружия, проигнорировал дополнительное международное соглашение по проведению в жизнь конвенции о нераспространении биологического оружия, а также активно выступал против договора, учреждающего Международный уголовный суд.

Начиная с 11 сентября 2001 г. государственный департамент резко изменил свою политику. Провозгласив начало «бесконечного возмездия» в войне с терроризмом, Дж. Буш отошел от первоначальной внешнеполитической доктрины и начал прислушиваться к неоконсерваторам, призывавшим к

установлению «нового мирового порядка». Идеология неоимпериализма, лозунги «крестового похода», «расширения зоны демократии» и «американской гегемонии» - стали основой новой внешнеполитической доктрины. В знаменитой речи Дж. Буша перед конгрессом, в которой он впервые объявил крестовый поход против «оси зла», Европа даже не упоминалась в качестве союзника.

После 11 сентября риторика Буша изменилась. Теперь он провозглашал необходимость экспортировать американские ценности – свободу, демократию и свободный рынок – на территорию пяти континентов. В обращении к офицерам Вест-Пойнтской академии 1 июня 2002 г. президент США заявил: «Когда в игре находятся общие ценности и жизненные потребности мужчин и женщин, не произойдет никакого столкновения цивилизаций. Ценности свободы в равной мере одинаковы в Африке и Латинской Америке и во всем исламском мире. Исламские народы стремятся к тем же самым ценностям свободы, что и другие народы». «Долг, исполняемый нашей нацией, значительно шире задач нашей обороны. Мы сражаемся, как и ранее, за справедливый мир – мир, который объявлял высшей ценностью свободу... Мы отстоим мир, путем поощрения формирования свободных и открытых обществ на каждом континенте»²³².

Добившись ликвидации «империи зла», в Белом доме думали о создании «империи добра». Новая «*Стратегия национальной безопасности США*», обнародованная 20 сентября 2002 г., стала прямым осуждением современного мирового правопорядка, который управляет международными отношениями со времен Вестфальского договора 1648 г. В документе говорится о том, что правительство США в одностороннем порядке определяет, какое государство представляет угрозу Америке или укрывает на своей территории группу, которая считается потенциальной угрозой²³³. В этом случае Соединенные

---

²³² LiMes. 2002. N 4.P.8.

²³³ Терентьев А. «Новый мировой порядок» США или европейское мироустройство?//Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 7. С. 31-42.

Штаты имеют право осуществить упреждающую акцию в этом государстве с целью устранения угрозы, если необходимо, путем «смены правящего режима».

Кроме того, в доктрине провозглашается: Соединенные Штаты не допустят такой возможности, чтобы другая страна или союз государств оспаривал их военное превосходство, как это было во времена холодной войны, или ставил под сомнение «исключительность США и огромную ответственность за будущее мира». Республиканская администрация выступает за рост американского присутствия на Дальнем и Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Латинской Америке, на Балканах, в регионе Каспийского моря.

Весной 2002 г. в американских и европейских СМИ стали говорить о новой ядерной стратегии США. Несмотря на все заявления о намерении сократить ядерное оружие, администрация Дж. Буша активизирует ядерные силы и огромный исследовательский и промышленный комплекс, который их поддерживает. Кроме того, Вашингтон отводит новую роль ядерному оружию не только в продолжающемся сдерживании, но и в борьбе против «оси зла» и других государств - «изгоев». Пентагон модернизирует свое ядерное вооружение, разрабатывает новые образцы, в том числе ядерное оружие с изменяемой или малой мощностью, которое должно быть рассчитано на точечные удары и быстро наводится на нужную цель.

Соединенные Штаты пытаются изменить один из главных международных инструментов поддержания международного права – ООН. Статья 51 Устава ООН позволяет прибегать к самообороне только в случае, если произойдет вооруженное нападение. Однако существует исключение из этого правила. Глава 7 Устава предполагает что использование силы возможно в экстренных случаях с санкции ООН. Без санкций ООН «угроза применения силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства» Уставом запрещена, а «превентивная война» была названа военным преступлением на Нюрнбергском процессе. Конец холодной войны не был оформлен юридически, как это случалось в прошлом после крупных войн в

Европе. Претензии США на лидерство, на монопольное положение в мире, на односторонность в решении важнейших международных проблем в отсутствие формальных договоренностей остаются всего лишь претензиями.

Можно говорить о том, что самые могущественные государства всегда сами устанавливали правила игры. Соединенные Штаты много раз осуществляли военное вмешательство в небольших странах. Однако в прошлом Вашингтон всегда ссыался на ту или иную форму легального обоснования своих акций и признавал принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран. В начале нового тысячелетия США отбрасывают эти принципы, выдвигая вместо них утверждение, что интересы их собственной безопасности являются главенствующими.

Таким образом, если европейцы отказываются от части своего суверенитета в пользу международных организаций, то американцы провозглашают право вмешательства во внутренние дела независимых государств, нарушая при этом их суверенитет.

Согласно новой Доктрине национальной безопасности США должны после 11 сентября занять «беспрецедентное военное положение и огромное экономическое и политическое влияние». В своей концепции национальной безопасности США исходят из того, что мир будет более безопасным, если будет состоять из таких же государств, как сами Соединенные Штаты. Без войны построение такого мира было бы невозможным в силу устойчивого американского изоляционизма.

Если суммировать основные официальные документы США, то в них утверждается, что, во-первых, США являются единственной сверхдержавой мира и этот статус они сохраняют, как минимум, до 2015 г.; во-вторых, несмотря на это, США столкнутся с множеством «вызовов» и угроз международного плана (терроризм, наркотики, коррупция и др.); в-третьих, Россия не рассматривается как великая держава, способная к соперничеству с США, в то

же время она помещена в нишу «угроз» безопасности США из-за недоверия к российским властям²³⁴.

Новая стратегия, согласно словам президента США, является стратегией военного времени, которая призвана обеспечить безопасность американцев в условиях видоизменившихся вызовов и угроз нового тысячелетия. В качестве главных угроз Джорджем Бушем названы терроризм, вдохновляемый агрессивной идеологией ненависти и насилия, а также распространение опасных видов вооружений.

Анализируя позитивный вклад США в борьбе с проявлениями терроризма в ряде регионов мира за последние годы, Буш отмечает, что проделанная работа далека от завершения. По его мнению, Америка сегодня находится перед выбором – страх, изоляционизм и пассивное парирование угроз либо уверенность и мировое лидерство в борьбе со злом, посягнувшим на исторически сложившиеся либеральные национальные идеалы. Действующей американской администрацией выбран второй путь, предполагающий активные упреждающие действия в кооперации с сильными союзниками (конкретно не упомянуты в обращении) и использование международных институтов (не уточнено, каких именно), призванных способствовать глобальному распространению идей мира, свободы и демократии.

В качестве основ, на которых должна базироваться современная стратегия национальной безопасности США, выбраны, во-первых, защита свободы, справедливости и достоинства людей в различных регионах мира; во-вторых, исторически обусловленное мировое лидерство США в растущем сообществе демократических государств, противостоящих современным глобальным угрозам.

Отмечается, что главной целью государственной политики США в области обеспечения национальной безопасности является создание мирового правопорядка, предполагающего наличие совокупности демократических,

---

²³⁴ Арин О. Двадцать первый век. С. 108.

«хорошо управляемых» (*well-governed*) государств, отвечающих интересам их граждан и ответственных перед мировым сообществом, что является лучшим путем обеспечения безопасности американского народа.

По мнению авторов документа, США сегодня находятся в начале долгого пути достижения отмеченной цели. Ситуация напоминает первые годы холодной войны. Однако, как отмечается, на смену побежденным в XX веке угрозам фашизма и коммунизма явилась новая угроза тоталитарной идеологии, базирующейся не на светской философии, а на извращении «одной из мировых религий» (в первоисточнике – *proud religion*). Указывается, что содержание данной идеологии может отличаться от тоталитарных светских идеологий XX века, но средства ее проведения в жизнь остаются близкими: убийства, террор, порабощение и репрессии.

В разделе, посвященном борьбе за права человека во всех странах мира, декларируется преимущество политики США в данном вопросе. Отмечаются достигнутые с 2002 года успехи, связанные с демократическими переменами в Афганистане, Ираке и ряде других регионов мира. Отдельно упомянут позитивный эффект «цветных» революций в Грузии, Украине и Киргизии. Делается общий вывод о необходимости глобального продвижения демократии для защиты американской нации и ее национальных ценностей с целью покончить в мировом масштабе международными усилиями с тиранией и распространить эффективную демократию.

Приводится общее определение термина «тирания» как совокупности проявлений жестокости и коррумпированности властей, с одной стороны, и нищеты и страданий населения – с другой, в условиях правления деспотов и деспотических систем. Перечисляются страны, народы которых, по мнению авторов документа, в первую очередь знакомы с данным явлением. К таким странам отнесены КНДР, Иран, Сирия, Куба, Беларусь, Бирма и Зимбабве. Четко определен критерий дружественности отношения Америки к тем или иным странам как их готовность исповедовать общие ценности и использовать общие демократические принципы.

В разделе, посвященном укреплению союзнических связей по борьбе с глобальным терроризмом и работе по предотвращению атак на США и их союзников и друзей, определен ряд новых вызовов, требующих адекватной реакции в изменившихся международных условиях. В частности, отмечается, что современные террористические сети характеризуются сегодня высокой степенью децентрализации и имеют «мелкоячеичную» структуру. Усиливаются попытки к овладению террористами оружием массового поражения. Ими также проводятся активные пропагандистские акции. Ряд стран, таких как Сирия и Иран, продолжает оставаться убежищем для террористов и выступает спонсорами террористических акций вне пределов своей территории.

Подчеркивается, что современная война с террором является битвой идей, а не религий. Для победы в данной битве необходимо открытыми глазами взглянуть на то, что способствует или, напротив, препятствует росту терроризма. В данной связи отмечается, что терроризм не является неизбежным продуктом нищеты. Кроме того, террористические акты последних лет – отнюдь не следствие усиления борьбы с терроризмом, так как многие из них готовились, например, задолго до событий 11 сентября 2001 года.

Современные источники терроризма, полагают вашингтонские стратеги, таковы: политическая отчужденность и невозможность реализации политических амбиций людей в собственных странах, невежество и отсутствие информации о мире, господство идеологии, оправдывающей убийства.

В качестве первоочередных мер по борьбе с терроризмом необходимы превентивные воздействия на террористические сети; недопущение овладения оружием массового уничтожения «безответственными» (в первоисточнике – преступными, жульническими, мошенническими) государствами и террористическими группами, которые используют его без колебаний; прекращение преступных связей между «безответственными» государствами и террористическими группами; недопущение контроля террористами над странами, которые они пытаются превратить в плацдарм для ударов по странам свободного мира.

Характеризуя Афганистан и Ирак как передовой рубеж по борьбе с терроризмом, стратегия предусматривает ряд мер политического и экономического характера, призванных стабилизировать обстановку в данных странах и направить их по пути демократических реформ.

В разделе, посвященном вопросу мирного разрешения региональных конфликтов, отмечается, что, несмотря на то что в последние годы достигнут значительный прогресс в данной сфере (Судан, Либерия и ряд других стран), региональные конфликты продолжают оставаться (Уганда, Эфиопия, ряд других государств) серьезным источником угрозы национальным интересам США. Региональные конфликты, которые могут быть обусловлены целым рядом причин, но, будучи упущенными из сферы внимания, приводят к общим негативным результатам: распаду государств, гуманитарным катастрофам, появлению неуправляемых территорий, которые способны стать прибежищем террористов.

Стратегия содержит краткое описание свежих исторических примеров разрешения с участием США конфликтов на различных стадиях их развития: предотвращение, вмешательство и постконфликтная стабилизация. В частности, подчеркивается необходимость наличия квалифицированных армейских формирований миротворцев на стадии вмешательства и создания эффективных местных силовых структур на стадии постконфликтной стабилизации.

Отдельно выделена проблема геноцида как недопустимого в цивилизованном мире явления, связанного с массовым уничтожением людей по национальным, этническим или конфессиональным признакам.

Раздел, посвященный проблеме угроз, обусловленных возможностью применения оружия массового поражения против США, их союзников и друзей, определяет современную позицию Америки по проблеме распространения оружия массового поражения. Цель стратегии в данном направлении – заставить врага убедиться в бесперспективности попыток достижения политических целей подобными средствами или даже исключить

подобные виды оружия из его арсенала как первоочередные. Отмечаются определенные успехи, в частности, легитимный выход США из Договора 1972 года по развертыванию систем противоракетной обороны (эффективность этой акции представляется спорной в отношении разовых террористических атак), новые подходы к парированию угроз биотерроризма и ряд конструктивных инициатив, направленных на нераспространение оружия массового уничтожения и сопутствующих технологий.

Вместе с тем, по мнению авторов документа, остаются актуальными угрозы, обусловленные имеющимися нарушениями международных обязательств такими странами, как КНДР и Иран, попытками террористической сети «Аль-Каида» овладеть оружием массового уничтожения, а также прорывами в области биотехнологий, обуславливающими возможность овладения государствами и негосударственными объединениями биологическим оружием и средствами его производства.

Рассматриваются две стратегические цели при решении проблемы нераспространения оружия массового уничтожения. Первая – предполагает удержание государств от овладения возможностями по производству расщепляющихся материалов, пригодных для создания ядерного оружия. Вторая – не допустить, запретить или предотвратить передачу подобных материалов от стран, обладающих соответствующими технологическими возможностями, «безответственными» государствами или террористами.

Стратегия содержит в качестве направлений антитеррористической деятельности борьбу с созданием и распространением биологического и химического оружия, которое приобретает повышенную опасность в связи с развитием соответствующих технологий и относительной, по сравнению с ядерным оружием, простотой производства.

Новая стратегическая ситуация предполагает формирование новых подходов к сдерживанию и обороне. Безопасные (с точки зрения возможности инициации техногенных катастроф) и надежные стратегические ядерные силы продолжают играть решающую роль в решении данной проблемы. Должны

быть продолжены усилия по созданию новой триады, состоящей как из наступательных систем (ядерных и обычных с расширенными возможностями), так и активных и пассивных оборонительных систем, включая систему ПРО.

Особое место в документе уделено вопросу, связанному с результатами объективной оценки наличия у Ирака, времен правления Саддама Хусейна, оружия массового уничтожения. Исходя из урока, полученного в результате анализа отрицательных результатов оценки, сделаны следующие выводы. Во-первых, необходимо совершенствовать существующую систему разведки. Во-вторых, всегда будет существовать неопределенность при анализе реального статуса засекреченных программ. В-третьих, стратегия Саддама, основанная на обмане, отрицании и хитрости, является опасной игрой, в которую играют диктаторы на свой собственный страх и риск.

В стратегии отдельно выделен блок вопросов, связанных с обеспечением энергетической независимости и безопасности США. Несмотря на то что Америка является третьей страной по объему нефтедобычи, она вынуждена на 50% полагаться на имеющиеся мировые ресурсы для удовлетворения потребностей собственной экономики. Ключом для решения проблемы является диверсификация регионов – поставщиков энергетических ресурсов и типов данных ресурсов. Отмечается, что диверсификация энергетических ресурсов также поможет благотворно повлиять на «нефтяной курс» – негативную тенденцию формирования государственного дохода, способствующую коррупции и препятствующую экономическому росту и политическим реформам в некоторых нефтедобывающих странах. В качестве стратегической цели документ определяет снижение зависимости США от зарубежных энергетических ресурсов.

В интересах реформирования международной финансовой системы для обеспечения устойчивого экономического роста стратегия предполагает: мировое продвижение государственных политик, ориентированных на экономический рост; поощрение ориентации на гибкий валютный курс и открытый финансовый рынок; укрепление международных финансовых

институтов; формирование локальных рынков капитала для развивающихся стран; создание более прозрачной, ответственной и безопасной международной финансовой системы.

В разделе, посвященном проблемам развития отсталых государств путем создания в них открытого общества и инфраструктуры демократии, отмечаются нерешенные задачи, связанные с необходимостью оказания помощи миллионам людей в различных странах, продолжающих страдать от нищеты и болезней; с обеспечением возможности для бедных стран самостоятельно выбирать стратегию экономического развития; с получением гарантий, что выделяемая помощь действительно послужит делу улучшения государственного устройства и проведения социально ориентированной политики.

В документе выделены два направления решения перечисленных задач. Первое направление связано с построением эффективных демократий путем использования «трансформационной» (*transformational*) дипломатии, означающей совместную работу с международными партнерами, направленную на создание и поддержание «хорошо управляемых» государств, откликающихся на нужды своих граждан и осознающих собственную ответственность в мировом сообществе. Второе направление предполагает повышение эффективности помощи, оказываемой развивающимся государствам. Для практической реализации данного направления в Государственном департаменте США создано новое подразделение.

Предложен механизм проведения корпоративных действий совместно с другими основными центрами глобальной силы. Приведены пять главных принципов взаимодействия, к которым относятся: отказ от неконструктивных двухсторонних отношений, не учитывающих глобальные и региональные реалии; создание легитимных и адекватных конкретным ситуациям региональных и глобальных институтов, регламентирующих отношения с партнерами; учет отношения государств-партнеров к собственным гражданам; отказ от диктата в отношении выбора других государств с одновременным

оставлением за собой права благоразумной реакции на данный выбор; готовность в необходимых случаях действовать в одиночку.

Далее анализируются особенности взаимоотношений со странами, находящимися в различных регионах мира. В частности, отмечается готовность США тесно взаимодействовать с Россией по ряду стратегических вопросов, представляющих взаимный интерес, и обсуждать вопросы, в которых эти интересы расходятся. По причине географического положения и мощи Россия оказывает большое влияние не только на Европу и своих ближайших соседей, но также и на многие другие регионы, входящие в сферу жизненно важных интересов США: Ближний Восток, Южная и Центральная Азия, а также Восточная Азия. Подчеркивается, что следует поддерживать Россию в вопросах уважения свободы и демократии в собственной стране и несоздания препятствий для развития свободы и демократии в данных регионах.

Укрепление отношений будет зависеть от проводимой Кремлем внешней и внутренней политики. Последние тенденции, по мнению авторов документа, к сожалению, указывают на уменьшение приверженности РФ к демократическим свободам и институтам. США будут работать для того, чтобы убедить правительство России двигаться не назад, а вперед по пути свободы. Стабильность и благополучие стран – соседей РФ позволит углубить двусторонние отношения. Но эта стабильность останется иллюзией до тех пор, пока страны региона не будут управляться эффективными демократиями.

Далее отмечается стремление убедить правительство России, что демократический процесс в этой стране и регионе служит интересам проживающих там людей и улучшает отношения с США, другими западными правительствами. Напротив, попытки прервать демократическое развитие в собственной стране и за рубежом будут препятствовать строительству отношений с США, странами Европы и ближнего зарубежья. В отличие от прошлой редакции стратегии 2002 года, ни слова не говорится о стратегическом партнерстве с Россией и совместных позитивных усилиях.

Документ содержит раздел, посвященный вопросам совершенствования национальных и международных институтов безопасности. Для национальных институтов, например, выделяются три приоритета: реорганизация (в части создания новых подразделений и улучшения взаимодействия) Министерства обороны, ФБР и ряда других организаций; продолжение переориентации Государственного департамента на «трансформационную» дипломатию, обеспечивающую продвижение эффективных демократий и поддержание «ответственных» государств; совершенствование возможностей заинтересованных министерств по планированию, подготовке, координации, объединению усилий и проведению необходимых мероприятий в области обеспечения национальной безопасности.

Обращено также внимание на реформу в ООН (в частности, для расширения возможностей привлечения специальных армейских и полицейских формирований в интересах выполнения миротворческих миссий)²³⁵.

Американская акция против Ирака стала кульминационным моментом обострения противоречий Старого и Нового Света. Впервые немецкий министр сравнил Буша с Гитлером. Что находится в основе разногласий между «старой Европой» и США? Прежде всего, отношение к международным институтам и международным договорам, их роли в поддержании мирового порядка.

С приходом администрации Буша-младшего уничижительное отношение США к роли ООН как института поддержания мирового порядка усилилось. Прежде всего, республиканская администрация добилась значительного сокращения американских платежей ООН, пообещав выплатить лишь текущие долги. Обещание, правда, тут же было нарушено. После чего Дж. Буш отклонил предложение о создании Международного уголовного суда, объяснив это тем, что европейская инициатива противоречит интересам американских граждан.

---

²³⁵ Почуев С. И. Стратегия военного времени//Независимое военное обозрение. 2006.08.18

В ответ на одностороннюю политику президента США Совет по экономической и социальной политике ООН 3 мая 2001 г. принял беспрецедентное решение об исключении Соединенных Штатов из Комиссии по правам человека. Такое случилось впервые в истории этой организации, созданной в 1946 г. по инициативе США, и, конечно же, воспринималось в общественном мнении США как «оскорбление американского достоинства».

Несмотря на то, что голосование было тайным, стало известно: решение принято благодаря жесткой позиции европейских стран, высказавшихся против участия США в Комиссии. Вопрос об исключении Соединенных Штатов из двух международных институтов - Комиссии по правам человека и Международного совета по контролю за наркотиками - стал предметом многочисленных слушаний в американском конгрессе.

Только две страны - Соединенные Штаты и Ирак до сих пор не ратифицировали Конвенцию ООН по правам ребенка 1989 г. Нет американской подписи под договорами, запрещающими применение пыток, использование противопехотных мин (1990 г.), Декларацией о праве на надлежащее питание (1999 г.). США не желают рассматривать вопрос о включении права на образование, работу и медицинское обслуживание во Всеобщую декларацию прав человека.

Позиция Соединенных Штатов по указанным вопросам вкупе с накладываемыми ими на другие страны санкциями (лишь в 1998 г. они установили те или иные запреты для 75 стран, население которых составляет 52% населения всей планеты) и экономической политикой в отношении стран Южного полушария вызывает в Европе резкую критику. США практически не принимают участия в таких международных институтах, как Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Программа развития ООН, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Глубокие противоречия разделяют США и ЕС относительно принятия Киотского протокола о глобальном потеплении.

Учреждение Военной комиссии США в связи с борьбой против террористов противоречит принципам Всемирной декларации о правах человека, Европейской конвенции и даже минимальным требованиям Женевской конвенции 1949 г. В Европе комиссия была названа институтом, попирающим все существующие международные нормы судопроизводства. Известный британский правозащитник Дж. Робертсон утверждает, что Военная комиссия не является независимым и беспристрастным судом, что требуется по ст. 84, 85 Женевской конвенции, ратифицированной Соединенными Штатами. Работа американских офицеров, выполняющих роль судей, оплачивается Министерством обороны США одновременно является обвинительной стороной.

Как только администрация Дж. Буша пришла к власти, начался длительный период противостояния США и европейских стран по вопросу создания Международного уголовного суда. В апреле 2002 г. после того, как 60 стран ратифицировали Римский статут - договор, учреждающий этот международный институт. В мае Дж. Буш отозвал подпись США. После этого Соединенные Штаты наложили вето на возобновление работы миссии ООН в Боснии, мотивируя это беспокойством об американских солдатах-миротворцах, которые не защищены от возможного привлечения к Международному суду. Следующим шагом стало предложение США, призывающее Суд отказаться на 12 месяцев от любых расследований в отношении лиц - участников миротворческих миссий ООН из тех стран, которые не подписали Римский статут. Кроме того, подтверждать и продлевать эту гарантию, по мнению Соединенных Штатов, следует 1 июля каждого года. Эти предложения, согласно требованию США, должны быть закреплены резолюцией Совета Безопасности. Однако, как считают европейцы, это создает опасный прецедент: Совет Безопасности, приняв свою резолюцию, может изменить любой международный договор.

Исследователь А.Терентьев, подытоживая суть американо-европейских разногласий, приходит к выводу, что «Америка как государство вестфальского

типа не способно, по крайней мере, на данном этапе, воспринять европейскую модель демократического институционального мироустройства. Противоречивость и парадоксальность нового этапа отношений Соединенных Штатов и Европейского союза заключается в том, что в них присутствуют как элементы конфликта, так и элементы сближения. Усиление тенденций к расколу атлантического сообщества говорит о том, что нынешний этап является началом эпохи конфликта. Нарастание противоречий в отношениях США и ЕС, присущее современному этапу американско-европейских отношений, не исключает последующего сближения трансатлантических партнеров в процессе политической глобализации»²³⁶.

На наш взгляд, наблюдение А. Терентьева относительно американско-европейских разногласий является вполне обоснованным, однако он преувеличивает степень конфликтности этих отношений, это США²³⁷.

Для многих отечественных и зарубежных авторов как бы априори является фактом стремление США исполнять имперскую роль. В этом отношении представляет интерес замечание А. Кустарева относительно того «в какой мере сама Америка хочет мирового господства». Правые либертарики и автономистские конфессии продолжают культивировать американский изоляционизм, приобретающий теперь новые оттенки. Изоляционизм сохраняет влияние и в политическом истеблишменте. Прежде всего, американцы неоднократно имели случай убедиться в том, что военное вмешательство стоит дорого, деморализует общество и в целом бесперспективно. Кроме того, энтээровская экономика обходится без так называемых «эксплуатируемых». Теперь капитал заинтересован не в том, чтобы впрячь людей в колесницу капитала, а в том, чтобы избавиться от них, как от обузы. Передовая страна имеет тенденцию отгораживаться от мира с его проблемами, закрываться в богатом гетто. Многие американцы думают, что выживут без остального

²³⁶ Там же.

²³⁷ Кустарев А. Кем и как управляется мир. См. *Кустарев А.* Государственный суверенитет в условиях глобализации // *Pro et Contra*. 2006. Т. 10. № 4. С. 50—61.

человечества. Поэтому в Америке так громки призывы выйти из ООН. Можно подозревать, что США хотели бы порвать с ООН не столько для того, чтобы взять на себя ее роль регулятора мирового порядка, сколько для того, чтобы дезертировать. Америка может предпочесть изоляционизм, то есть мировое господство наизуоборот, используя свою мощь для того, чтобы выжить в океане всеобщей деградации и хаоса и помогать, а может быть, даже и не помогать сохраниться своим союзникам. Во всяком случае, тут много темного, возможно, и для самих американцев, не сознающих толком парадоксальности своего положения в мире. Свободы действий у Соединенных Штатов сейчас больше, чем у кого-либо. Они экспериментируют — больше это делать некому. Но становится ли Америка в результате империей — непростой вопрос. И те, кто панически боится превращения мира в империю Дяди Сэма, и те, кто продолжает лелеять эту мессианскую мечту, должны дважды подумать, заключает А. Кустарев.

ЧАСТЬ 3. РОССИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА

На протяжении всей истории Россия лишь дважды становилась международной силой первой величины: от царствования Петра I до 1815 года и от победы под Сталинградом в 1943 году по 1980-е годы. В обоих случаях властям удавалось мобилизовать ресурсы страны западными методами организации, широко прибегая к репрессивным мерам. Сегодня Россия вновь пытается играть значительную роль на международной арене. Однако при этом экономический рост России, в основном, является следствием растущих цен на энергоносители. Уровень технологической модернизации по-прежнему очень низок. Бюджет страны примерно на 30 % покрывается за счет экспорта энергоносителей, формируется классическое «нефтяное» государство с присущими ему коррупцией и неэффективностью. Экономический рост обеспечивается почти исключительно за счет экспорта энергоносителей,

стремительно растет социальное неравенство, и происходит быстрое сокращение численности населения.

Чего в действительности добивается Россия? Кто она: новая имперская держава, стремящаяся господствовать над более слабыми соседями, либо постимперское государство, защищающее свои законные интересы? Относится ли Москва к Европейскому союзу как к стратегическому партнеру, или она считает его угрозой для своих амбиций в Европе? Насколько стабилен режим Медведева-Путина? Насколько устойчив экономический рост России? Каковы долгосрочные интересы и краткосрочные опасения Кремля?

Внешняя политика России в период Б.Н. Ельцина

За рамками научного анализа находится популистская оценка ельцинского периода как отступления от государственных, национальных интересов Российской Федерации, в т.ч. внешней политики России, стоящей на коленях перед Западом.

На одной из конференций в 2007 г. политик ельцинского призыва Э. Бурбулис говорил о начале 90-х гг. как о либерально-романтическом периоде. Безусловно, в этот период существовало немало иллюзий относительно того, каким образом вписать новую Россию в контекст мировой политики.

Однако, при оценке этого начального периода было бы более уместным обратиться к словам весьма неглупого немецкого политика Бисмарка утверждавшего, что «политика – искусство возможного».

Перед руководством новой России встали задачи исторического масштаба, от решения которых зависели судьба и благополучие страны:

1. При распаде СССР обеспечить максимум государственных интересов России, особенно территориального характера.
2. Осуществить переход от неэффективной плановой к высокопроизводительной рыночной экономике.
3. Демократизировать политическую и общественную жизнь, выйти на передовые принципы государственного устройства, реализуемые в цивилизованных, правовых странах.

4. Укрепить целостность российского государства, устранив неравноправие субъектов федерации и уменьшив разрушительное воздействие национального фактора.

5. Поддерживать влияние в Содружестве Независимых Государств, рассматривая его как сферу жизненных интересов России.

В 2000 г. неправительственное общественное объединение «Совет по внешней и оборонной политике» под руководством С. Караганова подготовило доклад²³⁸, в котором предлагался достаточно взвешенный и прагматичный сценарий российской внешней политики. В качестве отправной точки отсчета авторы доклада исходили из того, что России вряд ли по силам существенно изменить нынешнюю структуру международных отношений, поколебать господство США. «Пока они наращивают отрыв от других развитых государств, не говоря уже о России, прежде всего за счет точного прогнозирования и овладения новыми информационными технологиями, буквально переворачивающими прежние представления об эффективности и производительности труда. Наша цель — не переделывать мир (взявшись за неподъемные задачи, мы лишь глубже увязнем в собственном кризисе), а, как минимум, — найти свое место в нем; как максимум, — добиться для России достойной экономической и политической ниши²³⁹».

Очевидно, фактор учета адекватности внешней политики внешним и внутренним обстоятельствам должен учитываться не только теми, кто ответственен за ее проведение, но и теми, кто исследует и пишет о внешней политике. Если не искать глубоких методологических корней в интерпретациях российской внешней политики, то можно ограничиться простой классификацией авторов на сторонников *realpolitik*, либерально-

---

²³⁸ Авторский коллектив в составе: С. Караганов (руководитель), В. Аверчев, А. Адамишин, А. Белкин, А. Пушков. Глава из книги "Стратегия для России: повестка дня для президента – 2000" (М., 2000) опубликована в журнале «Современная Европа», 2000. № 2. С.72-96.

²³⁹ Там же.

демократических романтиков и приверженцев традиционалистско-державных мифов. Известная сентенция - «политика - это искусство возможного» - является ключевой при оценке российской внешней политики. Оценивать внешнюю политику России начала 90-х годов, сопоставляя ее с внешнеполитическими ресурсами сегодняшнего периода, по меньшей мере, не исторично.

Если говорить о научных работах, в которых комплексно исследуется внешняя политика Российской Федерации периода Ельцина, то хотелось бы начать анализ со статьи Е. Кожокина, опубликованной в учебном пособии МГИМО²⁴⁰. Ее суть сводится к тому, что российская дипломатия в этот период совершала действия, «противоречащие национальным интересам России»²⁴¹.

В конце 1993 г. линия российской дипломатии на «стратегическое партнерство» с США и европейскими государствами была подвергнута мощно организованной атаке, во главе которой, можем предположить, находился руководитель Службы внешней разведки Е. Примаков. Собственно на это намекает Е. Кожокин, когда пишет, что Е.Примаков открыто озвучивал свои взгляда на международные проблемы и опубликовал ряд открытых докладов СВР²⁴².

В чем же заключалось отступление руководства РФ от национальных интересов? В августе 1991 г. на многотысячном митинге демократических сил в Москве министр иностранных дел РСФСР А.В. Козырев провозгласил новую внешнеполитическую линию, согласно которой для демократической России Соединенные Штаты Америки и другие западные демократии являются естественными друзьями, а в ближайшей перспективе – союзниками²⁴³.

---

²⁴⁰ Кожокин Е.М. Основные приоритеты внешней политики России (1992-1999)//Внешняя политика Российской Федерации. 1992-1999. М.:РОССПЭН, 2000. С.33-50.

²⁴¹ Там же. С.41.

²⁴² Там же. С. 46.

²⁴³ Козырев А.В.. Стратегия партнерства//Международная жизнь. 1994. № 5. С. 5-15.

Практически сразу после распада СССР новые отношения России с Западом были сформулированы в российско-американской Хартии партнерства и дружбы, а затем получили развитие в ванкуверской и московской декларациях президентов Ельцина и Клинтона, а также в договорах России с ведущими государствами Западной Европы. Российский МИД определил свой западный внешнеполитический выбор: «...США и другие западные демократии – естественные друзья»²⁴⁴. Объявлялось «стратегическое партнерство России с западными демократиями». Предполагалось, что этот процесс будет сопровождаться ослаблением до ликвидации НАТО и усилением СБСЕ. В качестве приоритетных направлений указывались – глобальная безопасность, миротворчество, стабильность на пространстве бывшего СССР, права человека и национальных меньшинств, содействие российским реформам.

В период пребывания А.В. Козырева на посту министра иностранных дел был продолжен демонтаж советской внешней политики и предпринята попытка привести внешнюю политику в соответствие с идеологическими принципами построения новой России, вставшей на путь либерально-демократических преобразований. Было провозглашено стратегическое партнерство с Западом. «Стратегическое – потому что мы разделяем общие ценности», - подчеркивал А.В. Козырев²⁴⁵.

Таким образом, стратегическая цель внешней политики, как ее, видимо, понимали демократы первой волны, заключалась в непротиворечивости внешней и внутренней политики новой России, народ которой выбрал либерально-демократический путь модернизации, что нашло свое отражение в выборе 1991 г. и в Конституции 1993 г.

Можно не без оснований предполагать, что младореформаторы не считали Россию хуже послевоенной Германии или постфранкистской Испании или послесалазаровской Португалии, выбравших путь демократического

---

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же. С.10

транзита и сумевших в короткие сроки обеспечить собственному народу достойную жизнь. По крайней мере средний жизненный уровень португальцев все еще остается недостижимым для россиян. Но, думаю, что младореформаторы все-таки имели в качестве ориентиров такие страны, как Францию или Великобританию, а в качестве образцов внешней политики сотрудничество в рамках Антанты или Объединенных Наций. В первом случае Октябрьская революция вывела Россию на задворки Версальской системы, а во втором случае СССР добился самых крупных международных успехов в своей и российской истории.

Когда-то К. Ясперс, оценивая перспективы постнацистской Германии писал: «Надо научиться скакать под защитой Запада». Современные Германия, Франция, Великобритания не являются державами, оспаривающими американскую гегемонию в мире, но, вряд ли у кого-то повернется язык сказать, что их внешнеполитическая стратегия вступает в конфликт с их национальными интересами.

Что же произошло на рубеже 1993-1994 гг.? Очевидный кризис «политики стратегического партнерства», обусловленный, во-первых, разочарованием либерально-демократических романтиков перед жестокой реальностью мировой политики, где фактор силы в межгосударственных отношениях никто не отменял; во-вторых, массированным давлением быстро восстанавливавшей свое влияние в правящей элите советской номенклатуры второго эшелона, приходившей с реваншистскими имперскими идеями и ценностями.

Эрозия либерально-демократических принципов и ценностей происходила одновременно во внутренней и внешней политике.

В статье «Стратегия партнерства», опубликованной министром иностранных дел А.В. Козыревым в журнале «Международная жизнь» в 1994 г. звучали уже другие нотки. Министр подчеркивал, что «Россия и США располагают исторически обусловленными возможностями влиять на ход мировых дел, не претендуя на «кондоминиум» или навязывание своих

приоритетов другим странам». «У них есть все необходимое, чтобы сыграть роль катализатора глобального партнерства»²⁴⁶.

А как формулировал место демократической России в новой мировой архитектуре сам А.В. Козырев? «Фундаментальный факт состоит в том, что большинство политических и общественных сил выступает за сильную, независимую и процветающую Россию. Отсюда вытекает, что успешной и надежной может быть только такая политика Кремля в отношении Запада и Запада в отношении Кремля, которая будет признавать равноправие и взаимную выгоду обеих сторон, статус и значение России как великой мировой державы»²⁴⁷. «Россия обречена быть великой державой», - констатировал А.В. Козырев²⁴⁸.

Несмотря на подчеркивание А.В. Козыревым, что Россия не стремится к кондоминиуму, он сам, на наш взгляд, и российская политическая элита, прежде всего, сам президент Ельцин, понимали российско-американское «глобальное партнерство» именно как соуправление или как построение новой многополюсной конфигурации, где одним из противовесов американской политике должна выступать Россия в качестве мировой державы. «В то же время уже сейчас представляется достаточно очевидным, что мир XXI столетия не будет ни *«Pax Americana»*, ни каким бы то ни было иным вариантом двухполюсного мира. Он будет многополюсным», - утверждал А.В. Козырев²⁴⁹.

Какой содержание вкладывал министр иностранных дел в понятие стратегического партнерства?

Первое. Взаимное признание друг друга в качестве государств-единомышленников, приверженных общим демократическим ценностям, нормам ООН и СБСЕ. Конкретным выражением необходимости такого

---

²⁴⁶ Козырев А.В.. Стратегия партнерства. С.6.

²⁴⁷ Там же. С.8.

²⁴⁸ Там же. С.9.

²⁴⁹ Там же.

признания является сохранение институтов, олицетворяющих общность ценностей, но по-прежнему функционирующих без России, в частности «семерки» и НАТО.

Второе. Партнерство нуждается в эффективных механизмах. Если брать «семерку», то речь идет о ее двухэтапной трансформации в «восьмерку». Что касается НАТО, то программа «Партнерство ради мира» на данном этапе отвечает потребностям сближения между Россией и альянсом. Но эта программа не должна стимулировать «НАТОцентризм» в политике альянса и «НАТОманию» нетерпеливых кандидатов на присоединение к нему. В условиях многополюсного мира, естественно, возрастает роль такой глобальной структуры, как ООН, и, прежде всего, тесного взаимодействия постоянных членов Совета Безопасности.

Третье. Необходимость следовать «правилам партнерства». Главное из них – взаимное доверие. Если партнерство строится на взаимном доверии, то естественно следовать другому правилу: необходимости не только взаимного информирования о принятых решениях, но и предварительного согласования подходов²⁵⁰.

Приоритетными направлениями стратегического партнерства А.В. Козырев определил, прежде всего, глобальную безопасность. К ней он относил, прежде всего, сотрудничество в области нераспространения технологий оружия массового уничтожения и поддержание стратегической стабильности. На второе место он выводил миротворческую деятельность. Далее следовало обеспечение стабильности на пространстве бывшего СССР. А.В. Козырев настаивал на понимании Западом особой роли и ответственности России в рамках бывшего СССР. На четвертом месте следовало соблюдение на всем постсоветском пространстве прав человека и национальных меньшинств.

---

²⁵⁰

В качестве неисполнения этого принципа А.В. Козырев ссылался на решения НАТО о предъявлении ультиматума боснийским сербам и нанесении воздушных ударов, которые принимались без участия России и учета ее интересов на Балканах.

«Российские демократы хотят совершенно другого – не привилегий, а нормального гражданства и равноправия для русских в этих государствах»²⁵¹. И в заключение министр иностранных дел акцентировал внимание на важности поддержки Западом российских реформ и интеграции России в мировую экономическую систему. «С политической точки зрения также важно, чтобы поддержка рыночных реформ в России выражалась в усилиях по предоставлению ей доступа на европейские и мировые рынки товаров и технологий на равноправной и недискриминационной основе»²⁵².

В заключительной части статьи, опубликованной в мае 1994 г., А.В. Козырев не скрывал своего разочарования позицией западных партнеров, которые не проявляют должного понимания российской внешней политики. «Мы не скрываем своих трудностей и отнюдь не претендуем на то, чтобы Запад аплодировал каждому нашему шагу. Равным образом и сами не намерены автоматически следовать за любыми шагами Запада. Различные оценки действий друг друга – дело естественное и нормальное. Несомненно, и в будущем могут возникать проблемы, которые будут требовать откровенного, а порой нелिцеприятно разговора. Вопрос в другом: как подходить к этим проблемам – с доверием или с подозрительностью, занимать выжидательную позицию или стараться решить их в духе сотрудничества? ...Сейчас именно тот момент, когда партнерство России и Запада может сыграть ключевую роль в обеспечении перехода от «холодной войны» к прочному демократическому миру»²⁵³.

Типичной для этого времени является публикация политолога А. Миграняна в «Независимой газете» - «Внешняя политика России: катастрофические итоги трех лет. Пора сделать паузу, поменяв и политику, и

---

²⁵¹ Там же. С.14.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. С.15.

министра»²⁵⁴. Политолог считал, что сущность российской внешней политики характеризуют «суэта, импровизация, некомпетентность и в результате всего этого шараханье из стороны в сторону».

Жесткой оценке была подвергнута, прежде всего, российская политика в отношении НАТО. Основной упрек А. Миграняна сводился к тому, что А. Козыреву не удалось остановить продвижение НАТО на восток и, тем самым, превратить НАТО в ядро европейской безопасности. Таким образом, российское участие в программе «Партнерство во имя мира» оказалось лишенным смысла. Второй пример, использованный А. Миграняном – отношение к Ираку. Политолог подверг критике поддержку российским МИДом карательной акции США в отношении Ирака. По его мнению, МИД не учел, что Ирак является крупным должником России и потенциальным рынком сбыта российского оружия. Затем критические стрелы были направлены в отношении голосования России в Совете Безопасности за предоставление мандата ООН Генеральному секретарю на использование сил НАТО в Боснии и против Сербской Краины в Хорватии. А. Мигранян расценил как непоследовательную политику России в отношении Белоруссии. «То мы объединяем наши два государства, то требуем от белорусов радикальных реформ, прежде чем всерьез говорить о формах интеграции». По мнению А. Миграняна Россия не должна была игнорировать стремление победившего на выборах в Крыму блока «Россия» к объединению полуострова с Россией. И параллельно укреплять стратегическое сотрудничество с новым украинским президентом Л. Кучмой.

Оценивая три года новой внешней политики, А. Мигранян приходит к выводу о том, что Россия «не обрела новых друзей и союзников, но потеряла старых и союзников, и партнеров, и клиентов». «Таким образом, через три года после обретения независимости Россия во всех отношениях оказалась гораздо более одинокой и уязвимой на мировой арене, чем Советский Союз». «Для

---

²⁵⁴ Независимая газета. 1994. 10 декабря.

kozyревской внешней политики до сих пор была характерна попытка включиться в новые мирохозяйственные связи и международные структуры, взаимодействуя исключительно с США, поддерживая при этом многие международные акции США в ООН. Однако уже сейчас можно констатировать, что как в двусторонних отношениях Россия — США, так и по ключевым вопросам мировой политики результаты для России оказались весьма плачевными. Объявленные Козыревым сначала союзническими, а затем зрелыми партнерскими отношения с США не дали ощутимых результатов ни в плане активизации американской помощи российской экономике, ни для снятия таможенных барьеров и ограничений на пути российских товаров на американские рынки. До сих пор официально не отменена даже печально известная поправка Джексона — Вэника». Далее А. Мигранян упоминает недостаточные для России квоты по танкам и бронетехнике в рамках венских договоренностей. Давление на Россию по югославскому вопросу он рассматривает как окончательное «выдавливание» России из Европы вообще. А. Мигранян считает, что американская политика проводится в ущерб другим направлениям — азиатскому, африканскому, ближневосточному, латиноамериканскому.

Особое беспокойство выражал А. Мигранян в связи с тем, что Запад не собирался признавать особую роль России на пространстве бывшего СССР. «Политика США и их партнеров ... в отношении Закавказья, Средней Азии и Украины явно направлена на формирование геополитического плюрализма на территории бывшего Советского Союза и предотвращение российского лидерства в СНГ».

Таким образом, заключает А. Мигранян, «трехлетняя американоцентристская внешняя политика новой, демократической России дала весьма плачевные результаты на всех направлениях», «наградой за разрушение тоталитарной советской империи для России стало не возвращение в семью цивилизованных народов в качестве уважаемого и равноправного партнера, а ее резкое ослабление и изоляция». «Из всего вышесказанного

напрашиваются два вывода. Первое: продолжение выбранного курса губительно для России и требуется кардинальная переоценка как роли, так и приоритетов ее внешней политики. Второе: нашим партнерам следует учесть, что угроза изоляции окажет серьезное воздействие на внутривнутриполитический процесс в России и сделает возможным приход к власти антизападных, крайне националистически ориентированных сил, которые смогут использовать изоляцию России для создания авторитарного мобилизационного режима для того, чтобы справиться с социально-экономическими проблемами внутри страны. При подобном развитии событий изолированная Россия с мобилизационным режимом, как сжатая пружина, станет серьезной и постоянной угрозой для международного сообщества».

Мнение А. Миграняна совпадало с суждениями многих представителей политической и научной элиты, согласно которым демократическая Россия должна была получить некую премию за то, что перестала угрожать остальному миру. И в рамках этих дарованных Западом политических преференций на Россию должен был обрушиться «золотой дождь» инвестиций, а постсоветское пространство автоматически признанным новорусской сферой влияния. Иначе, подчеркивал А. Мигранян, «эта пружина в любую минуту может выпрямиться», и «Запад повторит ошибку, совершенную после первой мировой войны по отношению к Германии». Иными словами в противном случае Россия совершит публичное самоубийство, в результате которого остальному миру «мало не покажется».

Значительная часть российской политической элиты и массового общества смутно представляли себе особенности жесткого функционирования международных и внутренних институтов демократического общества и свободного рынка. Демократия не выставляется на продажу на мировом аукционе, а рассматривается демократическим миром как естественный внутренний процесс, самым своим развитием дающий дивиденды обществу, избравшему демократический путь развития. В свободном мире доказывают свою состоятельность, а не кланчат уступки. Западные демократии уважают

сильного и проявляют жалость только в отношении низко падших, но при этом категорически требуют от них расставания с собственным суверенитетом.

Что касается постсоветского геополитического пространства, то при любой российской внешней политике и любом правительстве Запад не собирался и не собирается априорно закреплять его за Россией. Как справедливо написал в предисловии к книге Збигнева Бжезинского тогда генерал-майор Службы внешней разведки Ю. Кобаладзе: «никто еще не рассказал нам проще, жестче и откровеннее об Америке как «единственной сверхдержаве» и никто еще не раскрыл столь обнаженно, какими способами удержать и упрочить ее исключительное положение»²⁵⁵. Далее, Ю. Кобаладзе пишет: «...Анализируя «kozyревскую» внешнюю политику, питавшую иллюзии «зрелого партнерства» России и США (то есть совместного «управления миром»), Бжезинский без обиняков, с солдатской прямолинейностью заявляет, что Америка никогда не собиралась делиться властью. С Россией...»²⁵⁶ Можно сказать, что в российско-американских отношениях «торг неуместен».

В 2000 г. преемник Е.М. Примакова министр иностранных дел И.С. Иванов заявил, что «радикальный поворот от конфронтации к сближению с западными странами себя не оправдал». «Эти завышенные ожидания оставили свой отпечаток в первой редакции внешнеполитической Концепции России, принятой в 1993 г.»²⁵⁷

Какие положения той концепции оказались нереальными по мнению И.С. Иванова? «Ускоренная любыми средствами интеграция в евроатлантические структуры», «немедленное установление «стратегического партнерства» и даже «союзнических отношений с Западом». Запад, по мнению министра, не только не был готов к равноправному сотрудничеству с Россией. «Ей в лучшем случае

---

²⁵⁵ Кобаладзе Ю.Г. Предисловие. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 9.

²⁵⁶ Там же. С.10.

²⁵⁷ Иванов И.С. Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления. М, 2000. С.9.

отводилась роль младшего партнера. Любые же проявления самостоятельности и стремления отстоять свои позиции воспринималось как рецидив советской «имперской» политики. Курс США и НАТО на продвижение альянса к границам России, столь явно игнорировавший российские национальные интересы, был в этом отношении наиболее серьезным отрезвляющим сигналом»²⁵⁸.

В силу вышесказанного, полагает министр иностранных дел, «период достаточно явного «прозападного крена» во внешней политике России носил непродолжительный и поверхностный характер»²⁵⁹.

Эту же точку зрения развивает в вышеупомянутой публикации Е.М. Кожокин. По его мнению, либерально-демократический поворот во внутриполитическом развитии страны и во внешней политике вступил в конфликт с национальными интересами России. Он утверждает, что, к примеру, антикоммунизм определял отношение России к политике Милошевича в начале 90-х гг. Именно поэтому в течение зимы 1991-1992 гг. А.В. Козырев рассматривал президента Сербии С. Милошевича как идеологического противника. «Козырев и не пытался понять значимость максимального сохранения целостности Югославии с точки зрения интересов России на Балканах. 30 мая 1992 г. Россия голосует в СБ ООН за введение санкций против Югославии»²⁶⁰.

Со времени голосования против политики Милошевича в Совете Безопасности прошло пятнадцать лет, отмеченных рискованными для национальной безопасности России зигзагами ее политики по югославскому вопросу и печальными результатами. Будущее Сербии в Европейском Союзе, а затем и в НАТО вряд ли у кого-то вызывают сомнения.

---

²⁵⁸ Там же. С.10.

²⁵⁹ Там же. С. 10.

²⁶⁰ Внешняя политика Российской Федерации. С.43.

Учебное пособие, в котором Е.М. Кожокиным написан раздел, вышло в 2000 г., когда стал очевидным не только провал иллюзий относительно российско-американского кондоминиума, но и относительно создания многополюсного мира. «Руководству нашей страны все настойчивее давали понять, что роль младшего партнера подразумевает лишь формальное равенство и мы должны с этим мириться. Предложенные новые правила игры лучше всех понял министр иностранных дел России А. Козырев, и он их принял. Но большинство политической элиты не захотело их принять»²⁶¹.

Если быть до конца объективными, то нельзя не отметить, что незадолго до своей отставки Козырев попытался повернуть штурвал внешней политики. В его выступлениях зазвучали мотивы многополюсного мира и антиамериканизма.

Младореформаторам начала 30-х гг. не хватило убедительности в том, чтобы доказать российской общественности преимущества новой внешнеполитической и новой внутривнутриполитической стратегии и последовательности в проведении их в жизнь. Либерально-демократический романтизм не перерос в убедительную, прагматичную и рациональную *realpolitik*.

Вместе с тем, представляется возможным разговор о достижениях внешней политики ельцинского периода. Как не покажется странным, но слабая Россия имела большие преимущества во внешнеполитической области, обеспеченные последовательным демократическим транзитом и стратегией партнерства с западными странами. Высокая динамика политических и экономических реформ обеспечивала ей более высокий престиж по сравнению с другими государствами постсоветского пространства. Огромное влияние Россия оказывала в тот момент на политические элиты постсоветского пространства. Это при всем при том, что не было ни нефтяного, ни газового

---

²⁶¹ Там же. С. 46.

оружия в этот период, не было возможности оказывать сырьевыми ресурсами какое-то влияние на достижение внешнеполитических целей.

С ранним периодом российской внешней политики связаны споры о том, потерпела ли Россия поражение в холодной войне. Все-таки имеются основания утверждать, что СССР определенно проиграл холодную войну. Однако, этого нельзя сказать о новом государстве - Российской Федерации.

В отличие от СССР Россия не проиграла холодную войну и этого не произошло именно благодаря ее демократическому выбору. Внешняя политика стала инструментом реализации исторического выбора, сделанного российским обществом в 1991 г. и не противоречила ему. Каждый раз, когда в силу инертности мышления или под давлением оппозиции, она предпринимала действия, идущие вразрез с историческим выбором, Россия терпела внешнеполитические неудачи. Этого едва не случилось, когда «горячие головы» в российском руководстве предлагали одной дивизией образумить Украину.

Именно в начале 90-х гг. экономически и военно ослабленное молодое государство благодаря своему единственному ресурсу в тот момент - *демократическому выбору* – добилось самых значительных успехов в своей короткой истории. Оно унаследовало от СССР все признаки «великой державы» - место в Совете Безопасности, место гаранта в ряде международных процессов, статус великой ядерной и ракетной державы. (Для сравнения вспомним обстоятельства распада Австро-Венгерской и Османской империй). Как известно, государственный секретарь США Бейкер помогал стаскивать ядерное оружие и стратегические носители в Россию. Понятно, что при этом США преследовали свои собственные цели и не хотели расползания ядерного оружия на постсоветском пространстве. Но это тот случай, и не единственный, когда национальные интересы США совпадали с интересами молодой России. В тяжелой экономической ситуации, когда значительная часть населения находилась на грани голода и даже ее пересекала, правительство Ельцина получало международные кредиты и гуманитарную помощь. Благодаря более

глубоким экономическим реформам, чем в странах СНГ, Россия стала несомненным лидером по динамике капиталистической реструктуризации и создала предпосылки экономического роста. Приватизация сырьевого сектора обеспечила в течение короткого времени восстановление нефтедобывающей отрасли, являющейся сегодня, наряду с газовой, главным ресурсом российской внешней политики. Последовательность и глубина демократических политических процессов придали России самый положительный политический имидж среди стран переходного периода.

Можно сожалеть о безнадежно упущенном времени на рубеже 80-90-х гг., когда стремительное бегство СССР из Восточной Европы не получило закрепления международными соглашениями, гарантирующими безопасность СССР и его международного правопреемника. То же самое можно сказать об отсутствии бракоразводного процесса между бывшими республиками советской империи, большинство из которых получили необоснованные территориальные подарки от щедрых коммунистических вождей. Однако было бы ошибочным ставить в вину Ельцину то, что он не повел страну в отношении соседей по югославскому сценарию.

Не надо себя обманывать - в новой геополитической ситуации для России не проходил ни один оптимистический вариант национальной безопасности. Тем не менее, Россия сохранила большинство тех преимуществ, которые имел СССР в системе международной безопасности. И, более того, она вошла в восьмерку наиболее влиятельных стран мира. Произошло, еще раз подчеркиваю, укрепление статуса Российской Федерации в качестве региональной державы. Сравнивая положение России в начале 90-х гг. и спустя полтора десятилетия, можно констатировать, что тогда мы могли с полным основанием говорить о России как крупной региональной державе, имеющей собственную сферу влияния.

За 15 лет Россия многое утратила в своих позициях в качестве региональной державы. И это является самой точной и объективной оценкой того внешнеполитического курса, который отстаивал Е. Примаков. Его

результатом стала утрата Россией многих признаков региональной державы, начиная с военного потенциала. У В качестве позитива во внешней политике Е.Примакова можно отметить появление новых векторов, в том числе ближневосточные, среднеазиатские, дальневосточные векторы. При разумном сочетании с западно-европейскими и американскими векторами это могла бы быть вполне разумная и адекватная политика.

В данный момент на постсоветском пространстве нет ни одной страны, этого нельзя сказать даже о Белоруссии, с которыми Россию связывали бы союзные отношения. Даже Казахстан, являясь субрегиональным государством, стремится перехватить у России инициативу в Средней Азии и отчетливо выступает как наш конкурент на этом пространстве.

В глобальном плане создается впечатление, что наша политика так и не оправилась от разочарования в связи с тем, что США не признали наших претензий на кондоминиум.

Прошу обратить внимание на то, что, как только Россия начинала осуществлять внешнеполитические действия, которые не совпадали с ее демократическими ценностями или были вызваны неадекватной оценкой ее ресурсных возможностей, она терпела серьезные внешнеполитические поражения.

Скажем, все хорошо помнят, как после посещения президентом Б. Ельциным европейских столиц появилась идея новой политической оси Москва - Бонн - Париж. Ничем, кроме конфуза, эта затея не закончилась.

Не исключено, что череда поражений России в конце 1990-х гг.- начале 2000-х гг. была отчасти вызвана неточным пониманием внешнего мира, неадекватным определением приоритетов, переоценкой ресурсов. Весьма вероятно, что, борясь за удержание каких-то прошлых, часто эфемерных, позиций, Россия упускала имевшиеся возможности.

В итоге можно констатировать, что Россия не сумела воспользоваться новой открытостью мировой политики и экономики. Концентрируясь на привычных вопросах безопасности и геостратегии, Москва не занималась

систематически защитой экономических интересов, встраиванием России в новую мировую экономику. Получилось так, что престижное участие в «восьмерке», в группе по югославскому урегулированию, маневры вокруг Ирака, борьба против расширения НАТО по большей части не сопровождались «политикой роста», стратегией по выгодной для страны и общества интеграции в мировую экономику.

В любом случае российскому политическому классу, руководству страны нужно проанализировать уроки 90-х гг., чтобы понять свои собственные интересы во внешнем мире, выработать реалистическую и активную политику по приспособлению к миру будущего, четко уяснить, какие позиции и интересы необходимо жестко отстаивать, а от каких все равно придется отказываться, чтобы не тратить бессмысленно политические и экономические ресурсы страны.

Тем не менее, все еще можно утверждать, что внешние условия развития России остаются в целом благоприятными. России пока никто не может и не хочет угрожать внешней агрессией или явным военно-политическим давлением. У нее нет явных крупных союзников, но нет и врагов.

Внешняя политика периода В.В. Путина.

Некоторые исследователи выделяют два периода во внешней политике президента В.В. Путина: первый, с 2000 г. по июнь 2006 г. и, второй, с июня 2006 г.

26 июня 2006 года президент Путин провел, казалось бы, обычную рабочую встречу с послами и представителями Российской Федерации в МИДе на Смоленской площади. Формальным поводом к встрече было нападение террористов на российских дипломатов в Багдаде, повлекшее их гибель. Но речь президента оказалась самой концептуально насыщенной из всех выступлений российских руководителей со времени распада СССР. Впервые были ясно сформулированы новые приоритеты Российской Федерации на мировой арене. Неожиданно для присутствовавших Путин вдруг заявил: «Россия в целом должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие». Это был непривычный взгляд на ситуацию. Президент прямо сослался на укрепление экономических позиций страны и предложил привести политическое влияние России в мире в соответствие с ее приобретенными экономическими возможностями.

Известны три официальные доктрины внешней политики Российской Федерации – 1992, 2000 и 2008 годов. Обе они выстроены по другой, идущей еще со времен Горбачева, логике. В тех документах российские приоритеты и прямо, и косвенно привязывались к ориентации на «дружбу» или «партнерство» с теми или иными группами стран (Запад – не-Запад, Евросоюз – СНГ, США – Китай и так далее). В июньской речи 2006 года международные ориентиры России были впервые за 15 лет привязаны не к странам, а к широкой глобальной проблематике.

По мнению А.Д. Богатурова в этом смысле доктрину приведения политического влияния России в соответствие с ее экономическими возможностями можно считать первой глобальной доктриной Российской Федерации – насколько, конечно, вообще о таковой уместно говорить с учетом хрупкости хозяйственного подъема в стране²⁶². Это новое понимание роли России в глобальной политике спустя менее года эхом прозвучало в преамбуле

---

²⁶² Богатуров А. Настоящая доктрина//Независимая газета. <http://www.ng.ru/printed/78455>

первого в истории официального Обзора внешней политики Российской Федерации, который был опубликован Министерством иностранных дел 28 марта 2007 года. В тексте этого документа тема «сильной и более уверенной в себе России» оказалась уже сквозной.

Позднее положения июньской речи дополнялись и конкретизировались помимо Обзора внешней политики в материалах ежегодной «большой пресс-конференции» президента с представителями российских и иностранных СМИ 1 февраля 2007 года и в Послании президента Федеральному собранию 26 апреля 2007 года.

Содержательные новации 2006–2007 годов образовали несколько групп. Во-первых, если в первой половине 1990-х годов мировая политика виделась российским руководителям через призму солидарности демократических стран, то в 2000-х годах иным стало отношение и к солидарности, и к идейно-политической близости, и к совместным действиям. После Боснии и Косово предполагать совпадение интересов России и стран НАТО «по определению» было невозможно. Еще менее уместно было ожидать подобного после начала войны США и Британии против Ирака. В Москве явно не хотели коалиций просто «из солидарности». В июньской речи утверждалось, что Россия не хочет никакой конфронтации, но «мы ни в каких «священных союзах» участвовать не будем».

Ироническая ссылка на «священные союзы» прозвучала как своеобразный отказ от наследия «демократической солидарности». В противовес ей Москва стала более активно выступать за межцивилизационный диалог – под участием в котором помимо прочего понимается, надо полагать, работа российской делегации с 2000 года в качестве наблюдателя в Организации Исламская Конференция.

«Деидеологизация по Путину» выглядела как антипод «либеральной идеологизации» при Ельцине, но одновременно и как аналог «деидеологизации по Горбачеву» в конце 1980-х годов. Логика Горбачева оказалась в каком-то смысле ближе Путину, чем приоритеты Ельцина.

Во-вторых, важным мотивом российских концептуальных построений стал тезис о диверсификации (от англ. слова *diversify*, что означает «разнообразить»). Для администрации Буша начиная с 2007 года слово «диверсификация» было ключевым понятием программы укрепления энергетической безопасности США и сокращения ее зависимости от импорта энергоносителей из политически нестабильного региона Ближнего Востока. Американцы стремились рассредоточить источники поступления нефти по всему миру, измельчить роль каждого в отдельности, повысив тем самым надежность американских закупок в целом.

В российском руководстве смысл диверсификации трактовался шире. Судя по выступлениям президента, диверсификация – прежде всего внешнеполитический инструмент, при помощи которого Россия намерена добиться сокращения зависимости от транзитных стран (Украины и Белоруссии) за счет освоения новых маршрутов экспорта энергоносителей (по дну Балтики и через северные порты).

В то же время диверсификация подразумевала и ограничение роли стран ЕС как потребителей российских газа и нефти. Евросоюз разумно заявлял о намерении (подобно Соединенным Штатам) шире использовать альтернативные источники энергии, свертывать по возможности импорт из России («диверсификация по-евросоюзовски»). Москва стала продумывать варианты налаживания экспорта в Китай и строительство трубопроводных систем к побережью Тихого океана. В этом смысле, подчеркивал Путин, «мы лишь отстаиваем свои экономические интересы и используем свои конкурентные преимущества, как это делают все без исключения страны».

Существует и третий смысл диверсификации. Несмотря на стремление России удержать линию доверительного диалога с США, изменения в российско-американских отношениях происходили. Хотя нарастания враждебности между Россией и США на уровне реальной политики нет, присутствует осторожное дистанцирование Москвы от поддержки чрезмерно рискованных предприятий Вашингтона.

Есть и связанные с этим сомнения американской администрации в том, насколько Соединенные Штаты могут рассчитывать на продолжение партнерских отношений с Москвой, если военно-политическая линия Буша, например, станет еще более жесткой в регионах мира, близких к границам России. Вот почему диверсификация – указание (пока еще больше символическое) на то, что рядом с вектором преимущественного сближения России с Западом может возникнуть вектор ускоренного развития партнерства со странами, не входящими в «Группу восьми». Могут иметься в виду, например, Индия, Бразилия и Китай.

В-третьих, документы показывают, насколько усложнилось российское мировидение в целом. Напряженное отношение к глобализации как процессу неодолимому, но направляемому из США и потенциально подрывающему международные позиции России, сменилось сдержанно позитивной оценкой. Признается, что глобализация ведет к «более равномерному распределению ресурсов влияния и экономического роста, закладывая объективную основу для многополярной конструкции международных отношений».

В правительственных кругах, очевидно, с удовлетворением констатировали, что в мире «...постепенно восстанавливаются равновесие и конкурентная среда, которые были утеряны с окончанием холодной войны».

В-четвертых, в новом ключе трактовались и источники угроз международной стабильности. Если в 1990-х годах таковыми было принято считать незавершенность внутренних преобразований в самой России, то в 2000-х годах понятие внешних угроз вернулось. К таковым отнесены расширение конфликтного пространства в мировой политике, выпадение проблематики разоружения из глобальной повестки дня, попытки создания «однополярного мира», навязывание другим странам своих политических систем и моделей развития, произвольное применение и толкование международного права.

Список угроз продолжает курс Запада на сохранение разделительных линий в мировой политике за счет постепенного расширения – посредством

кооптации новых членов – сферы западного влияния. Отдельно упоминается «выбор в пользу реидеологизации и милитаризации международных отношений».

В российских официальных текстах почти не встречается слово «конфронтация», но в них стал фигурировать термин «конкуренция» – не стран и народов, а ценностных ориентиров и моделей развития. Про такую конкуренцию говорится, что она «приобретает цивилизационное измерение».

В-пятых, российское руководство, во многом тоже впервые, смогло обрисовать оптимальный для него вариант принятия международных решений. В июньской речи Путин предложил российской дипломатии «не просто участвовать в работе по «глобальной повестке», но и вносить реальный вклад в ее формирование». Добиваться этого предстоит через оказание поддержки идее «коллективного лидерства ведущих государств, объективно несущих особую ответственность за положение дел в мире». В этом смысле основным средством решения мировых проблем является многосторонняя дипломатия.

С этой мыслью в документах перекликается другая: «...речь идет об основанной на международном праве культуре международных отношений – без навязывания моделей развития и форсирования естественного хода исторического процесса. И здесь особую роль приобретают вопросы демократизации международной жизни, новой этики общения государств и народов, а также расширения экономического и гуманитарного взаимодействия между странами».

Очевидно, напористая, хоть и завуалированная критика американского лидерства пронизывает российское внешнеполитическое мышление. При этом со стороны Москвы заметна попытка «перехватить позицию» критики. Раньше Запад порицал Москву за небрежение демократией и злоупотребление силовым подходом. Теперь наоборот – скорее Россия старается критиковать США за односторонность («однополярность»), апеллируя к ценностям демократического мироуправления, международного права, справедливости и конституционализма в том смысле, как его понимают американские

международники-институционалисты. США в долгу не остаются и указывают на недостаток свободы и демократии в самой России.

Опасность критицизма вряд ли стоит переоценивать. За полтора десятилетия новых отношений между Россией и США, Россией и Западом в целом сложилась своего рода «симметрия управляемой воинственности» словесных баталий. Россияне не идеально, но в основном научились у западных партнеров базовым техникам производства критики и управления ею. Похоже, что в Кремле и Белом доме этот аспект отношений понимают. Вряд ли случайно поэтому в ходе майского блиц-визита в Москву госсекретаря США Райс так отчетливо прозвучал мотив неуместности «перегрева страстей», к нагнетанию которых имеют примерно одинаковое отношение и СМИ, и депутаты законодательных собраний США и России. «Управляемый антиамериканизм» в России выполняет примерно ту же самую роль, что и «управляемая русофобия» в США.

А. Богатуров считает, что глобальные проблемы постепенно возвращают к себе внимание российского руководства. Расширение фокуса российских интересов в мировой политике хотелось бы приветствовать. Но памятуя опыт, трудно не тревожиться о мере обеспеченности российской внешней политики ресурсами, которые в норме могут потребоваться для проведения крайне затратной по определению подлинно глобальной политики – какой ее понимали прежде в Советском Союзе и понимают сегодня в Соединенных Штатах. Выстраивать альтернативный, антизападный вектор мировой политики Россия, похоже, не собирается. Сергей Караганов так определил внешнеполитический гибрид, который взяла на вооружение Москва: «Вместе с Западом, но своим путем»²⁶³.

Россия оказывается страной, которая стремится законсервировать нынешнюю ситуацию до тех пор, пока не ощутит себя достаточно сильной для того, чтобы активно участвовать в создании новой системы. И поэтому Россия

---

²⁶³ Там же.

возвращается к привычной для нее консервативно-охранительной функции. Но на этот раз Россия пытается отстаивать мнимую альтернативу, не обладая ресурсами для ее осуществления. В условиях цивилизационного разрыва между западным сообществом и исламским миром пытаться быть кошкой, которая гуляет сама по себе, долго не получится.

Между тем, выходя из сферы западного притяжения, Россия вовсе не укрепляет свой суверенитет, а попадает в сферу притяжения других мировых субъектов. Уже сейчас Москва весьма активно участвует в осуществлении китайских интересов, укрепляя ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), которую китайцы используют для экспансии в Центральную Азию и противоборства с США. Летние 2006 г. совместные военные маневры Китая и России – пример того, насколько высок класс китайской дипломатии, которая заставила Кремль таскать для Пекина каштаны из огня. Россию уговорили «маневрировать» в ситуации ухудшения китайских отношений сразу с Японией, Южной Кореей и США. В момент, когда Пентагон заявил, что считает Китай потенциальной угрозой, и начал давить на все страны, требуя прекратить военные поставки китайцам. И в этот момент Россия дает китайцам возможность использовать себя для шантажа Вашингтона и своих соседей. В итоге Китаю удалось повысить свои ставки в диалоге с Америкой. А Россия получила усиление подозрительности с американской стороны.

Россия также проигрывает на пост-советском пространстве. Наш политический класс продолжает рассматривать новые независимые государства (возможно, за исключением Прибалтики) как сферу своего влияния, как территории с ограниченным суверенитетом, рассматривает их как сферу внутренней политики. Реакция Москвы на Грузию, Украину, Молдову продемонстрировала, что самостоятельное движение любого постсоветского государства на Запад расценивается Москвой как проявление антироссийской позиции. При таком подходе, конечно, реальное партнерство России с Западом немыслимо.

Министр иностранных дел Сергей Лавров провозгласил в 2006 г. новый поворот в российской политике по отношению к СНГ, который должен усилить влияние России на новые независимые государства. Однако история с переговорами по газовым тарифам между Москвой и Киевом показали, что речь идет все о том же: как использовать энергию в качестве средства давления на соседей.

И последствия такой политики приводят к прямо противоположным результатам: даже страны, декларирующие лояльность Москве, пытаются найти противовес российскому влиянию. Азербайджан ведет переговоры об американском участии в обеспечении безопасности Каспия. Казахстан ищет пути экспорта своего сырья в Китай либо в Турцию. Астана и Бишкек получают вооружение от Китая.

Но самые катастрофические последствия для международной роли и для модернизации России может иметь поддержка *failed and failing states*. Как это было, например, в отношении авторитарных властей в Туркмении, Белоруссии, Узбекистане.

Нарастание внешних вызовов, обострение конкуренции, общая деградация управляемости мира требуют создания новой философии внешней политики. Нельзя отказываться от поиска путей создания клуба великих держав, которые могли бы рядом с ООН обеспечить минимальную управляемость мира.

Более пессимистично оценивает современные вызовы российской внешней политике С. Караганов. По его мнению отношения между традиционным Западом и Россией, переходит в новое качество. Многие уже торопятся определить эту стадию отношений как «новую холодную войну». Однако причины и формы противостояния, возникающего на наших глазах, заметно отличаются от истоков конфронтации, которая завершилась почти

двадцать лет назад. Противостояние разворачивается в иных условиях и будет, скорее всего, не столь глубоким, хотя, возможно, даже более опасным²⁶⁴.

Назовем этот этап «новой эпохой противостояния» (НЭП). Она принципиально отличается не только от холодной войны, но и от периода, который начался в конце 80-х годов прошлого века и завершается сейчас. Коренная черта последних полутора десятилетий – экономическое, идеологическое и геополитическое торжество либерально-демократического капитализма (прежде всего Соединенных Штатов как воплощения этой модели) и перераспределение ресурсов – людских, экономических, финансовых – в пользу стран, которые следуют этим путем. Однако сейчас ситуация меняется. В последнее время Россия стала объектом политико-пропагандистской атаки Запада. Парадоксально, но на сегодняшнюю Россию, которая в отличие от Советского Союза не пытается навязывать остальному миру свою идеологию и не настроена на конфронтацию, зачастую нападают более жестко, чем в свое время на СССР.

Часть российских политиков, видимо, решила, что обострение отношений полезно для того чтобы сформулировать новую российскую идентичность, восстановления суверенитета и управляемости политических процессов, в том числе и передачи власти. Точно так же США и часть традиционного Запада пока оставили надежды превратить Россию в дружественное им государство. Наметился переход к политике «нового сдерживания». Но и Москва поняла, что не хочет и не может интегрироваться на предлагавшихся ей до недавних пор условиях.

Россия оказывается в центре сразу двух новых состязаний, которые во многом определяют будущее мира: между потребителями и производителями энергии за контроль над ресурсами и между разновидностями капитализма. А ведь Россия уже находится на трех разломах: между радикальным исламом и христианской цивилизацией, между богатыми и бедными, между Европой и

---

²⁶⁴ Караганов С. Новая эпоха противостояния//Россия в глобальной политике. 2007. № 4.

Азией. С. Караганов предполагает усиление ремилитаризации международных отношений, обострение жесточайшей многоуровневой конкуренции – экономической, геополитической, идеологической.

Что в этой ситуации делать России? С. Караганов предлагает своего рода «дорожную карту» для России из шести пунктов²⁶⁵.

Первое. Шапкозакидательские настроения объяснимы после долгих лет потерь и унижений, но с ними нужно как можно скорее заканчивать. Все прогнозы развития мировой экономики указывают на то, что в обозримой перспективе России не удастся подняться выше нынешних приблизительно 2,5 % мирового ВВП, а если мы не достигнем устойчивого роста в 8–10 % ежегодно, наша доля будет иметь тенденцию к сокращению. К тому же большинство факторов, которые в последние несколько лет обусловили достижения России (от общего снижения мировой управляемости до успеха Китая), в долгосрочной перспективе чреваты серьезными проблемами.

Второе. Новая эра конкуренции требует перехода к экономике знаний. Преимущество, основанное на энергоресурсах, – явление временное. Необходима постоянная модернизация политической системы, чтобы не допустить скатывания в авторитаризм застойного типа. Если в период благоприятной экономической и геополитической конъюнктуры не использовать полуавторитарных и госкапиталистических методов для перехода к новой модели развития, закат России в последующую эпоху предопределен.

Третье. Мир качественно усложняется. По сравнению с СССР зависимость России от внешнего мира выросла на порядок. Необходимо резкое увеличение инвестиций в изучение современной международной среды, в подготовку кадров, которые на новом этапе и новыми методами смогли бы обеспечить защиту позиций России и ее корпораций, продвижение их интересов.

---

²⁶⁵ Там же.

Четвертое. Нужно приложить усилия, чтобы не допустить невыгодной с точки зрения среднесрочных и долгосрочных интересов ремилитаризации и институционализации нового соревнования. Отсюда – линия на предотвращение дальнейшего расширения и консолидации НАТО, осторожность в заключении союзов и ведении разоруженческих переговоров. Многие из них, как показывает опыт, могут быть использованы для ремилитаризации политики.

Противодействие ремилитаризации не означает отказа от восстановления мощи Вооруженных сил страны на новой основе и модернизации военной доктрины. При этом разумное восстановление мощи должно основываться на односторонне определяемых потребностях, а не на ответах, пусть даже и асимметричных, на действия других.

Пятое. Необходимо сотрудничать со всеми ответственными силами во имя недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия, новых масштабных конфликтов, особенно ядерных. Они могут спровоцировать неконтролируемую деградацию международной политической среды.

Шестое. В период развертывания острой фазы «новой эпохи противостояния», которая будет означать жесткую контратаку начавшего проигрывать Запада, идти ему на уступки бессмысленно. Они будут восприняты как проявления слабости. Но надо избегать и неоправданных демонстраций жесткости, на которые нас будут провоцировать и которые только растрачивают появившийся у России небольшой запас силы.

Россия – это уже не проигравшая страна, пытающаяся наверстать упущенное.

Болгарский исследователь Иван Крастев пишет, что в современной России «сочетаются качества восходящей мировой державы и слабого государства с коррумпированными и неэффективными учреждениями. Политический режим одновременно кажется крепким, как скала, и

чрезвычайно уязвимым. Экономический рост выглядит впечатляющим, но в то же время неустойчивым. Российская внешняя политика – это загадка»²⁶⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С одной стороны, прежняя «интегральная» концепция суверенитета постепенно начинает уступать место принципу «ограниченного» суверенитета, основанному на делегировании ряда полномочий и функций наднациональным органам (например, взаимоотношения в рамках Европейского союза). С другой стороны, Организация Объединенных Наций, оставаясь самым авторитетным и представительным международным институтом, испытывает серьезное влияние со стороны падающих и несостоявшихся государств, которые составляют большинство ее членов. Таким образом, модификация вестфальской системы в XXI веке практически неизбежна.

Этому процессу будут способствовать как добровольный отказ от суверенитета в части развитого мира, так и неготовность последнего признать суверенитет падающих или несостоявшихся государств, а также необходимость обеспечивать минимальные условия жизни людей на этих территориях, предотвращать распространение многих глобальных бед, в том числе терроризма²⁶⁷.

---

²⁶⁶ Крастев И. Россия как «другая Европа»//Россия в глобальной политике. 2007. № 4.

²⁶⁷ Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века//Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 10.

Вместе с тем, по мнению А.Д. Богатурова, «реальная глобализация оказалась «злей», многократно сложнее и непредсказуемой. Во-первых, «устаревание суверенитета», в том упрощенном виде, каким оно рисовалось либеральным авторам, оказалось локальным явлением. Фактически этот тезис оказался работающим главным образом применительно к странам Евросоюза, сознательно вступившим на путь самоограничения своей самостоятельности, а также наиболее слабым, как правило, небольшим государствам из породы «несостоявшихся» и «распадающихся». Во-вторых, глобализация на деле оказалась комплексным и крайне противоречивым процессом, способным создавать серьезные угрозы как раз для тех стран, которые изначально наиболее радостно ее приветствовали. Всемирный сетевой терроризм, «избравший» себе в качестве главного врага Соединенные Штаты, – «родное дитя» глобализации. Он не мог возникнуть и проявить свою эффективность с такой силой вне современного контекста всемирных экономико-финансовых, политико-идеологических и информационно-технических процессов. В-третьих, что любопытней всего, глобализация, возбудив в мире невиданные перетоки людских миграций, затронула этно-социальную структуру абсолютно всех стран мира, но наиболее непредвиденным образом последствия этого процесса обнаружили себя как раз в той группе государств, которые рассчитывали поставить глобализацию себе на службу. После веков торжества в Европе национальных государств на смену им стало приходиться не однородное наднациональное и надэтническое системное единство европейцев в рамках ЕС, а сложный и внутренне крайне разнородный и несплоченный европо-азиатский многоэтнический конгломерат. Несомненно, что «Европа наций», сложившаяся в XIX веке и существовавшая в XX, закончилась. Но то, что складывается на ее месте, походит не на европейскую супернацию, а на совокупность «вертикальных империй» – Французской, Германской, Голландской, Британской, Бельгийской и несколько совсем маленьких скандинаво-балтийских. конгломераты, политически и географически соединенные вокруг какого-то одного или двух численно доминирующих

этносов. Сегодня жизнь заставляет видеть в империях не столько символы угнетения, сколько определенный тип политической организации многоэтнических пространств. Причем сегодняшний «возврат к империям» – никак нельзя объяснить просто злыми умыслами элит и правительств. Возникновение вертикальных неоимперий – органичный продукт глобализации и, по-видимому, неотъемлемая черта современного этапа трансформации мира. надо научиться жить в условиях современной сложной многоэтничности – в том числе честно, но трезво и без истории переосмысливая все плохое и ценное, что было и есть в опыте империй «старых»²⁶⁸.

---

²⁶⁸ Богатуров А.Д. Мир вертикальных империй. Демократические страны недооценили коварство глобализации//http://www.ng.ru/politics/2006-04-25/2_kartblansh.html